

Константин Тюшилов

*Блаженный
Августин*

(Не буди лихо-
пока спит тихо)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Томилов

Блаженный Августин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68648113

SelfPub; 2022

Аннотация

Из поколения в поколение, из века в век, даже после прихода в этот мир Спасителя, даже верующие христиане и даже, что обиднее всего, православные, совершают одну и ту же ошибку, наступают на одни и те же грабли. Мы отравлены грехом настолько неизлечимо, что наше сознание, наш разум наотрез отказывается понять Слова Святых Отцов: "У Бога – все живы!" То есть, даже самые "продвинутые" могут согласиться лишь так: да – живы Там! Но в том то и дело, что все мы – живы только Здесь, а перейдём ли Отсюда Туда в жизнь вечную или в смерть вечную – об этом знает только лишь Господь наш Иисус Христос.

Константин Томилов

Блаженный Августин

Человеческая жизнь, как смертельная болезнь передающаяся половым путём или мёртвые души, том второй.

Посвящается всем девам Руси, чьи души поглотил Антихрист. Бедные, вы, Бедные – лучше бы вам сгореть на кострах инквизиции.

Реанимация.

Толкование: Реанимация (лат. ге – приставка, выражающая: возобновление, повторность + лат. animator – дающий жизнь) – совокупность мероприятий по оживлению организма, находящегося в состоянии клинической смерти, восстановление резко нарушенных или утраченных жизненно важных функций системы. Термин введен В.А. Неговским.

"Аминь (бо) глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех.=Правду вам говорю: когда вы будете судить здесь на земле, то это будет суд Божий. И когда пообещаете прощение здесь на земле, то это будет прощение Божье."

(Евангелие от Матфея 18:18)

"И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может; дверь толкнул Евгений,
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Всё указывает на неё,
И все кричат: моё! моё!
Моё!— сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг;"

Предисловие:

«Я ищущу, Отец, не утверждаю; Боже мой, помоги мне, руководи мной. Кто решился бы сказать, что трёх времён – прошедшего, настоящего и будущего, – как учили мы детьми и сами учили детей, не существует; что есть только настоящее, а тех двух нет? Или же существуют и они? Время, становясь из будущего настоящим, выходит из какого-то тайника, и настоящее, став прошлым, уходит в какой-то тайник? Где увидели будущее те, кто его предсказывал, если его вовсе нет?»

Нельзя увидеть не существующее. И те, кто рассказывает о прошлом, не рассказывали бы о нём правдиво, если бы не видели его умственным взором, а ведь нельзя же видеть то, чего вовсе нет. Следовательно, и будущее, и прошлое существуют» (Аврелий Августин Иппонийский; Исповедь. 11, XVII).

РОСТОК

– Андрей! Андрей! Ты слышишь меня? Просыпайся уже, мне на работу надо, а ты дрыхнешь и дрыхнешь! – голос мамы становился всё громче и громче, приближаясь из кухни к лестнице ведущей на второй этаж, – давай просыпайся, умывайся и завтракать, сейчас же! Или я поднимусь к тебе сама!

– Иду, мам, иду! – торопливо выпутался из одеяла Андрюшка, сразу, ещё спросонья сообразив, что сегодня мешкать с подъёмом не следует ни в коем случае. Кубарем скатившись по крутой деревянной лестнице, мельком втянув в себя, в сразу заурчавшую утробу, запах жарящихся оладий, нашмыгнув свои галоши вывалился из тёплой дачи в туманную рань. Тихое, ещё не проснувшееся утро изредка простреливалось посвистом нетерпеливых пташек. Подрагивая от сырой прохлады, шипя от прикосновений к голым ногам седой росистой травы, семилетний мальчишка, лавируя между грядок, добрался до деревянной будки. Не закрывая дверь, чтобы меньше ощущать, обострённым от свежего утра чувством, доносящуюся из дыры вонь, помочился в болотнобулькающую жижу. Прихлопнув дверь и крутнув, закры-

вая её, деревянную вертушку, пошлёпал к висящему у входа в дом рукомойнику. Как-то, мало-мальски почистив зубы и умывшись, подрагивая от прохлады ввалился назад в дачный домишко.

– Ну вот. Молодец, – довольно проговорила мама. То и дело поглядывая на постукивающие стенные часы, мимоходом вытерев засаленным полотенцем мокрые Андрюшкины ноги, толкнула его на кухню, к столу, – садись, ешь.

Пухлый, раскормленный, похожий на поросёнка, белобрысый Андрюша торопливо просеменил к парящей на столе горе только-только поджаренных жирных лепёшек. Бухнувшись задом на стул, быстро поёрзав по нему поудобнее устраиваясь, безошибочно выхватив из горки менее горячую оладушку, ткнул в тарелку, с густой как повидло, домашней сметаной.

– Уй, ты, моя умница, – довольно замурчала мать, – запивай, а то подавишься, – поставила рядом с тарелкой полную поллитровую фарфоровую кружку горячего свежесваренного чая с молоком.

– Угу, – согласно хрюкнул Андрюша, чавкая до отказа набитым ртом и отхлебнул до невозможности насахаренного питья.

– Так..., сейчас я тебе, ещё вот, чуть не забыла, – метнувшись к холодильнику, любвеобильная мамочка, достала оттуда банку свежесваренного клубничного варенья и бухнула пару ложек в яростно уничтожаемую сметану, – вот, чтобы

повкуснее было!

Чуть отстранившись, полюбовавшись на сладостное зрелище насыщающегося сыночка, очень довольная собой и потомством, Надежда Николаевна, спохватившись, глянув на часы и ойкнув, торопливо укутала Андрюшу своей вязанной кофтой и потопала в соседнюю комнату.

– Ешь, не торопись, это всё тебе, – донеслось из родительской спальни, – отцу я отдельно, в кастрюле там. Как поешь, можешь ещё немного прилечь, поспать, – переодевшаяся из домашнего в служебно-рабочее как солдат, мать торопливо чмокнув, измазанную сладким, пухлую щёку сыночка, ещё раз взглянув на настенные, а потом на ручные часы, тяжело вздохнув, – ну всё. Пошла я, – высыпалась из дачного домика. Досеменя до калитки помахала, наблюдающему за ней в окно, тщательно чавкающему сыночку, и вновь тяжело вздохнув, быстрым шагом, вприбег, посеменила на электричку, то и дело поглядывая на ручные часы.

Родители Москву ненавидели, оба, дружно. Приехав сюда из разваливающегося колхоза, пробыв положенный срок "лимитой", досыта наслушавшись "говняных плевков" от коренных москвичей, получив наконец, вместе с квартирой, заветную прописку, они жили только сыном, в котором души не чаяли, и дачей, которая тоже была для них предметом неистового поклонения. Все свои силы и мысли они направляли только на то, как улучшить этот клочок земли в шесть

соток. Приезжали сюда весной самыми первыми и уезжали самыми последними, когда уже было совсем невмочь терпеть всепроникающий холод, когда уже не спасали, всюю палящие электричество, самодельные обогреватели. Вернувшись на зимовку в городскую, тёплую, но неуютную, неухоженную квартиру, сразу же начинали готовиться к новому дачному сезону. Никогда не забывая, то поодиночке, то вместе, раз в неделю, обычно в выходные, смотаться за город, по снежной холодине, посмотреть – как там?, всё ли цело?, не полазили ли хулиганье из близлежащих подмосковных посёлков или бомжи. И несмотря на все эти меры предосторожности, один раз, когда Андрюше было пять лет, на их даче, зимой, всё же, побывали "новогодние гости". И один-единственный раз, именно тогда, сын увидел своего отца таким, каким ранее не видел никогда в жизни.

– Суки ментовские! – комментировал, своё отношение к вялой и безынтересной реакции на его заявление в поселковую милицию, отец. С колотящимся от ужаса сердечком, Андрюша выглядывая из-за коридорного угла, лупая глазёнками, наблюдал как невдалеке, при свете тусклой лампочки, обычно вялый и трусливо лыбящийся отец мечется по городской, замызганной кухне. Приехавший, добравшийся домой уже за полночь, Юрий Венедиктович "прыгал" туда-сюда, перед сидящей за столом, охающей женой, как боксёр по рингу. То обещая добраться до самой Генеральной прокуратуры, чтобы найти управу на ничего не желающих делать

"ментяр поганых", то клятвенно рычал обещая найти "преступников" самолично:

– Убью! Веришь, нет, Надюха, убью! Поймаю, найду кто это сделал и убью! – завершал "грозный мститель", свою речь, после перечисления нанесённых личному имуществу повреждений. Согласно поддакивающая мужу, со страхом поглядывающая на мужа Надежда Николаевна, время от времени накапывая себе в стакан из пузырька, то ли валерьянку, то ли пустырник, разбавив это дело водой из-под крана, дотягиваясь, не вставая с табуретки, произнеся "тост":

– И правильно, Юра! Убить!, убить их мало! Скоты! Скоты такие! Да как они посмели?! – опрокидывала в себя лекарство, как стограммовый выпивон. И убили бы они, однозначно убили, попадись им, в ту минуту, виновники их ущерба личному имуществу. Убили бы не задумываясь, яростно, жестоко, топча ногами, увеча всем, что попало бы под руку. Только часам к четырём утра, женщине удалось уговорить, взбесившегося от посягательства на его "идола", мужика, выпить немного коньячку:

– Выпей, Юрочка, выпей, немного оно полезно, – убеждала мать, сама постоянно потихоньку прикладывающаяся к рюмашке, своего совершенно непьющего и некурящего, свихнутого на "здоровом образе жизни" супруга, – вот, смотри, где же это? А ладно, ты помнишь, я тебе уже показывала статью, кандидат медицинских наук, между прочим, пишет, что если немного – то полезно, а вредно – только когда мно-

го.

Немного успокоенный, ста пятьюдесятью граммами "Ара-рата", яростно рычащий из отца бес, был на следующую ночь, когда мама ушла на сутки, окончательно утешен тётёй Зиной из соседнего подъезда, одной из многочисленных "тётё" Андрюшиного отца, к которым он не особо скрываясь, от делавшей вид, что она ничего не понимает, матери, регулярно "заныривал" для поддержки в здоровом и рабочем состоянии своего полового агрегата.

У обоих супругов, работающих посуточно на "родном" ненавистном им ЖБИ, была заветная мечта: выйти на пенсию, и, оставив жить в городской квартире повзрослевшего Андрюшу, самим перебраться на дачу, на постоянное жительство. Так, как это уже получилось у председателя их дачного кооператива, который вместе с женой, второй год проживал в построенном, из наворованного по стройкам, разнокалиберного кирпича, домишке с печным отоплением, уезжая в Москву только за пенсией и за продуктами.

Старательно дожевавший горку оладий Андрюша, немного посидел раздумывая: стоит или нет облизать опустевшую тарелку из-под сметанно-клубничной смеси. Потом сытно рыгнув и решив, что не стоит, дохлебав чай, вытерев лицо не совсем чистым кухонным полотенцем, оставив всю посуду на столе, для "пиршества" проснувшихся и гудящих вокруг головы мух, вылез из-за стола и переваливаясь как плюшевый медвежонок побрёл наверх. Сбросив с себя мамину

кофту прямо на пол перед кроватью, упал на перекомканную постель и "зарылся-закопался" в неё, тут же проваливаясь в сон, как в глубокую тёмную яму.

– Ох, рано, встаёт охрана, – услышал Андрюша, сквозь зыбкое пробуждение, голос вернувшегося с работы отца. Энергично столкнув с себя ногами, ставшее тяжёлым в потеплевшем утреннем воздухе, одеяло, мальчик потянулся и сев на кровати выглянул в затянутое марлей, раскрытое окно. Не увидав отца в пределах досягаемого обзора, вскочил с кровати и, шагнув к окну, лёг животом на подоконник. Юрий Венедиктович в рабочем комбинезоне охранника, не заходя в домишко, бросив сумку на крыльце, сновал туда-сюда по огороду, проверяя "свои владения" в которых не был целые сутки.

– Пап, привет! – крикнул в окно Андрюша.

– Привет, привет, сынок! – как всегда приветливо-подобострастно, как со всеми детьми и взрослыми, откликнулся отец.

Юрия Венедиктовича не любили и побаивались, все, и на работе, и в дачном кооперативе, и соседи по московской пятиэтажке. Не любили за маску угодливого "чего изволите", чувствуя, что под ней, скрывается что-то страшное, то из-за чего побаивалась его жена, и нечаянно увидевший, тщательно скрываемую, зверскую натуру, сын, тогда, зимой, после хулиганства в "царских владениях".

– Мама тебе там оладушек в кастрюле, а я свои все съел, как она сказала, – доложился об исполненном задании, послушный сынок.

– Всё съел? Молодец, – похвалил не оборачиваясь отец роясь в зарослях редиски, – хорошо, хорошо. Подрастает хорошо, – довольный осмотром, Юрий Венедиктович, собравшись было вытереть мокрые, грязные пальцы прямо об штаны и, опомнившись, что он не в домашнем, не в дачном, пошёл к домохозяйке. Сполоснув руки и подхватив сумку с крыльца, открыв ключом, запертую женой, дверь, протопал внутрь домика.

– Андрюха! Скачи сюда, смотри, чего я тебе принёс, – показал торопливо сбежавшему по лесенке пацану, большую, рублёвую шоколадку, – на, держи, это тебе за примерное поведение!

– Спасибо, пап! Я пока в холодильник её, чтобы не растаяла, – убирая гостинец в безбожно тарахтящий ЗиЛ, Андрейка уже соображал, что сегодня вечером ему засыпать одному, что отец уже с кем-то договорился и куда-то "намылился", что завтра надо будет, не моргнув глазом, уверить маму, что папа был всё время здесь, а мама сделает вид, что она ему поверила.

– Ну, хорошо, – согласно кивнул отец. Небрежно бросив сумку с побрякивающей внутри посудой, прямо на пол у кухонного стола, взял со стола и отправил в наполовину наполненный водой таз облаженные мухами, оставшиеся по-

сле Андрюшкиного завтрака, тарелки и кружку, где они и будут благополучно мокнуть до самого завтрашнего прихода мамы с работы, как и другая, добавляемая к ним, в течение дня, посуда. Достав из холодильника остатки сметаны, вывалив её прямо в кастрюльку с оладьями, добавив туда варенья и перемешав всё это ложкой, чинно и сноровисто, употребил внутрь себя. Разламывая лепёшки на более мелкие куски, время от времени, в шутку, легонько шлёпая облизанной ложкой по лбу, наблюдающего за ним сына. Толстенный мальчишка, каждый раз притворно пугаясь этих ударов, похрюкивая похихикивал. Говорить им было не о чем, как-то вот не о чем никогда. Андрюше не хотелось рассказывать о своих детских делах отцу, а тому совсем не хотелось слушать то, о чём сын взахлёб рассказывал своей матери, которая внимательно всё слушала и обо всём подробно расспрашивала.

– Ну, вот, поели, теперь можно и поспать, – резюмировал результаты завтрака Юрий Венедиктович, опираясь в тазик опустевшую кастрюльку. Вытащив из холодильника литровую банку с самодельным лимонадом, сделал через край несколько глотков и поставил обратно. Ткнув пальцами в круглый живот, с готовностью захихикавшего, сидящего на табуретке, сынишку, милостиво позволил:

– Можешь пойти погулять, только аккуратно, ну понял короче...

– А можно на пруд? – крикнул пробежавший половину

лестницы наверх Андрюша в сторону родительской спальни.

– Можно..., можно..., – отчаянно зевая подтвердил отец, – только осторожно..., смотри там у меня...

Пнув в сторону, валяющуюся перед полуразвалившимся от старости комодом, мамину кофту, Андрюша кряхтя приоткрыл, вытащил на себя, средний ящик. Выкопав оттуда купальные трусы, мятую летнюю рубашку с коротким рукавом и, уже становящиеся маловатыми, трикотажные шорты, переделался, бросив, снятые с себя, домашние трусы и майку поверх маминой кофты.

Потихоньку, чтобы не разбудить сладко храпящего отца, Андрюша спустился по поскрипывающей лестнице, аккуратно открыл ведущую на улицу дверь, вышел и, так же, аккуратно-тщательно, прикрыл её за собой. Глубоко вдохнув в себя свежий, звенящий птицами, ярко-зелёный день, выскочив через калитку на улицу, мелкой трусцой припустил вдоль дачных участков к пруду. Добежав до окружающих пруд деревьев, ещё не видя воды, но уже слыша дикий разноголосый детский ор, поправил, всё время зажёвывающиеся в зад, тесные шорты и припустил ещё быстрее, расстёгивая на ходу коричнево-белую, в клеточку, рубашонку.

– Андрюха, привет! – заорали из воды, изнемогающие от летней радости, пацаны, – айда к нам!

Моментально сбросив с себя рубашку в общую, валяющуюся на берегу кучку, отправив туда же тёлопотные шорты, торопливо расстегнув и сбросив сандалии, Андрюшка с раз-

бегу упал в воду вспененную множеством бесящихся в пруду детей.

– Здорово, "жиртрест", – послышались отовсюду беззлобные приветствия от более старших, в сторону не обижающегося, не обращающего на них внимания, Андрюши. Похрюкивающе хихикающий толстый мальчик вплыл в свою дружескую компанию одновозрастных мальчишек:

– Здорова, Серёга!

– Андрюха, привет!

– Привет, Вовка!

– Здорова, здорова!

– Привет, привет!

Упав на мягкую, нежную травку Андрюша отчаянно дрожал покрытым пупырышками, жирно-рыхлым тельцем. Весь сжавшись, прижав ручонки к груди и подставив обжигающему солнцу лоснящуюся мокрую спину мальчик еле-еле терпел вынужденное "отлучение" от сладостного купания, стремясь как можно скорее согреться, чтобы можно было снова вернуться в воду.

– Здравствуй, Андрюша, – донёсся до ушей, откуда то сверху писклявый девчачий голос.

– Пппри-вет, Ннна-ташка, – еле вытолкнул сквозь поси-невшие до фиолетовости губы Андрюша, постукивая зубами. Покосившись на присевшую рядом, одетую в полностью закрытый купальник девятилетнюю девочку, спросил:

– Когда приехали?

– Вчера. Как только занятия у меня в музыкалке закончились, так и сюда. Бабушка сказала, если тебя увижу, чтоб ты своей маме передал, пусть за молоком приходит.

Андрюша чуть содрогнулся от рвотного позыва: ну, вот, опять мама будет насильно пичкать его(хорошо хоть время от времени), этим жирным козьим молоком, которое она считает жутко полезным и крайне необходимым для здорового питания своего сыночка. Одинокая бабушка Наташки Еремеевой, держащая, у себя в хозяйстве, одинокую же козу, у которой время от времени появлялось потомство, приходилась какой-то дальней родственницей отцу. Отец с этой семьёй практически не общался, не хотел знаясь, все родственные отношения поддерживались Надеждой Николаевной, несмотря на то, что Еремеевский "бабский колхоз" относился к ней несколько высокомерно. Потому что, почти "коренным" москвичам, да ещё и советской "полуинтеллигенции", было, как-то, "заподлю" тесно общаться с работяжной лимитой. Огромный дом-дачу, с приличным участком в двадцать соток, бабушка Еремеевых, пописывающая "бронепартийные" стишки, получила вместе с мужем недолго просуществовавшим рядом с ней. Муж "гениальной" поэтессы, Яков Абрамович Бурков, работал непонять кем, в одном из многочисленных НИИ. Брак их продлился около пяти лет, после чего, на радостях от того, что ему удалось вырваться из "семейной тюрьмы", Яков Абрамович с одним че-

моданом, плюнув на всё имущество и московскую прописку, "ускакал выпучив глаза" в Новосибирск, в академгородок, лишь бы быть подальше от "пламенной музы". Да и вообще, ни возле бабушки, ни позже около мамы, а позднее, около старшей сестры матери Наташки Еремеевой, мужики не задерживались. С мужем старшей сестры Наташкиной матери даже до свадьбы не дошло, через полгода сбежал. С отцом самой Наташки, мать её, повела себя поумнее, сразу же женив его на себе, благодаря чему он продержался больше года, сбежав, уже когда Наташке было месяца три-четыре от роду, куда-то на один из приисков Магадана. Но и там, "рука закона" дотянулась до него и, "отшлёпав по морде" исполнительным листом, обеспечила тем самым, всю семью, "жирным северным куском", в довесок к хилому семейному бюджету женской династии.

– Ты сам, тоже заходи в гости, когда скучно будет, поиграем во что-нибудь, – призывно пропищала Наташка недоумевающе пожимающему плечами, (во что, он, пацан, будет играть с девчонкой?), Андрюше. Встала и, как взрослая, выламываясь коротконогим детским тельцем, пошла к воде.

– Андрюха! Андрюха! Иди сюда, мы жабу поймали, – проорал что есть силы Вовка, самый закадычный дружок Андрюши. Сразу же согретый, от вспыхнувшего где-то внутри, горячего интереса, Андрюша подскочил и побежал навстречу, выловившим добычу, мальчишкам.

– Чего будем с ней делать? – деловито "поставил вопрос

на совещание" Вовка, крепко держащий за заднюю лапу, некрупную, чуть больше обычной лягухи, жабу, – надует её?

– Не-не! – категорично запротестовали Сережка с Сашкой, – вскрытие! Пусть Андруха-доктор, вскрытие сделает, а то, в тот раз, нам этот придурок Ренат не дал закончить.

Великовозрастный debil-переросток, непонятно какой национальности, просидевший к каждому классу по два года и, так и, не получивший восьмилетнего образования, нигде не работая, слонявшийся по посёлку и окрестностям, "ожидаящий" когда его: или заберут в армию, или посадят, влез неделю назад в увлечённую игру мальчишек, хотя его "об этом никто не просил". Подойдя поинтересоваться, чего это там затеяла "сопливая мелюзга", увидав устроенный, внутри заинтересованно сопящего и галдящего круга пацанов, "анатомический театр", весь от лба до пояса покрытый красно-гнойными прыщами, "чучмек": сначала, отскочив от удивлённо притихших мальчиков, блеванул под ближайший куст; потом, заорав как бешеный, вращая выпученными, как у поломанной куклы, зенками; заталкивая назад в плавки, высывающийся из них, эрегированный до деревянности, член; разогнал всех немногочисленных купальщиков, торопливо похватавших свою одежду и разбежавшихся кто куда. Как судачили позже, об этом, в посёлке, у тот же день, часа два или три спустя, Ренат напал и попытался изнасиловать свою четырнадцатилетнюю соседку. В субботу, после обеда, когда на всех дачах полным полно народа. Прибежавшие на

выручку, отчаянно визжащей девчонке, соседские мужики, оторвав "волчару" от полурастерзанной "овцы", как следует поколотив его, поскорее утащили в отделение милиции, пока не появились, куда-то отлучившиеся родители потерпевшей и не прибили бы "гнойного чучмека" насмерть.

– А нож есть? – деловито поинтересовался у друзей Андрюша.

– Есть! Есть! Взяли мы с собой, – одновременно крикнули близнецы.

– Сашка! Он у тебя или у меня? – спросил Серёжка своего, мало похожего на него, брата-близнеца.

– У меня! – с готовностью откликнулся тот и бросился к набросанным в одну кучу вещам. Порывшись в них, торжествующе показал недавний подарок отца своим сыновьям, – вот он!

– Так! Хорошо. Пацаны, – скомандовал Андрюша, обращаясь к близнецам, – сделайте колышки, чтобы нам ей лапы, ну как прошлый раз.

Согласно закивавший Сашка, быстро раскрыл маленький перочинный нож и выстрогал из отломленной его братом, с готовностью протянутой ему ветки, четыре острых палочки.

– Прикалывайте, давайте скорее, – нетерпеливо поторопил Вовка удерживая вместе с Андрюшей, растянутую за лапы, выskalывающую из неумелых детских ручонок, жабу.

– А что вы тут делаете? – раздался сверху Наташкин писк, – ух ты, как интересно, – девчонка присела на корточ-

ки, втиснувшись между Вовкой и деловито объясняющим, внутренне устройство вскрытого земноводного, Андрюшей.

– Это похоже – сердце, ну этот кишки, понятное дело, это лёгкие, а это что-то непонятное, – говорил Андрюша ковыряясь, в дёргающейся время от времени, "лягухе", – мелко очень.

– Может, печень или почки? – предположили, что-то и где-то слышавшие близнецы.

– Может быть, – согласился Андрюша, – не знаю, мелкое очень всё, непонятно, – привстав и снова сев над раскуроченным животным, предложил, – давайте, пацаны, её закопаем, а то нехорошо просто так оставлять.

– Да, да, точно! – согласно загалдели друзья. Выкопав ямку и устроив "торжественные похороны" погибшему во благо науки земноводному, мальчишки снова бросились в воду.

– Андрей, – похлопала по плечу Андрюшу, помывшего руки и нож, убирающего "медицинский инструмент" в Сашкины штанишки, Наташка, – а ты откуда это знаешь? Где научился? И почему пацаны зовут тебя Андрюха-доктор?

"Отрубить ему хвост! По самые уши!" (Приговор коту Бегемоту)

– Мам, мам, а что, здесь зимой снега вообще не бывает? – ошеломлённо таращился шестилетний Андрюша в окно лихорадочно постукивающего колёсами скорого поезда.

– Ну почему же, сынок, бывает, – ответил, вместо мечта-

тельно уставившейся в окно жены, оторвавшийся от кроссворда Юрий Венедиктович, – бывает столько навалит! Ого-го-го, из дома не выйдешь. И метели бывают такие, страх, не зги не видно. Но обычно вот так, – всмотревшись в мелькающую за окном сырую холодную степь, – ветер и дождь.

– Угу, – подтвердила, не слыша и не видя никого, думающая о чём то глубоко своём, Надежда Николаевна.

По какой-то странной прихоти заводского начальства родители Андрюши получили вождеденный ежегодный отпуск не летом, а зимой. Расстроившись, попсиховав и попроклинав тех, кто не дал им возможности летом, на целый месяц всей душой предаться своей разлюбимой даче, Юрий Венедиктович и Надежда Николаевна решили съездить на родину, на которой не были с тех пор, как уехали "покорять" Москву. Радости Андрюши не было предела: во-первых, вместо скучного безделья в городской квартире, в которой и сами то родители не знали чем заняться, – путешествие, и не куда-нибудь, а в "сказочную страну", где овощи и фрукты растут сами собой, а не так как здесь, в подмосковье, "бьёшься-бьёшься, сил не знаю сколько тратишь, а урожай – так себе", где дождь всегда вовремя, солнце теплее, трава зеленее, небо голубее и т.д. и т.п.; в-третьих, никогда не виденные бабушки и родственники, настоящие, которые якобы, души не чают в папе, маме и Андрюше, то есть во всей семье Радченко. А не те, "седьмая вода на киселе", которые "вечно припрутся, потому что им в Москве что-то надо, на-

хрена б они нам сдались". И которых, мама ещё не решалась, а отец уже научился отваживать. Открыв дверь таким очередным приезжим, изумлённо и непонимающе выпучив глаза на заискивающе приседающих, ищущих ночлег на одну, две ночи, дальним родственникам Юрий Венедиктович приспособился лихо отрекаться от всех и вся:

– Кто, кто? Нет, нет! Простите не знаю таких. Нет, нет, что вы, – услышав название родного посёлка, – никогда там не был. Да и вообще, из Маасквы никуда, как родился здесь так и... Да, адрес правильно, и фамилия моя – правильно, но всё равно, где-то и чего-то вы путаете. Нет, нет, простите и прощайте. Всего вам хорошего, – решительно захлопывая дверь перед совершенно растерянными незваными гостями. И продолжая оправдываться сам перед собой, глухо бормоча под нос и не замечая одобрительно кивающую жену:

– Надоели уже, сил нет, всем им в Москву чего-то надо и надо. А у нас что?, гостиница им что-ли? Ублажай их тут, нахрена они нам сдались, ничего страшного, пару ночей и на Казанском как-нибудь перетолкуются, – заметив наконец согласно угукающую, довольную жену, – помнишь, Надюха, как мы? Две недели там, то на одном, то на другом, то на третьем. Билеты купим и живём. Днём на заводе, а ночью на вокзале.

– Хорошо хоть нас тогда в красный уголок при общаге, в конце концов пустили пожить, – с готовностью подхватывала каждый раз Надежда Николаевна, – а то уже примелька-

лись ментам, ещё б немного и, заарестовали бы и, выслали бы силком.

– Ага, – живо продолжал, повторяя каждый раз одно и то же, Юрий Венедиктович, – три месяца там, на стульях спали, мёрзли прям страх, зуб на зуб не попадал, пока наконец-то, ту каморку в четыре квадратных метра не разрешили занять.

Андрюша проёзав по полке до прохода и глянув туда-сюда вдоль практически опустевшего плацкартного вагона, вернувшись тем же способом назад, просунул голову под мамину руку. Отвлёкшаяся от наблюдений сумеречной степи, Надежда Николаевна помогла сыночку вскарабкаться ей на колени.

– Ой! Что это?! – вскрикнул Андрюша тыкая пальчиком в окно и испуганно прижимаясь к мягкому маминому телу.

За окнами скорого поезда, в стремительно сгущающихся сырых сумерках, вместе с гонимыми попутным северным ветром клочками серо-ватного тумана, то обгоняя вагон, то отставая от него, неслись какие-то страшные чудовища. Похожие то на катящихся кубарем лохматых волков, то на быстро-быстро бегущих на своих тонких лапках громадных пауков, вырвавшиеся, из какой-то страшной сказки, создания до безумия потрясали разум своей неуместностью здесь в реальном мире.

– Ничего, ничего это, Андрюша, – сама испугавшись увиденного, мама отвернулась от окна, прижав к своей любвеобильной груди голову сыночка, начала успокаивающе по-

глаживать и чмокать вихрастый затылок, – это просто трава такая, перекасти-поле называется, её ветром по полю гоняет, она и катается туда-сюда.

Отвлёкшийся от решения кроссворда Юрий Венедиктович, напряжённо внимательно взглядевшись в быстро темнеющее окно, недружелюбно забормотал:

– Да уж..., как вспомню..., ладно ещё когда эти кусты сухие, да поодиночке и днём. Тогда понятно что просто трава. А когда, как вот сейчас, темно, они сырые, и от ветра, не поймёшь: то ли катятся, то ли, на самом деле, бегут, как живые..., взрослый то, запросто обосраться от страха может, а чего уж там пацан. Нормально всё, сынок, – ободряюще кивнул недоверчиво косящемуся Андрюше, – не бойсь, ты же здесь, с нами, а это там. А раз оно не здесь, а там, то можно считать, что его, как бы и нет! Хорошо?

– Хорошо, да, хорошо, пап, – согласно закивал мальчик, с облегчением ощущая как успокаивается отчаянно колотящееся сердечко.

– Они, кусты эти, обычно поодиночке по полю катаются, – продолжил воспоминания отец, – но бывает, нагонит, набьёт их ветром куда-нибудь в затишок, в ложбинку какую или овражек, а потом порывом сильным поднимет, выкатит оттуда и понеслись они, как стая, действительно..., помню, после, армии уже, дело было, не пошёл я со всеми с дальней фермы, специально задержался, комбикорма полмешка притырил, чтоб домой. Иду, а погода, вот как сейчас, ага. И

время, то же самое, прям перед новым годом. Иду, уже огни поселковые замелькали, крутнулся я, мешок перехватывая, оглянулся ненароком, а ветер в спину, сильный такой. Глядь, а они "скачут" прям на меня, по дороге! Я мешок бросил и тикать. Никогда в жизни так быстро не бегал. Только когда до крайнего дома, где Филимониха бабка жила, добежал, очухался. Понял, что к чему, и, из-за чего, мне это померещилось. Но всё равно, домой зашёл, топор взял на всякий случай, чтоб на душе спокойнее, и назад. Дошёл до того места, а мешка нет! Кто-то утащил, пока я туда-сюда, а кто, хрен его знает, вроде б и не должны, ночь уже считай была. Помнишь, Надюха?

– Не помню я этого ничего, – сухо-враждебно отозвалась жена, – ты тогда не со мной, а с этой жил.

Поезд остановился на железнодорожной станции районного города всего на две минуты. Одинокó выпрыгнувшие из вагона Юрий Венедиктович, Надежда Николаевна и Андрюша, сразу же, побрели в здание вокзала, устраиваться на ночлег, так как автобус "домой" был только утром.

– Ох, ну слава богу, – облегчённо вздохнула мама, узнав, что есть свободные места в гостинице, – хорошо как, – возражая на ворчание отца, что холодно и сыро, – зато все вместе, в одной комнате, и не в зале ожидания, на сквозняках этих.

Родители встали утром тяжёлые, уставшие от бессонной ночи. Они оба, по видимому, так и не уснули за всю ночь,

потому что, и, сам плохо спавший, Андрюша мало-мальски угревшийся в маминых объятиях, постоянно просыпаясь от, холодными змейками, проникавшего под одеяло сквозняка, сквозь сон слышал их тихое бормотание, разговор о, чём то, странном и непонятном.

Умытый утром в пропахшем лекарствами, из-за находящегося рядом медпункта, гостиничном туалете, напившийся в привокзальном буфете еле тёплого, абсолютно безвкусного чая и накормленный недожарено-подгорелой яичницей, Андрюша слегка задыхаясь от нетерпения всматривался в серо-унылую степь. Ну, когда же?! Когда уже появится эта "сказочная страна", этот "вожделенный дом", где всё, абсолютно всё, прекрасно? Отчаянно завывающий, прыгающий как козёл по разбитой, полу асфальтированной дороге, "Пазик", наконец-то приткнулся к конечной остановке... И началось.

Большая часть из стоящих на остановке, одетых в ватные телогрейки и укутанных в тёплые платки женщин встречала их. Увидав машущую им в окно маму, встречающие загалдели как стадо гусей и ринулись к автобусу. Первым заскочил в него ражий мужчина, мимоходом хлопнув рукопожатием Юрия Венедиктовича и чмокнув, приобняв, Надежду Николаевну, схватил и на руках вынес из пустого автобуса Андрюшу:

– Вот он! Андрюха наш! – показывая и отдавая в руки слезливо-радостно галдящим бабам, брезгливо отворачива-

ющегося от воняющего перегаром, курувом и навозом дядьки, мальчика, – держите, нате! Дождались! – оборачиваясь, снова, к вышедшим из автобуса супругам, – Юрка, братишка, дай я хоть обниму тебя как следует!

– Ой-ой! Какой справненький! Какой хорошенький! Какой красавчик, красавчик наш! – заголосили тётки, теребя, тиская и чмокая Андрюшу.

– Да вот, такие мы, на аппетит не жалуемся, – подтвердила чрезвычайно довольная, раскрасневшаяся от радости, помолодевшая на десяток лет, мама, – здравствуйте, мама, здравствуйте, мама, – дважды повторилась Надежда Николаевна, обнимая и целуя, одновременно прильнувших к ней, двух родных сестёр.

– Мам, мам, так, а кто из них двоих моя бабушка? – подёргал Андрюша за рукав пальто взахлёб говорящую, с обступившими её тётеньками, маму.

Надежда Николаевна посмотрев вслед убежавшим вперёд всех старушкам ("вы тут ещё долго "тележиться" будете, так мы уж пойдём пока, на стол накроём"), вздохнув в ответ на развесёлый смех окружающих, ответила:

– Обе они – твои бабушки, только одна моя мама, а другая мама твоего отца.

– А как ты их различаешь? По платкам? – не унимался совершенно обалдевший внучек.

Все "делегация" встречающих казалось попадает в грязь от безудержного хохота. Мама тоже рассмеявшись и нахло-

нившись к Андрюше, успокоила:

– Они только сначала кажутся такими похожими, немного попривыкнешь и увидишь какие они разные.

Стол был уставлен тарелками в два этажа. Всё впере-мешку: холодец соседствовал со сладким пирогом, тушёная с жирным мясом картошка теснила горку фаршированных творогом блинчиков, редкие, образующиеся из-за круглоты блюд пространства заполнялись бутылками с самогоном и сладким домашним вином. Пирующие галдели как птичий базар, все говорили одновременно, ежесекундно меняя собеседников к которым обращались с вопросами или давая им ответы. И тем не менее все друг друга как-то понимали. Наполненный едой под самый подбородок Андрюша задумчиво ковырял ложкой наваленное ему сердобольными родственниками мясисто-сладкое месиво уже битый час не уменьшающееся на его тарелке. Сам себе удивляясь, куда в него поместилось такое количество еды и в то же время не в силах удержаться от того, чтобы ещё и ещё набрать в ложку и запихнуть в рот очередной кусочек вкусности, мальчик тарасил глазёнки на удивительно нежно помолодевших родителей, то и дело обнимаемых суетсящимися вокруг стола бабушками.

– Семёниха пришла, – испуганно пискнула, выскакивавшая зачем-то из хаты, одна из бабушек.

Испуганный, оглушённый внезапно упавшей на застолье тишиной Андрюша потянулся вслед за встающей из-за стола

мамой:

– Это она ко мне, – потрепав белобрысые волосёнки сына, попыталась вернуть его обратно, на место, – детонька моя, я ненадолго..., – и тут же уступив, почуяв по судорожно прильнувшему тельцу, что будет истерика, – ну ладно. Пойдём. Она ему зла не сделает, – мягко отвергла слабые протесты бабушек, – она всегда за меня была...

– Здравствуйте, тётенька, – пропищала подойдя к калитке мама.

– Здравствуй, милочка, – повернулась к смиренно поникшей как испуганная девочка-подросток маме, прямая, сухая как палка, старуха, – твоё сокровище? – покосилась сверху вниз на крепко вцепившегося в мамкину юбку Андрюшу.

– Моё..., сокровище..., – потеплевшим голосом ответила Надежда Николаевна, укутывая объятиями свою ненаглядную кровиночку.

– Что-то случилось, тётенька? – решительно глянула в мертвецки белесое, как у утопленницы, лицо "нужной'все-м'бабуси" и тут же снова поникла не выдерживая пристально-замогильного взгляда, – я вроде всё как договаривались, каждые три месяца почтовыми переводами пересылаю...

– Конечно пересылаешь, милочка, куда ж ты от меня денешься, после того что я для тебя сделала и делаю? – криво ухмыльнулась старуха, – добавить придётся милочка...

– А что так? Куры подорожали? – иронично-обиженным голосом перебила ведьму Надежда Николаевна.

– Не умничай! – чуть повысила деревянно-скрипучий голос Семёниха, содрогнувшись, подвигав скрещенными на груди руками, как будто отталкивая от себя что-то, – то что Она на твоего мужика сделала своей менструацией его напив – это для меня – тьфу! Тут сейчас дело посерьёзнее завертелось. Она в Закарпатье ездила, там нашла какую-то, которая у кого-то из местных попов Святое Причастие прикупает... , вот именно, – вот именно, – удовлетворённо хмыкнула в ответ на утробно-болезненный вздох Надежды Николаевны "а правда ли это? Может?" – вести верные, я сама на себе это почувствовала.

– А деньги? Откуда же Она столько денег взяла?

– Дом продала, а сама сейчас, люди разное говорят, то ли в Киеве, то ли здесь, в Одессе. Ну да ты не бойсь, милочка, не бойсь. Они, эти западэнки, слишком много о себе думают, мы тоже, здесь, не лыком шиты, тоже умеем "шашкой махать". Так что ещё посмотрим кто кого...

– Борьку зарежем, – деловито тараторила одна из бабушек, поглаживая по спине, приникшую к ней, плачущую маму.

– Жалко конечно, – вторила ей, без малейшего сожаления в голосе к предназначенному в заклание кабану, вторая, безпричинно суетясь вокруг них и непрерывно чмокая в затылок племянницу-невестку, – но надо, доченька, надо – раз такое дело.

– Так я его тогда сегодня не кормлю раз такое дело, –

деловито осведомился дядя Вова, топчась у входной двери очередной раз собираясь выйти на улицу "перекурить'это'дело", – его из загона то не выташшышь, а сытый он сам не выйдет.

Племенной хряк, которого держали только ради того, чтобы поиметь денег от случек с привозимыми со всей округи готовыми к размножению свинюшками, к вечеру визжал так, что казалось дрожит сам сырой и холодный воздух, как только что зачерпнутая из колодца вода.

– Вовка, а ты чё? Чё удумал а? – суетливо ёрзал вокруг деловито расхаживающего по двору дяденьки прибежавший неведомо откуда мужичок, – Борьку резать? А зачем? Деньги нужны? А..., понятно..., жалко, как мы теперь без Борьки, вся округа почитай на нём..., купить? Бог с тобой! Откуда у меня стока? А вот знаешь чё? Давай сменяемся? Ну да! Понятное дело, что моя хрюндельция весом вполонину меньше вашего Борьки, но ведь он – кабан, в самом таком сейчас! – задрав над головой руку, сделав кисть "рюмкой" и покрутив ею, – мясо то, пованивать будет, здесь дорого не продадите, а везти куда-то, этож такая морока! А я, ещё и приплачу малость, – присунувшись с готовностью наклонившемуся к нему дяде Вова, что-то забормотал почти на ухо, дико тараща глаза и потрясывая жидкой бородкой.

– Эммм, – удовлетворённо закрихтел хозяин "племенной'надежды'всего'района", – так то, оно конечно..., щас, я только с мамой посоветуюсь, как она скажет – так и будет.

Занырнув в дом на несколько минут, вышел из него уже с ведром свинячьего корма. Подойдя к подпрыгивающему от нетерпения мужичку, хлопнул его по с готовностью протянутой сухонькой ладошке:

– По рукам! Но только, что б сегодня всё сам и организовал: Борьку увозишь, свою Маньку привозишь, чтоб до темноты, а то мы завтра с утра уже на свежину настроились. И не корми свою, – крикнул вслед резво улепётывающему старичку, который чуть притормознув и оглянувшись покивал в ответ головой, – эх, как дядь Петю то разобрало, – повернувшись к стоящему вместе с Андрюшей Юрию Венедиктовичу проговорил его двоюродный брат, – он жешь! Юрка, ты прям не представляешь как на нашего Борьку обзавидовался. Это ж не в первый раз торг то был. Ну да ладно, может всё и к лучшему, да и Борьке посытнее у него ещё поживётся, чем у нас. У дядь Пети, дочка то, сейчас, завскладом пристроилась. Ну, правда в "командировки" иногда приходится с председателем в район ездить, но зато при "деле" ..., – посмотрев в сторону замызганных построек из которых доносился истошный визг голодного хряка, – ладно, пойду, покормлю Бориса, а то не ровён час сдохнет от натуги и обмениваться нечем будет.

Смешной мужичок произвёл "рокировку" свиних тел практически молниеносно. Не прошло и часа как послышалось тарахтение трактора. Дюжие, сами похожие на одетых в телогрейки хряков, мужики сначала деловито выпинали из

сараев Бориса и затолкали его в пустую клеть стоящую рядом с прицепом, затем лихо сняв с него и протаскив по двору клетку с застенчиво-испуганно повизгивающей молодкой, с восхищёнными солидным весом племенного хряка возгласами загрузили Борьку наверх. Не столько помогавший им, а сколько путавшийся под ногами дядя Петя, облегчённо хлопнув себя по ляжкам по окончании загрузки, выхватил из-за пазухи свёрнутую в комочек тряпицу и ринулся к дяде Вове. Увидав, как тот отрицательно мотнул головой, на ходу изменив направление подбежал к стоящим на крыльце бабушкам.

– Пересчитывать будешь? – спросил доставая из тряпицы завёрнутые в неё купюры с профилем "вождя'мирового'пролетариата" и отдавая их стоящей ближе к нему женщине.

– Ага! Щас! – презрительно фыркнула та в ответ, передавая деньги своей сестре, – ежели там хоть рубля не хватает, мы ж тебе яйца оторвём, ты нас знаешь.

– Давай, давай! Беги уже, – по-царски повелительно довершила вторая засовывая деньги за пазуху.

К вечеру, перед самым заходом, резкими порывами злого северного ветра с неба как будто сорвало грязное ватное одеяло низколежащих облаков и выглянуло неприветливое, сиренево-розовое зимнее солнце. Похолодало и запарило замерзающей сыростью. Оживившаяся от удачно устроившихся, благополучно разрешившихся дел мама потащила Андрюшу погулять по селу:

– Вот школа наша..., здрастье..., сюда мы с твоим папой до десятого класса. А вон, видишь? Вон там, там речушка наша и место для купания. Как я в девчонкой купаться любила, не передать! Нет, Андрюша, сейчас не пойдём, далеко-далеко туда по полям по грязи. Это летом, пятнадцать минут бегом и там, ноги сами несут, как на крыльях.

Вдруг, мамин голос как споткнулся, взгляд бессильно и растерянно упёрся в одиноко стоящий на отшибе села дом окружённый покосившимся, кое-где упавшим и лежащим на земле забором. Тёмные, не отражающие света, обращённые на восток окна показались Андрюше глазами однажды увиденного им собачьего черепа, неведомо как оказавшегося в зарослях позади их дачного огорода.

– Мам, мам, что случилось? Почему ты? Что это за дом? – затормошил Андрей маму за рукав.

– Нет, нет, ничего, – очнувшись от набежавшей на неё «чёрной тени» Надежда Николаевна, – пойдём домой, сыночка, поздно уже.

Нежданно-негаданно предназначенная на съедение молодая свинка, всю ночь, то поднимала панику визжа отчаянно, как обижаемая тяжкими побоями молодая женщина, то при-молкала, как будто понимая тщетность «своих'мольб'о'по-щаде».

То ли спавший, то ли опять не спавший Андрюша, сквозь дремоту слышал тихий, но увесистый топот многочисленных обитателей большого дома и их мягкое, возбуждённое

от предстоящего дела перешёптывание. Слышалось бряканье посуды, жуткие, царапающие звуки затачиваемых ножей, недовольное бормотание отца и дяди Вовы, у которых никак не получалось нормально разжечь одну из приготавливаемых для дела паяльных ламп.

Потом перед самым рассветом всё стихло. В морозно-сером, тихом полумраке особенно резко, разбиваемым стеклом, звенели одинокие взвизги свинюшки.

– Не забоишься, Андрюха? – серьёзно, как у взрослого, поинтересовался дядя Вова, наблюдая за неуверенно одевающей сына Надеждой Николаевной.

– Ничё, ничё! – убеждённо успокоил своего двоюродного брата Юрий Венедиктович, – мы тобой то, помнишь? С какого возраста?

– Ну так то мы! Мы здесь, в деревне росли, а он...

– А не важно! – досадливо отмахнулся отец, приобняв уже одетого Андрюшу за плечи, потянул на выход, – пошли сынок.

– Ну что, Юрок? Как всегда? – залихватски подмигнул дядя Вова своему «подельнику».

– А то! Ты валишь, а я добиваю, – кивнул головой Юрий Венедиктович вытягивая из самодельных ножен трёхгранный, длинный, сделанный из винтовочного штыка нож, – а ты сынок, сиди тихо и спокойно, не отвлекай нас, – также залихватски, по-разбойничьи подмигнул сидящему на поленице Андрюше, – думаешь выйдет сама? Не придётся вытас-

кивать? – посмотрел на брата, деловито взводящего курок одностволки двенадцатого калибра.

– Выйдет Юрок! Однозначно выйдет! Этож «баба», если б кабан, тот ещё «поупирается», а эта нет, ради жратвы прибежит как миленькая, для неё жратва, это всё равно, что для наших баб денежки.

– Ладно уж, разхорохорились! – раздражённо прокричала хохочущим, непонятно над чем, мужикам топчущаяся по двору, одна из бабушек, – болтуны и бестолочи, что один, что второй...

– Идёт! – перебил необидную для него ругань дядя Вова. Замолкнувшая старушка суетливо поспешила в дом. Из-за угла грязной, низенькой мазанки показалась свиная голова. Понюхав сопливо блестящим пяточком, исходящий от стоящей у ног дяди Вовы кастрюльки, аромат только что приготовленного варева, спряталась. Потом послышался отчаянный визг и свинья вылезла из-за угла полностью. Андрюша смотрел на происходящее выпучив от изумления глазёнки. Животное казалось шло, приближалось к усмехающимся мужикам не само, а как будто притягиваемое невидимыми сетями. Последние два-три метра до кастрюльки «сопротивление» рухнуло и свинья сделав пробежку ткнулась мордой в посудину и начала жадно чавкать, одновременно косясь белесыми зенками на почти упирающийся ей в лоб, воронённый ствол. Бахнул выстрел. Андрюшин отец прыгнув, как с высоты, на бьющееся в агонии животное, дёрнув вверх ле-

вую переднюю ногу, безошибочно толкнул, засунул по рукоятку «забойную» швейку». Свинюшка мелко-мелко задрожала, потянулась в длину, как зевающий, просыпающийся человек, и затихла.

– Готова, – резюмировал Юрий Венедиктович, выдёргивая нож и затыкая заранее приготовленной тряпочкой пульсирующее тёмно-красной, липкой жидкостью отверстие.

– Молодца ты, Юрок, – похвалил брата дядя Вова, – всегда с первого раза и точно в сердце..., а у меня вот не всегда так получается...

– Да ладно ты, – нехотя возразил довольный похвалой Юрий Венедиктович, – зато ты стреляешь, а я вот, как побивался ружья, так и до сих пор..., ну ты же знаешь почему, – покосился на огорчённо кивающего головой дядю Вову, – а ты сынок, – посмотрел на ёрзающего задом по колючим дровам Андрюшку, – не испугался?

– Нет! Так здорово было! Так интересно! Можно мне слезть?

– Конечно можно. Давай я тебе помогу, оп-па, – подхватил по мышке и снял с поленницы сына Юрий Венедиктович, – сейчас мы с тобой пойдём лампы «раскочегарим» пока дядя Вова перекуривает...

Уже лишённая копыт и головы, бесстыдно раскорячившаяся обрубками ног в хмурое холодное небо, раскрытая от шеи до самого хвоста свиная туша подгнившим лимоном желтела посреди суetyщихся вокруг неё людей.

– А это что? А это зачем? – то и дело спрашивал Андрюша то отца, то дядю Вову, безбоязненно и небрезгливо тыкая и прикасаясь пальцами к разбираемому на части животному и внимательно выслушивая объяснения.

– Сынок, ты так перепачкался..., и замёрз наверное, – сострадательно-переживающе пропела раскрасневшаяся и чем-то возбуждённая мама, – шёл бы в хату...

– Ну, мам! – сразу обиженно загнусавил Андрей не глядя на держащую эмалированный тазик Надежду Николаевну, в который его отец размеренно выплёскивал из кружки зачерпываемую из разверстой полости свиной туши кровь.

– Да ладно, Надюха! – вступился за племянника старший брат, – пусть уж до конца с нами будет. Андрюха у нас молодец! Вообще ничего не боится, да, Юрок, – бросил взгляд на согласно закивавшего Юрия Венедиктовича, – а сообразительный какой! Ну точно доктором будет! Хирургом! Как минимум профессором!

– Вот поэтому и прилипло ко мне это прозвище, – как-то по взрослому проговорил Андрюша, вкратце пересказав напряжённо-пристально слушающей его Наташке, недавнюю историю.

– Слушай! – притиснулась вплотную к нему, часто задышавшая, чем-то глубоко взволнованная восьмилетняя девочка, – у наших соседей собака оценилась, она такая глупая и добрая, что мне можно запросто у неё будет одного из

щенков забрать. А потом мы с тобой, где-нибудь, потихоньку его вскроем. Давай?... Чего ты? – недоумённо отшатнулась от начавшего непонятно над чем похихикивать Андрюши, – свинью же ты помогал резать и лягушку только что...

– Натаха, ты дура? – всё громче и громче смеялся здоровый мальчишка, – свинья – это еда, а лягушка хоть и не еда, но просто лягушка. А щенок – это не еда! Это просто щенок – его нельзя резать. Всё же просто и понятно. Правильно папа и дядя Вова говорят, что все бабы дуры!

Обогнув остолбеневшую от такого «поворота» несостоявшуюся «медсестру», задыхаясь от рвущегося из самого нутра хохота, размахивая над головой руками побежал к плескающимся в воде друзьям, что есть силы крича:

– Бабы дуры, бабы дуры, бабы бешенный народ, как увидят помидоры, сразу лезут в огород!

ПЕРЕЛОМ

– Министерские говоришь? – похихикивал Юрий Венедиктович «играясь» с шампурами на которых, шкворча и плеваясь жиром, румянились большие куски свинины вперемежку с целыми луковицами. Поймав на себе не по-детски укоризненный взгляд вытянувшегося, похудевшего, девятилетнего сына, поёжился и как обычно, заискивающе попросил:

– Ты, Андрюша, маме..., ну ты понял в-общем..., – посмотрев на согласно кивнувшего, стыдливо отводящего

взгляд мальчика, снова захихикал в сторону соседа по даче, – так значит, министерские говоришь? Ну, посмотрим, посмотрим, что за министерские. У них наверное и «устройство» необычное, не как у простых?

– А то! – с готовностью заёрничал в ответ дядя Петя, – там, по-любому, «не вдоль, а поперёк»!

Непонимающе пожав плечами, из-за чего, почему два взрослых, вроде неглупых, мужика вдруг загоготали во всё горло, Андрей пошёл в дом.

«Кто это идёт от Едома, в червленых ризах от Восора, столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? «Я – изрекающий правду, сильный, чтобы спасти». Отчего же одеяние Твоё красно, и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле? «Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моем и попирал их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Своё; ибо день мщениия – в сердце Моем, и год Моих искупленных настал. Я смотрел, и не было помощника; дивился, что не было поддерживающего; но помогла Мне мышца Моя, и ярость Моя – она поддержала Меня: и попрал Я народы во гневе Моем, и сокрушил их в ярости Моей, и вылил на землю кровь их».

(книга пророка Исаяи)

Поднявшись к себе на второй этаж Андрей упал на так

и не запроваленную с утра кровать. Было не просто жарко, а как-то томительно, изнемогающе душно. Даже вездесущие мухи и комары летали вяло, одуревше-бесцельно. Незлобно отмахнувшись от сразу улетевшей куда-то, мелкой, обычно активно-надоедливой мошки, Андрей покосился на присевшего на предплечье комара. То взлетающий, то снова присаживающийся на кожу «кровопийца», как бы не знающий чего ему надо, потыкавшись тонюсеньким, гнущимся как волосинка хоботком, нащупав наконец самое то, сначала впившись жалом до самой головы, потом подавшись немного назад, начал «набивать брюхо». Пристально наблюдающий за процессом комариного насыщения мальчик, дождавшись когда насекомое насытившись до отвала собралось было улетать, шлёпнул по нему ладошкой. Равнодушно посмотрев на получившуюся кровавую кляксу вытер ладонь об тёмно-коричневые шорты.

«А то мама опять ругаться будет», – подумал вспомнив недавний инцидент, когда он так же размазал «кровопийцу» по белой, только что постиранной майке. Потом поплевав на ладонь, стёр остатки комариного «пиршества» с предплечья.

«Анализы не получилось им собрать», – возникла, неизвестно откуда, чуждая ребёнку мысль.

«Чего это?!», – испуганно вздрогнул Андрюша, – «а-а, это наверное про то как с Наташкой в докторов играли». Вспомнив как недавно, приходящаяся ему то ли троюродной сестрой, то ли тётей девочка, заманив мающегося, в дождли-

вый день, от скуки мальчишку к себе домой, сначала начав с «профосмотра» плавно перешла в «гинекологический кабинет». И как их чуть было не застукали с поличным вернувшиеся домой старшие родственники.

«А всё Наташка дура виновата..., где это она видела..., чтобы врач и больная обнимались, целовались и гладили друг друга...», – закружились обрывки мыслей у проваливающегося в тяжёлый, тёмный, обморочный сон мальчика.

[«Я лечу..., нет я падаю..., да это же я на качелях, только почему-то когда лечу вверх становится нестерпимо жарко, а когда вниз до дрожи холодно..., нет – это сейчас день рождения у меня и мама наготовила много-много всего вкусного и я ем, ем, ем..., а почему это вдруг шоколадный торт превратился в Наташку? И почему она взрослая? И почему голая?»

– Андрей, Андрюша, сладкий мой, желанный мой, иди, иди ко мне, съешь меня, знаешь какая я сладкая? Попробуй, попробуй...

Чёрные как южная ночь глазищи казалось росли и росли заполняя собой всё вокруг, по змеиному шипящий голос обволакивал, душил в объятиях трясущегося как в горячечной лихорадке мальчика.]

Андрей вскрикнув, как вынырнувший из глубины утопающий, проснулся, вырвался из кошмара.

– Андрей! Сынок, ты чего там? – раздался снаружи встревоженный голос отца.

Соскочив с кровати и подойдя на заплетающихся ногах к

окну Андрей посмотрел вниз. Юрий Венедиктович держа в одной руке полупустую лейку, приставил вторую козырьком ко лбу защищая глаза от заходящего солнца и пристально взглядываясь в очумелое лицо сына.

– Да ничего, пап, всё нормально, заснул и приснилось что-то...

– А-а..., ну ты это конечно зря, спать на закате, да ещё и в такую жару..., сходи в душ ополоснись и полегче станет, ну или на речку сходи искупайся...

– А можно?! – подпрыгнул от радости Андрюша.

– Можно..., только смотри мне, не так как прошлый раз, не сиди подолгу в воде, а то если тогда мне из-за тебя мать чуть голову не оторвала, то если сейчас простынешь, она меня точно убьёт.

– Ага, хорошо, – согласно кивнул головой мальчишка и отошёл от окна.

«Что это?», – ошеломлённо подумал Андрей рассматривая темнеющее мокрое пятно на вздыбленных эрекцией шортах, – «у меня что, выплеснулось то же самое, что вылетает у Кольки-дурачка?», – вспомнил он бесцельно шатающегося по посёлку глухонемого дебила, который то и дело, останавливаясь где ни попадя, вытаскивал из замызганных брюк тёмно-коричневый член и начинал драть его, дрожа, повизгивая и пуская длинную сопливую слюну.

«Фу, гадость какая! Надо переодеться», – подумал Андрей и потянув шорты вниз замер.

«Когда это у меня появилось?», – спросил сам себя вызревающий подросток рассматривая несколько «ресничек» одиноко чернеющих поверх расслабляющегося, опадающего «стручка». И вдруг, какая-то неизъяснимая нежность к самому себе стиснула его ещё детское сердце, какое-то истомное предчувствие бездны предстоящих ему умопомрачительных наслаждений, приоткрытая дверь к чему-то тайному, глубоко сокровенному.

Неудержимое стремление Андрея как можно скорее окатиться в нагретой до парной теплоты воде, погнало его напрямик, через заброшенный соседский участок. Потихоньку, аккуратно пробираясь по еле заметной тропинке через заросли крапивы мальчик в испуге замер услышав нереально-неземные звуки.

– Эпллхфе! Эпллхфе! – то ли по-козлиному мекал, то ли плевался хриплый голос.

«Да это же просто Колька-дурачок», – успокоено подумал Андрей, вспомнив четырнадцатилетнего скрюченного непонятной болезнью инвалида.

«Только что-то он чересчур разошёлся, не на шутку разыгрался со своей «колбаснёй» задроченной», – подумал ещё не вступивший в Эпоху сексуальной зрелости пацан, для которого, пока что, все половые интимности, выпирающие наружу из серой обыденности, казались клоунски-смешными. Колька-дурачок, которым явно тяготились его вечно

нетрезвые родители уже, по-хорошему, давным-давно должен был бы быть в специализированном интернате. Но, почему-то, из-за «пробуксовывающей» на каком-то этапе советской бюрократической «машины» слонялся по дачному посёлку, то и дело прогоняемый пинками под зад всеми жителями от мала до велика. Занимаясь в основном, какими-то, странно пристальными наблюдениями за играющими детьми, а потом припрятавшись в укромном месте, он самозабвенно отдавался тому делу, которым занимался и сейчас. Только в отличие от прежних случаев, когда Андрей, один или с друзьями, «застукав» дурачка за дурацким занятием, прогонял его хохотом и пинками, Колька сейчас внушал, исторгал из себя тяжёлый, тошнотворный ужас. Выпучив дико блестящие глаза, махая перед собой скрюченной как куриная лапа правой рукой, плеваясь тягучими соплями и слюной издавая при этом нечленораздельные звуки, глухонемой инвалид яростно терзал левой, более-менее здоровой рукой эрегированный до крайнего возбуждения член. Крадучись чуть подавшись вперёд, Андрей посмотрел туда, куда был отчаянно устремлён бешеный взгляд Кольки и потихоньку опустился на колени изо всех сил борясь с охватившей всё его существо дурнотой.

«Да как же так?! Что она тут делает? Как не боится?», – вихрем закружились мысли в голове чуть не падающего в обморок Андрея. В нескольких шагах от онанирующего дурачка, спустив до коленок трусики, задрал до подмышек са-

рафан и выгнувшись вперёд, чтобы хорошо был виден низ её живота, скрестив руки на груди стояла Наташка. Чёрные глаза будущей, зарождающейся ведьмы, пристально наблюдающей за происходящим действием, казалось заволакивали всё окружающее пространство дымно-оловянным, удушливым мерцанием.

–Уву-уву-увуувуву! – завопил достигший наконец-то оргазма дурачок беззастенчиво извергая из себя семенную жидкость. Недолго подёргавшись искалеченным болезнью телом, как выкручиваемое при ручной стирке бельё, Колька судорожно, торопливо натянул штаны. Испуганно посмотрел на продолжающую стоять в той же позе Наташку и вдруг рухнул на землю как придавленный неожиданно свалившимся на его голову непомерным грузом. Истошно завопив как попавшая под колёса тяжелого грузовика бродячая собака, инвалид то ползком, то на карачках, «выполз», высвободился из-под высасывающего его жизненные силы энергетического давления и бросился бежать, хромя, спотыкаясь и падая. Разочарованно понаблюдав за улепётывающей жертвой, Наташка глубоко вздохнула, очнулась и пришла в себя. Неспешно натянув трусики и оправив сарафан, шагнув вперёд носком сандалии засыпала земляной пылью и притоптала бывшее только что частью мужской плоти. Пристально и сосредоточенно посмотрев вниз, плюнула себе под ноги. Потом с кривой усмешкой растерев подошвой получившийся комочек грязи, неспешно зашагала в ту же сторону куда убе-

жал Колька-дурачок.

«Ой, мама! Что это такое было?!», – кое-как ворочались мысли в одурманенной голове Андрея. Напрягшись, собрав все силы, мальчишка поднялся с колен и продрался через по-луразломанный забор. Стараясь не смотреть на то, что оставили после себя эти двое, пытаюсь не думать об этом, не вспоминать, Андрей на запинаящихся как от усталости ногах, пересёк тропинку и бросился напрямик через лесок к пруду.

– Юрий Венедиктович, проводили бы даму искупаться! – тоненьким, девчачьим голоском пропищала одна из «министерских тётъ».

– О'кей, мадам! Сей момент! – угодливо пропел Андрюшин отец суетливо вскочив из-за устроенного прямо на земле «пиршества».

– Ой, ой! – прокряхтела одетая в закрытый купальник, толстенная тётя, мимоходом с брезгливой ухмылкой оторвав прилипшую к жирной ляжке клеёнку, с превеликим трудом поднимаясь с земли, – что-то, непродуманно у вас, мальчишки, как-то застолье организовано. Можно было бы, какие-то кресла пляжные, или стулья на худой конец, стол какой-нибудь, хотя бы раскладной, – недовольно забурчала слегка покачиваясь от выпитого и съеденного, облизывая жирные от еды губы и постоянно соскальзывая взглядом спрятанных за стёклами дымчатых очков, белесо-голубых, выпученных

глаз на обтянутый плавками массивный «бугор» Юрия Венедиктовича.

– Так ведь пикник же, Анастасия Абрамовна, так сказать, отдых на лоне природы! – ёрзал вокруг необъятного тела незадачливый кавалер, изо всех сил скрывая своё отвращение к сопровождаемой «даме».

– Пётр Петрович! – басом прогудела вторая из «министерских тётъ», завистливо поглядев на повизгивающую в воде подругу, – и Вы меня проводите до воды! А то, уффф, жарко так, хоть и темнеет уже.

– Ну, это мы могём, это мы запросто, – заплетающимся языком еле выговорил крепко выпивший дядя Петя, помогая подняться второй толстенной женщине предпенсионного возраста, при этом сам чуть не падая от непомерных усилий, – и я, и я, с вами тоже поплаваю, а то разморило совсем... А ты, Юрка, чего? – спросил у возвращающегося ко столу Юрия Венедиктовича.

– Некогда, Петя, – отрицательно мотнул головой в ответ тот, – Андрюшка, что-то совсем смурной, надо бы домой его отвести, а то мало ли что.

– А Вы вернётесь, Юрий Венедиктович? – отчаянно взвизгнула из воды переставшая плескаться «министерская дама», как бы почуяв «недобрые» намерения «ухажёра».

– Да-да! Конечно! Не извольте беспокоиться, Анастасия Абрамовна! – склонился в угождающем полупоклоне отец Андрея, – вот только малого до дому, до хаты провожу, а то

ведь темнеет уже!

– Пойдём, сынок, – стерев с лица лакейскую улыбку посмотрел на Андрея Юрий Венедиктович, каким-то горестно-озабоченным, маминым взглядом, – ты как себя чувствуешь? – мимоходом потрогал лоб мальчика ладонью проверяя нет ли температуры.

– Да не знаю, пап, – пожал плечами Андрюша, – что-то тошнит как-то..., и голова кружится.

– Ну вот и пошли потихоньку, – крадучись оглянулся отец на разыгравшуюся в воде троицу, собирая и неслышно укладывая свои вещи, – клеёнку не получится, – озадаченно проворботал приподнимая позвякивающую посудой сумку, – да ну и хрен с ней, всё равно уже такая старая, что только выбросить её..., не жалко, – завершил оставляя «друга» и соседа по даче на «произвол судьбы», тихо, неслышно скрываясь вместе с сыном в неспешно сгущающихся сумерках.

– Ну ты, Юрка! Ну пиздец какой-то! Ну ты меня подставил! – возмущённый полукрик-полушёпот дяди Пети слегка заглушался рокотом перекачивающегося где-то вдалеке грома.

– Да хорош уже тебе! – спокойно и уравновешенно осадил своего соседа Юрий Венедиктович, – и не ори, потише давай, сказал же тебе, Андрюша только что уснул, еле-еле. Что-то совсем расхворался он..., там ещё, в темноте не так заметно было, а дома на него глянул..., тыщ..., попадёт мне

от Надюхи.

– Температура? – как-то испуганно спросил дядя Петя.

– Да вроде не сильно высокая, тридцать семь и пять, но какой-то он весь..., не знаю, смотреть больно, не пойму почему так... А с этими, что так получилось, ты сам виноват, ты эту «кашу заварил»...

– Да, Юрок! Я тебе клянусь, не так всё должно было быть! – опять горячо запротестовал дядя Петя, – я договаривался с другими двумя, они соседки этих, их домики на турбазе рядом стоят. Те двое молодые, интересные, на самом деле, ух, такие все из себя! И главное дело, вроде с такой охотой согласились, точно-точно, говорили, придём, только чтоб шашлыки хорошие были, очень, говорили, хотим шашлычков поесть! Ну и я когда за ними пришёл, в домик стучу – никто не открывает. И тут эти двое, уже расфуфыренные, из соседнего домика выползают, говорят, что дескать тех, соседок ихних, чего-то вдруг, в министерство вызвали, якобы машина за ними пришла, и они, якобы, просили чтобы они их заменили, вместо них с нами на пикник, типа не пропадать же шашлыкам...

– Да уж, конечно, «заботливые», блядь, прям какие-то, и те, и эти, – иронично хмыкнул Андрюшин отец.

– Да и я о том же!

– Ну и послал бы их нахрен.

– Растерялся, Юрок! Честно растерялся, не ожидал такого, прям сам не свой.

– Да уж. Действительно. На тебя это не похоже. Совсем не похоже. Странно всё это как-то, – озабоченно согласился Юрий Венедиктович, – ну и как ты? Как выкрутился?

– Нуууу, – снова обиженно загнусавил дядя Петя, – когда стало понятно, что ты «с концами слинял», они конечно конкретно на меня «окрысились». Мне бы, по хорошему, послать бы их ко всем чертям и уйти, а не могу, ни язык, ни ноги не слушаются. Вроде ж мне, когда поддатый, «море по колено», а тут..., как пацан пятилетний стал, и главное, почему то, страх такой навалился, аж дышать тяжело. А эти двое, стиснули меня с обоих боков, провожай нас, шипят, а то завёл, мол, незнамо куда, провожай теперь домой. Ага, думаю, не я вас провожаю, а вы меня «конвоируете». И главное, Юр, говорят, что некрасивых не бывает, а бывает мало водки, а я смотрю на этих, и понимаю, что столько выпить, просто невозможно. Совсем не хочу ни одну их них, обе страшные, старые, толстенные...

– Ага! Да ещё и выдывались весь вечер как королевы красоты, то им не так, это не эдак! А сами, ни на копейку к столу не принесли! Всё наше: и выпивка, и закуска. Всё подчистую сожрали и выпили.

– Вот именно! Ну дошли мы с ними до турбазы, я им и говорю, пардон, типа, мадам, мне крайне необходимо посетить «ватерклозет», и прямиком туда. Они стоят. Ждут. А я, даже не заходя туда, мимо, там заборчик невысокий, через него прыг, знаю что им ни за что не перелезть, с ихним то

весом, а вслед! Ох, Юрка! Такое! Такие крики, такие слова! Веришь – нет, как камни по спине, я даже запинался и падал. До сих пор спина болит, как будто на самом деле...

– Ай, да ладно тебе, – насмешливо и в тоже время испуганно попытался возразить Юрий Венедиктович, – хотя..., может и на самом деле..., я и сам весь, там на берегу, как в тисках зажалю меня, когда ты с этими двумя пришёл. Нет бы, сразу «раскланяться», послать их на три весёлых буквы и уйти, нет же, начал вокруг них «берримора» изображать. И чем дальше, тем хуже. Если б не Андрюша, не знаю чем бы всё закончилось.

– Ладно, слава богу, что всё обошлось, – согласно хмыкнул дядя Петя, – пойду я домой, а то вот-вот ливанёт.

За стенами домика все сильнее и сильнее шелестели листьями встревоженные приближающейся грозой деревья.

– И знаешь ещё что, Юра, – обернулся на пороге «незадачливый мушкетёр», – весь вечер, с самого того момента, когда эти двое навязались на нашу голову, у меня было ощущение, что они те самые двое, ну те, молодые, с которыми я днём договаривался, но только, как-то, непостижимым образом на тридцать лет постаревшие..., бред конечно, потому что такого нет и быть не может..., да только вот, сидит у меня это до сих пор в башке и всё тут!

– Слушай, Петь, а откуда они, тётки эти, из какого министерства?

– Министерство финансов. А вот какое именно: союзное

или федерации, это я что-то запамятовал, – ответил сосед уже из-за двери.

Сладко-сладко спавший под хлопающие звуки дождя и незлобное порывивание грома, Андрюша проснулся. На улице, в абсолютном мраке окружающем дачный домик, стояла какая-то девственная тишина, изредка возбуждаемая всплесками тяжёлых, полновесных капель и робким перекликом ранних птах. Липко-тяжёлый, как растаявший тёплый холодец, воздух внутри помещения понемногу освежался развеиваясь льющимся снаружи холодком. Снизу, из родительской спальни, слышался то удушливый храп отца, то невнятное бормотание. Юрий Венедиктович потому и не любил спиртное, что не только тяжело болел похмельным синдромом, но и каждый раз, заснув «навеселе», разговаривал по ночам, устраивая иногда целые «радио спектакли», о чём ему утром иронично-горестно рассказывала жена. Андрей прислушался к становящемуся всё более и более отчётливо-му разговору отца с кем-то неведомым.

– А! Вот ты оказывается какая!... Ух,... Ух, Настюха!... Да, я тебя сейчас!... Ах, ты блядища-то оказывается какая!... Вот, сейчас, я тебя вот так!... Ну держись!... Уву-уву-уву-уву!!! – завопил, совсем как Колька-дурачок, Андрюшин отец, закричал деревянными пазами сотрясающийся старенький диван, и всё стихло. А через несколько тягостно тягучих мгновений, леденящую кровь тишину «разбил» спо-

койно холодный голос Юрия Венедиктовича:

– А эта тварь как здесь оказалась? А ну брысь..., ты смотри, не хочет! Ну-ну...

Послышался увесистый удар по чему-то мягкому и в то же мгновение истошный кошачий вой.

– На тебе! На тебе! – уверенно попадал по мечущемуся в закрытой комнате животному «опытный садист».

С обмирающим от ужаса, лихорадочно стучащим сердцем, Андрей торопливо сбегал вниз по лестнице и распахнул дверь в родительскую спальню. Взбешённая, чёрная котра дико завывая выскочила из душной как парилка комнаты и царапая когтями ступеньки взлетела на второй этаж в Андрюшину комнату. Потом послышался треск разрываемой натянутой на окно марли и «незванная гостья» тяжело шлёпнулась вниз на картофельную ботву.

– Пааап, – стуча зубами спросил Андрей растерянно разглядывающего разгромленную комнату отца, – а что это? Что это было?

– Не знаю, Андрей, – озадаченно пожал плечами Юрий Венедиктович сосредоточенно разглядывая зажатую в руке тляку, – как она могла в комнате оказаться?

Спросил сам себя, неизвестно что имея в виду, то ли садовое орудие, то ли ускользнувшее полуживое животное.

– Эх, ну за такое, нас с тобой, Андрюха, мамка точно прибьёт..., а это ещё что? – покрепче зажав обеими руками тляку вышел в коридор на звук открывающейся двери, – Надю-

ха... , легка на помине...

Тяжело переступающая ногами, промокшая до нитки женщина, равнодушно, как сомнамбула, посмотрев на мужа и сына, прошла в кухню и упала на слегка покосившийся под её весом, заскрипевший стул:

– Вовка звонил, мне работу, вечером... , сегодня днём Семёниху в её доме убитую нашли... , скотина её с утра некормленая орала, орала, соседи и пошли к ней... , изнутри было закрыто, они, мало ли что, участкового позвали... , тот распорядился дверь взломать, зашли, а там... , ночью видимо всё произошло, соседка, баба Таня говорит около двенадцати у неё свет горел, свечи... , «швейкой» её, такой же как у нас, к столбу, который посередь хаты матицу подпирает... , под подбородок, Вовка говорит, высоко так висела, ноги до пола не доставали... , глаза выколоты и язык отрезан... , всё, «отвоевалась» Семёниха... Юрочка!!! – вскочив со стула судорожно прилипла к неуверенно ухмыляющемуся мужу, – что с нами теперь будет?! Кто нас защитит?!

– Да перестань ты, Надя! Перестань, – недовольно и несогласно покрутил плечами Юрий Венедиктович, – враки это всё! Не верил я в это, никогда, и сейчас не верю. Враки, бабские бредни и выдумки, всё лишь бы денег «на дурняка» поиметь. Нельзя ни приворожить никого, ни наоборот, ни заговоры эти ни на кого не действуют, ни проклятия. И сглаза никакого тоже не существует, так же как нет ни бога, ни дьявола, ни ангелов, ни бесов. А всё это бабки понапридумыв-

вали, чтобы на этом деньги зарабатывать. И Семёниху эту, точно из-за денег «пришили». Что значит нет? И что, что окна целы и дверь изнутри была закрыта? Да там, Надюха, на зоне такие спецы, такие фокусники, что не только это, а и ого-го...

– В-общем, похоже, влипли мы, Юрок, крепко влипли, – оловянно помаргивая глазами пробормотал дядя Петя, сидя вечером этого сумасшедшего дня, на кухне своего соседа по даче. Весь этот день, мама то плакала, то пыталась навести порядок устраняя разгром после «кошачьей бойни», то принималась лечить неведомо от чего, неведомо чем болеющего Андрюшу. Только к вечеру, она вдруг решила поехать в город, чтобы либо отработать пропущенные полсутки, либо «успокоиться» одной на городской квартире.

– Ладно, не гони, чего бы мы влипли? При чём, мы то здесь, – спокойно урезонивал своего «подельника» Юрий Венедиктович, обнимая обеими руками притиснувшегося к нему Андрюшу.

– Да ты пойми, – опять тревожно вскинулся дядя Петя, – Андрюше обязательно это слушать? – с сомнением кивнул на полу дремлющего мальчика.

– Пускай, – уверенно кивнул в ответ отец, – он всё время с нами был, пусть знает, что в случае чего говорить надо, а что не надо.

– Так вот, менты, говорят, нашли одну из тех, ну с которы-

ми я насчет шашлыков договаривался. Голую, и как тупым топором порубленную, побитую...

Андрюша вздрогнул всем телом и задрожал, как будто провалившись под лёд.

– Ну-ну, всё нормально, – ещё сильнее стиснул его в объятиях Юрий Венедиктович, как будто согревая от озноба, – ну и что дальше? – подтолкнул вопросом замолчавшего дядю Петю.

– Ну так вот, одну нашли, а вторая совсем куда-то пропала. Говорят, что никто за ними из министерства машину не посылал, а в то же время, куча свидетелей есть, что чёрная «волга» за ними приезжала. Примерно после обеда, почти сразу после того, как я с ними разговаривал. И ещё, что самое странное, никаких толстых старух в соседнем домике нет, и вроде как и не было. И самое странное, ту, которую нашли, зовут..., то есть звали, Анастасия Абрамовна.

Андрея затошнило, кухня, стол, дядя Петя закружились в каком-то хороводе.

– Ну-ну-ну! – отец слегка встряхнул осоловевшего от всего услышанного Андрея, – всё нормально, всё нормально. Всё это просто и объяснимо. Те, толстые старухи, видимо какие-то родственницы, тех министерских молодух, а иначе как бы они туда попали? Возможно даже мамашки ихние, почему и так похожими они тебе на них показались. И представились они именами этих самых молодух, чтобы «ролям» соответствовать, и сбежали они, когда «жареным запахло»,

чтобы как бы ни при делах быть... , а может ещё и вчера ночью, психанув, умотали... , короче так, нас с ними, вроде как, никто не видел, поэтому, знать ничего не знаем, и ни с кем мы, и никогда! Понял, Андрей?

Как-то вдруг, внезапно, почувствовавший себя намного лучше, мальчик согласно закивал головой:

– Да, пап, конечно. Мы просто, втроём, дома здесь были. Шашлыки делали, никуда не ходили.

– И то верно! – тоже облегчённо, как сбросивший тяжёлую ношу, вздохнул дядя Петя, – здесь вчера, весь вечер, пили-ели, а потом спать. И знать – ничего не знаем, и ведать – ничего не ведаем, и слышать – ничего не слышали...

ИНФЕКЦИЯ

Жизнь Андрея поменялась как по мановению волшебной палочки. Москва – покорила и склонилась перед бывшей лимитой в раболепном поклоне. Этим же летом родители домучили своё заочное образование: Юрий Венедиктович – высшее историческое, а Надежда Николаевна – средне-техническое финансовое. И за последующие три года всё окружающее, снова распухшего от спокойной сытости подростка, изменилось до неузнаваемости. Отец, как-то очень быстро, получил высокую должность в реорганизованной вневедомственной охране и сменил служебный комбез охранника на милицейскую форму. Мама, в этой же конторе, возглавила один из многочисленных экономических отделов. Их,

обоих, увозили на работу и привозили домой, в новую четырёхкомнатную, заваленную мещанским хламом, квартиру на служебных автомобилях. Дача, как и весь дачный посёлок, изменилась коренным образом. Из-за крайне удачного расположения на юго-западе Москвы (близость к городу, транспортная развязка и экология) население поменялось почти полностью. Простое работяжное быдло вытеснилось подложно-малозаконными постановлениями, участки увеличились и заселились советской буржуазией обильно расплодившейся «в застойном аквариуме». Укрупнённая путём присоединения дяди Петинского участка дача родителей Андрея, перестроенная нанятыми кавказскими строителями, превратилась в приличный, комфортабельный домик годный для круглогодичного проживания. Дальние родственники Еремеевы, сохранившие свою привилегию проживать зимой и летом в ставшем престижным посёлке, раньше не желавшие и «носа показать» на их даче, теперь постоянно «ёрзали туда-сюда» не давая «побыть в тишине». Приезжие же, не дававшие ранее «спокойно дохнуть» полужнакомые-полуродственники исчезли совсем. Зато в обилии расплодились «друзья» из числа «коренных москвичей».

– Как же так, Юра? – устало-иронично спрашивала похудевшая и приобретающая какой-то полуинтеллигентный вид Надежда Николаевна, – раньше они от нас «морду воротили», знать не знали и знаться не хотели, а сейчас мы для них прям лучшие друзья?

– Так, а как ты хотела, Надюша? – в тон ей, угрюмо хмыкал пополневший, горделиво-заматеревший Юрий Венедиктович, – этож всё денежки, они кого хочешь самым уважаемым и любимым человеком сделают, они кого хочешь отучат от привычки говном плеваться.

А денег действительно было много. Не от официальной, довольно таки высокой зарплаты обоих родителей, которая перечислялась на сберкнижки и там же оставалась, почти не расходуясь. «Бумажная лавина» обрушилась на жившую долгое время в стеснённых обстоятельствах семью из других, незаконных источников. Получившие в силу своих служебных полномочий доступ в различные «нужные кабинеты», родители Андрея чуть ли не ежедневно приносили домой наполненные купюрами «благодарственные» конверты.

(Стало на сердце попа веселее.

Начал он глядеть на Балду посмелее.

Вот он кричит: “Поди-ка сюда,

Верный мой работник Балда.

Слушай: платить обязались черти

Мне оброк по самой моей смерти;

Лучшего не надобно дохода,

Да есть на них недоимки за три года.

Как наешься ты своей полбы,

Собери-ка с чертей оброк мне полный”.

Балда, с попом понапрасну не споря,

Пошёл, сел у берега моря;

Там он стал верёвку крутить

Да конец её в море мочить)

Пушкин, Александр Сергеевич который.

Беда обрушилась на успокоившуюся в беспечной сытости семью, как обвалившийся потолок в заброшенном полусгнившем доме. Диагноз поставленный врачами Надежда Николаевна сообщила ошеломлённо раскрывшим рты мужу и сыну сидя на кухне, прихлёбывая дорогой коньяк прямо из почти полного гранённого стакана и уставившись невидящими глазами на клубящийся за окном сырой, холодный сумрак.

– Врач сказал месяц, максимум два, – спокойно и равнодушно проговорила приговорённая к смерти женщина, – и всё потому, что «лечилась» я от этого, тем же от чего оно заболело. Болело оно у меня, Юрочка, сильно болело. Иногда казалось, что весь бок правый горит..., горит, как от ожога. Выпью потихоньку, вот этого, вроде и проходит..., неужели ты ничего не замечал? А, Юра? – посмотрела на виновато прячущего взгляд супруга.

Маму похоронили через сорок дней, в самый канун новогодних праздников. Не помогли ни дорогие лекарства, ни наисовременнейшая клиника, ни проведённая медицинским светилом операция. Надежда Николаевна воспринимала устроенную вокруг неё суету, как-то царственно-снисходительно, как умудрённые жизнью взрослые воспринимают детскую возню, игру в понарошку. Из родных мест приехали только обе бабушки в сопровождении дяди Володи, они и забрали Андрея с собой, по истечении срока девяти дней от того дня когда маму закопали в мёрзлую землю. Договорились и решили так, что Юрию Венедиктовичу надо побыть одному, чтобы «легче с чем-то справиться», а летом он придет и ..., там будет видно.

Вокруг Андрея сначала сгустилось «облако» какой-то тихой, серой пустоты. Он, словно, оказался внутри их старого, лампового, чёрно-белого телевизора у которого в очередной раз испортился, отключился звук. А потом мрак, мрак холодный и непроглядный окутал незащищённое детское серд-

це. Андрюша, как будто, спрятался, в бывшую когда то на их старой даче, тесную подлестничную каморку. Мальчик, в раннем детсадовском детстве, очень любил забираться туда, прячась от случавшихся жизненных передраг, нелепых незаслуженных обид или просто от обрушивающейся, неизвестно почему, вселенской тоски. Прихватив с собой маленький фонарик и предварительно повыкидывав наружу наполняющий каморку хлам, Андрей усаживался внутри положив голову на колени и обхватив согнутые до предела ноги руками. Там всегда было сухо, пыльно, очень тепло и как-то безопасно. И мальчик подолгу сидел в этом крохотном временном жилище, потихоньку «оттаивая», пока: либо мама не вытаскивала его оттуда, выманивая ласковыми словами; либо сама собой не рассеивалась гнетущая душу мерзость.

Но теперь было не так, совсем не так. Не было мамы, чтобы «согреть» мальчика и видимо поэтому неокрепшее сердце Андрюши не переставая саднило от боли, от непонимания случившейся с ним несправедливости. Он закрылся, «спрятался» внутри себя от всех, даже от отца с которым, в-общем то, никогда и не был особенно близок. И даже любвеобильные бабушки не могли его «отыскать», только дядя Вова, почему то, сразу понял – что и как. При первой же встрече, пристально посмотрев на помертвевшее от горя лицо племянника, как будто заглянув внутрь «Андрюшиной каморки», он сказал:

– А-а, вот значит как..., ну ладно, сиди, сиди там..., и не

бойся ничего, дядя Вова тебя никому в обиду не даст...

– Володя, – тут же влезла в разговор одна из бабушек, – чаго болташь? Он же не сидит, а стоит. И где там, ежели он здесь?

– Здесь, не здесь, там или не там – не ваше дело, – увесисто «обрубил любопытный нос» дядя Вова, – не лезьте к пацану, а то, вы меня знаете...

– Ладно, ладно! – пришла на подмогу первой вторая из бабушек, – знаем, знаем! С тобой связываться – себе дороже...

И на долгое время дядя Вова стал для Андрея всем: и мамой, и отцом, и оставшимися дома друзьями-приятелями. Он занимался с племянником всё своё свободное от работы время: делал с ним домашнее задание, учил деревенской жизни «теоретически и практически», объясняя словами и научая делом, нянчился с ним как с маленьким, вплоть до того, что чуть ли на руках не носил. Впрочем и носил, тогда когда они по субботам вместе ходили в стоящую в конце их приусадебного огорода баню. Чтобы, «пацана распаренного, не дай Бог, не продуло». Там же, в бане, Андрей понял почему, его «здоровенный как лось» дядя, живёт без жены, с бабушками; и почему, иногда, и до этого, и позже, встречающиеся им односельчане, поглядывают на дядю Вову с высокомерной снисходительностью. Тот мужской прибор, который у Юрия Венедиктовича горделиво свисал чуть ли не до середины бедра, у дяди Вовы напоминал пенёк срезан-

ного под корень гриба, под которым увесисто болтались такие же, как и у его двоюродного брата, «солидные шары». Андрей своим до мистики обострившимся после маминой смерти самосознанием, сразу же всё понял и как-то спокойно воспринял последовавший после их первой совместной помывки рассказ его изувеченного дяди:

– Пока наши мамки-бабушки в баньке парятся, я тебе, Андрюша, расскажу, чтобы ты в неведении не был, и больше мы к этому возвращаться уже никогда не будем. Мне и Юрке почти столько же как тебе сейчас было, когда ЭТО произошло. Мы с ним и до этого считай «не разлей вода были» и после так и совсем..., родней некуда стали. В-общем, осень была уже, поздноватая и сырая, грибов мы с Юркой пошли насобирать, здесь недалеко овраг леском заросший, я тебе потом как-нибудь попозже его покажу. Там он на нас и напал. Маньяк. Про него по всей округе слухи ходили, а поймать никак не могли. Хитрый был как дьявол, всё время ему удавалось от милиции ускользать. Мальчишек, подростков, ловил и убивал. Но у всех, как уже позже выяснилось, ещё у живых писюн отрезал и съедал. Крымский татарин, из депортированных. Сбежать ему удалось прямо из эшелона. А поймать не смогли потому что, он на одном из вокзалов, здесь неподалёку, встретил как две капли воды похожего на него башкира. Так вот он его зарезал, все документы и одежду себе, а того в своё передел и под поезд. Как суть, да дело, особенно разбираться не стали, опознали того башкира, как

сбежавшего с этапа татарина и оформили самоубийство по непонятным причинам, то ли от страха перед поимкой, то ли от голода. А этот с чужими документами поехал дальше. Прямо повезло ему, тот парень башкир как раз после окончания ветеринарного училища ехал по распределению. И этот, как прямо по заказу, ветеринаром оказался. В-общем, приехал на работу на новое место жительства и удобно так себе устроился. Правда мать того башкира немного ему нервы испортила, почувствовала материнским сердцем, что что-то не так, в милицию обратилась, что сын мол «нехорошо» как-то себя ведёт, с ней не как ранее обращается, в письмах имеется в виду, в гости совсем не желает приезжать и к себе не зовёт, а самое главное почерк у него изменился. Те, вроде бы на заявление отреагировали, сюда запрос сделали, но тот ловко отбрехался, сказал, что мол мать его женить сильно хочет, на дочери муллы, а он якобы из идейных соображений не соглашается, вот типа на этой почве у них и ссора ещё до его отъезда произошла. Ну, тут, менты, как только про дочку муллы услышали, сразу же и дело закрыли. Так что этот паразит, как глист, вывернулся, выскользнул, но не совсем, потому что рассудком он повредился, голоса начал слышать, которые его почему то, время от времени сюда, в эти места заставляли приезжать, и то что он делал, делать. Он когда меня схватил, то Юрку не увидел, не заметил, мы чуть в стороне друг от друга по леску ходили. Кричать я пытался, да никак, рот он мне зажал, силищи, как говорят был невероятной,

а я то что? Пацан ещё совсем был. Почему то думал тогда только об одном, что неужели меня Юрка бросил, оставил одного? А он, и как он успел, домой, как сообразил, что пока тревогу будет поднимать, может быть уже и поздно. Схватил ружьё отцовское, зарядил чем под руку попало и сюда. Как сейчас помню, Юрка, лицо белое-белое как снег, ружьё на вытянутых руках держит и прямо в рожу этого татарина, мой писюн доедающего. Мент, следователь, который потом хронометраж событий делал, всё голову ломал, говорил что по времени, никак не получается, не мог мол Юрка так быстро домой за ружьём сбегать, всё допытывался, может мы с ним уже по грибы пошли, еле отстал..., уже после того, как две соседки подтвердили, что видели, одна как мы ни с чем, без ружья в лес шли, а вторая, что Юрка за ружьём прибежал. Рожу, этому уроду, от выстрела, в мясо разворотило, ослеп полностью, так слепого и судили, и по приговору суда расстреляли, несмотря на то, что врачи его вроде как психом признали. Может сработал тот факт, что он был из этих, вроде как врагов народа, не знаю. Юрка тоже пострадал, ему, при отдаче, прикладом передние зубы выбило, с тем пор и «сверкает» вставными «фиксами»..., ну, а мне больше всех «досталось»..., и урод никому не нужный, и на учёте у психов постоянно, боятся как бы я тоже, после всего ЭТОГО, «с катушек не слетел». Но, я вроде б ничего, только иногда, по ночам бывает приснится этот урод, как он сидит с расстрелянной рожей и вопит: «не того схватил, не того!»..., вот,

так-то, друг мой сердечный, Андрюшка, теперь ты всё знаешь и понимаешь, что я ради тебя, как и ради Юрки, и ради Надюши..., ну сам понимаешь.

Тяжело и вместе с тем облегчённо вздохнув, обнимая всем телом прильнувшего к нему, плачущего мальчика, иронично хмыкнул:

– Наши бабы местные, дуры, придумали позднее версию почему тот татарин с ума сошёл. Типа ему, как ветеринару приходилось со свиньями дело иметь, и лечить их, и кабанов кастрировать, и поросятам прививки делать, а они мол, татары, свиней терпеть не могут, поэтому от таких «невыносимых» условий для его мусульманского душевного устройства он с ума и сошёл. А то, что этот мерзавец в исламе «ни уха, ни рыла», что он водку стаканами глушил и салом закусывал, это для них пустой звук..., дуры дурацкие..., здрасьте, с лёгким паром, – гостеприимно кивая заходящим в хату, что-то недовольно бормочущим бабушкам.

– Оставьте пацана в покое! – бушевал за неплотно закрытой дверью кабинета директора школы, голос дяди Вовы, – чего вы к нему прицепились?! Чего вам от него надо?! Ему и так уже досталось! Каково без матери в таком возрасте остаться?

– Владимир... – слышался за дверью неуверенный голос директорши.

– Не трогайте пацана! Я СКАЗАЛ!!!

– Анна Петровна, можно я сама с ним поговорю? – прервал дикое «громыхание» усталый голос завуча.

– Поговорите, Лариса Николаевна, конечно поговорите, потому что, только Вы и сможете, с этим ненормальным, нормально поговорить.

За дверью ненадолго всё стихло. Потом из кабинета вышла седая полная женщина, посмотрела на затылок испуганно рассматривающего носки своих ботинок Андрюшу и вздохнув поковыляла по коридору в сторону учительской.

– Володя, – снова послышался за дверью ласковый женский голос, – ну чего ты так «кипятишься»? Ну сам посуди: когда в прошлом учебном году Андрея перевели из московской школы к нам, мы сначала и внимания не обратили. Все учителя так радовались на него. А то?! Одни пятёрки. По всем предметам. И потом, когда, дело его пришло в конце года, никто особого внимания не обратил, что там он с тройки на двойку, подумали, что может там программа намного сложнее была, какая-то особая, требования повышенные, раз у него родители на высоких должностях..., да и вообще, может из-за Надиной болезни он так с учёбой подзапустил. А сейчас, он, с самого начала учебного года..., даже и не знаю..., в-общем, он уже, за два месяца, всю программу учебного года...

– Я с ним летом занимался! – опять взрыкнул дядя Вова.

– Знаю! Знаю! Занимался. И молодец, – спокойно осадила его Лариса Николаевна, – тут ещё видишь ли что..., у них,

позавчера, одного урока не было, Андрюша сначала вместе с мальчишками на улице погулял, а потом в класс вернулся. А там, один из старшеклассников, учебник по анатомии забыл... в-общем, когда я зашла в кабинет, он сидит и прямо с упоением читает. Спрашиваю, тебе интересно, отвечает, что, очень, а всё ли понимаешь, отвечает, да...

– И что? И что из этого, – сразу каким-то осипшим и испуганным голосом перебил дядя Вова, – он просто хочет доктором стать, что в этом плохого, что вы сразу на него? Лара, прошу тебя, не трогайте его..., пожалуйста!

– Володя, я об этом пока что никому, только Анне Петровне. Но она..., ну ты сам знаешь. Она ведь и тебя когда-то...

– Да помню я, чего сто раз напоминать? И вообще, может Андрюха, так же как и я, ближе к старшим классам исправится, в норму войдёт?

– Вовка, ты только мне то не «заливай», – горько-иронично рассмеялась за дверью так и не вышедшая замуж и не родившая детей женщина, – я ж с тобой с первого до последнего класса за одной партой. В какую ты норму в старших классах пришёл? Притворяться и придуриваться научился?

– Всё то ты знаешь, – обиженно засопел в ответ дядя Вова.

– В-общем так, Володя, давай свози его в район, сам знаешь куда, пусть Андрея обследуют и если надо поставят на учёт...

– Ннне пппоставят, оон нннормальный...

– Ну-ну-ну, тихо, тихо, успокойся, – залепетал, как над

маленьким ребёнком, голос Ларисы Николаевны, – не поставят и не поставят, и слава богу, а ты съезди, Володя, съезди пожалуйста. Сам же понимаешь, так всем спокойнее будет.

– Ладно, хорошо, как скажешь, – каким-то хриплым, полуглаженным голосом согласился Андрюшин дядя.

– Ты сам то как, Володенька? – с неизъяснимо болезненной грустью прозвучал вопрос.

– Лара..., пожалуйста..., не начинай..., пожалуйста...

Дверь кабинета резко распахнулась, полусогнутый, сосредоточенно рассматривающий пол дядя Вова, не глядя схватил за руку сидящего на стуле Андрюшу, рывком поднял и потащил на выход.

Еле поспевая за быстро шагающим по пришкольному лоскутку дядей, Андрей, зачем то, оглянулся и замер.

– Чего ты? – запнулся, чуть не уронив буксируемого за собой мальчишку, тридцатипятилетний, несостоявшийся мужик.

– Дядя Вова, там в окне! – с раскрытым от удивления ртом и выпученными глазами ткнул пальцем Андрей в сторону школы.

– Что там в окне? – сосредоточенно-испугано переспросил дядя Вова, – что ты там, Андрюша, мог увидеть? Далеко же. И окна все тёмные, ничего не видно, совсем ничего.

– Да нет же! – нетерпеливо возразил Андрюша, – это сейчас не видно, а перед этим...

– Так! Стоп! Подожди, – потащил дядя своего племянни-

ка дальше от «места происшествия», – так..., вот здесь нормально, – оглянувшись в сторону полностью скрывшегося за чахлыми деревцами здания школы, посадил Андрея на неизвестно кем, когда и зачем вкопанную скамейку, – рассказывай.

– В окошке..., там..., – неуверенно начал сам насмерть перепуганный мальчишка.

– Не бойся. Рассказывай.

– Окне, директорском, Лариса Николаевна стояла и вслед нам руки протягивала..., только она, почему-то, не в своём сером платье была, а в какой-то белой рубашке, а сверху жилетка ярко-красная и на голове у неё шапка такая смешная, разноцветная, из цветочков и ленточек..., и плакала она..., так сильно плакала, что всё лицо мокрое.

– Ох ты! Ох, ты! – схватив себя руками за голову заметался туда-сюда перед Андреем его самый ближайший родственник, – да как же так то? «Прорезалось» оно в тебе всё-таки! О, Боже! Ну зачем? Зачем это?!

Присев на корточки перед беззвучно плачущим мальчиком, достал из-за пазухи засаленное портмоне и порылся в нём.

– Такой костюм? То есть, вот так она была одета? – спросил протягивая Андрею вынутую из целлофанового пакета, чёрно-белую фотографию.

– Да, похоже, – согласно кивнул Андрюша рассматривая снимок грустно улыбающейся умопомрачительно красивой девушки, – а кто это? Ой! Так это же...

– Да. Она. В десятом классе. У нас в школе, перед днём конституции, концерт был, ну вроде пятнадцать союзных республик, все девчонки в национальных костюмах, разных, кто чего себе сообразил... Лара Украиной была, да и она на самом деле, наполовину хохлушка, по матери, мамкин костюм, который у той ещё с тех времён, на себя напялила, – аккуратно заворачивая фото обратно в пакет, – потом, специально ещё, сфотографировалась в нём и мне подарила... Андрей, – засунув портмоне обратно во внутренний карман и бухнувшись перед мальчиком на колени в хлюпнувшую грязь, – ты об этом никому! Хорошо? Вообще никому, даже бабушкам и доктору к которому мы в район поедем. Только мы с тобой об этом знаем и больше никто. И в будущем если...

– А папе тоже нельзя? – всхлипнул начавший уже сильно скучать по отцу Андрей.

– Папе? – взгляделся в сиренево-мутный закат дядя Вова, – папе тем более не надо..., у Юры сейчас и без этого...

Наслушавшись бабушкиных ворчаний, указаний и напутствий, совершенно без аппетита запихав в себя предрасветный завтрак, Андрей вместе с дядей Вовой поплёлся на автобусную остановку. Дождавшись в сырой и холодной мгле, в толпе хмуро-раздельно стоящих односельчан, угрюмо подкатившего, абсолютно пустого автобуса, загрузились и поехали в райцентр. Андрей уснул сразу же, как только автобус

выехал из села. Проснувшись когда при въезде в город, как гуси, загомонили сидящие в салоне пассажиры, почувствовал, что вся его щека мокрая. Приподняв голову и увидав лужицу слюны, которая натекла в широкую ладонь дяди Вовы, виновато посмотрел снизу вверх.

– Ничего-ничего, – улыбнулся мамин брат, – ничего страшного, ты же маленький. Зато выпался.

Погладив его, успокаивая, по голове правой рукой, достал из кармана чистый носовой платок и вытер сначала лицо племянника, а потом свою левую ладонь.

– Чё уставился? – рыкнул на, заинтересованно разглядывающего происходящее, соседа по улице, непутёвого алкаша Ваську, зачем то «намылившегося» в райцентр.

– Да ничё, – испуганно дёрнулся тот всем телом и уткнулся взглядом в окно на неспешно проплывающие за ним двухэтажные деревянные бараки.

Высадив оставшуюся треть пассажиров у районной больницы, автобус устало развернулся и дёргаясь, чихая, «попёрдывая» синим дымом, покатил неведомо куда. Отстояв около часа в очереди в регистратуру, пройдя по битком набитым коридорам пятиэтажного здания поликлиники, зашли в абсолютно пустой «предбанник» нужного им кабинета.

– Вы на приём? – выглянула минут через пять из кабинета совсем молоденькая медсестра, – а чего сидите? Никого же больше в очереди кроме вас, надо было постучаться и спросить.

– А мы никуда не торопимся, – хмуро буркнул в ответ дядя Вова поднимаясь со стула.

– Ооо! Здравствуйте, здравствуйте! – «долгожданно-обрадованно» поприветствовал их сидящий за столом «айболит», весь какой-то кругленький, круглые очки и борода на кругленьком розовом лице, кругленькая голова на пухлом кругленьком теле, – давненько! Давненько не виделись!

– Ага. Давно, – глядя в пол согласился дядя Вова, без приглашения проходя и усаживаясь напротив доктора, – вообще бы не пришёл больше сюда, да вот, – положил на стол и подтолкнул к продолжающему широко улыбаться «айболиту» бумаги, – Борис Абрамович, пожалейте хоть Вы нас..., пожалуйста, – обнял и посадил к себе на колени, испуганно прижимающегося к нему Андрюшу.

Посерьёзневший психиатр, поёрзав по круглому, «картошкой», носу кругленькими очёчками, притянув к себе, зарылся в медицинских и административных документах.

– Ну, что я могу тебе сказать, Володя, – выговаривал «айболит» дяде Вова, как нашкодившему пацану, уже после того, как тот просидел около часа в «предбаннике», ожидая когда закончится беседа «матёрого» психиатра с Андрюшей, – во-первых, выговор тебе за то, что сразу же не привёз его ко мне, и за то, что у меня сам давно не был; во-вторых, хочешь обижайся, хочешь не обижайся, а на учёт я его поставлю. И не бузи! – мягко и властно осадил вскинувшегося было дядю, – сам знаешь, что со мной лучше не спорить. А на учёт

я Андриюшу поставлю потому, что он хоть мал ещё совсем, а так хорошо «спрятался», что сколько я ему «ау-ау», не «кричал», никакого «ответа». Парень похитрее и поумнее тебя и есть, и будет. Хотя у меня и тени сомнения нет в том, что ты стопроцентно знаешь, где он «в засаде засел», но ты об этом мне ни за что не скажешь. Так что, «дорогие родственнички», будете вы у меня, оба, под наблюдением. Чтобы, не дай бог и от греха подальше.

– Эх, ты! – звучно шлёпнул себя по лбу дядя Вова, когда они протащившись около часа по раздолбанным тротуарам райцентра, вошли наконец в почти пустой зал ожидания, – это как же это так то? Всё начисто забыл, всё что мамки наказали купить – всё забыл. Придётся назад возвращаться, – посмотрев сверху вниз на кислую гримасу племянника, – а что делать, Андрияха? Куда деваться? Они же меня с г..., ну короче, много чего скажут. И оставить тебя здесь не с кем, рано ещё, до автобуса долго, так что никого наших..., – всмотревшись в дальний угол зала, где в открытом газетно-книжном киоске дремала толстенная бабища, обрадовано воскликнул, – ну, Слава Богу! —и потащил Андрея туда.

– Привет, Трофимыч! – склонившись в полупоклоне перед чуть приподнявшимся с сиденья старичком, почтительно и осторожно пожал обеими ручищами протянутую ему дрожащую, иссушенную старостью ладонь, – когда приехал?

Только что? Ты это..., никуда тебе здесь не надо? Здесь будешь, никуда не пойдёшь? – получив в ответ подтверждающий кивок, продолжил, – тут такое дело, мне надо за покупками, а малец устал уже, посидишь с ним? А то мне и его жалко, и если «задание» не выполню, то сам понимаешь...

– Иди, иди, – улыбаясь прервал его Пётр Трофимович неожиданно звучным и чистым голосом, – беги, делай свои дела, а мы с Андрюшей пока перекусим, я как раз собирался.

– Вот и отлично! – чуть ли не подпрыгнул от радости дядя Вова, – вот вам, то что мамки нам в дорогу насобирали, – вытащил из рюкзака засунутый в авоську объемистый газетный свёрток, – не знаю чего там, сами разберётесь, а я побежал.

– Беги, беги, успевай «пока не началось», – усмехнулся старик вслед спешащему на выход дяде Вова и повернувшись к сидящему от него через одно сиденье Андрею, предложил, – ну что, пообедаем?

– Ага, – согласно кивнул головой уже сильно проголодавшийся мальчишка.

– Ну и славно, только сначала сходим руки помоем.

Оставив вещи под присмотром лениво кивнувшей продавщицы, сходили в привокзальный, отчаянно провонявший мочой туалет, в котором Андрей заодно и облегчился по-маленькому.

– Ну, посмотрим, что нам сегодня Бог послал, – почти благоговейно развернул старый бобыль свёрнутый заботливыми женскими руками бумажный узел, – ты смотри-ка, цар-

ское угощение, – причмокнул при виде завёрнутого в чистую ткань домашнего хлеба, аккуратно и плотно закрытых и завязанных, чтобы не протекло и не вывалилось, глиняных и эмалированных посуды с отварной картошкой, котлетами и соленьями.

– А у меня всего то, – огорчённо вздохнул разглядывая приобретённую в вагоне-ресторане худосочную варёную курицу.

– А Вы ешьте наше, а курицу дяде Вове оставим! Он её любит, я точно знаю, – убеждённо воскликнул Андрюша.

– Уверен? – недоверчиво поглядел Трофимыч на мальчишка красными от усталости глазами.

– А то!

– Ну, как скажешь.

Плотно подзакусив, угостив заодно и «проснувшуюся», заворочавшуюся на стуле продавщицу: «ну и запахи, як вдома на весилли», немного задремали.

– Дядя, а дядя, – раздался прямо над головой Андрея противный молодой женский голос, – позолоти ручку, а я твоему внуку погадаю, всю правду расскажу, тебе то уже ничего не надо, считай уже всё, а он то совсем ещё маленький, а какая судьба его ждёт! Ах, какая судьба! – тараторила подкрававшаяся к ним, вертлявая цыганка, в пованивающих разноцветных тряпках.

– А хочешь, я тебе, милая, всю правду расскажу? – широко улыбнулся в седую, всклокоченную от долгой немывотости,

бороду почти столетний старик.

Приплясывающая перед ними «чертовка» встретившись взглядом с любопытно-снисходительно рассматривающим её Трофимычем, ойкнула и присела как от удара кулаком по затылку. Потом, крутнув юбками, припустилась по проходу между сиденьями, к своей «старшей напарнице», которая в середине зала всюю «окучивала» какую-то дурную бабу средних лет, с напрочь сожжёнными перекистью водорода волосами. Подбежав и подергав за рукав свою товарку, кивком головы указала на наблюдающих на ними Андрюшу и Трофимыча. Старая «баба-яга», всмотревшись в продолжающего улыбаться Трофимыча, сначала было победоносно ухмыльнулась, но глянув потом на Андрюшу, почему то дёрнулась головой и всем телом как от сильной пощёчины и, бросив слабо протестующую «неудавшуюся жертву», вместе с молодой побежала на выход.

– Чего это они? – рассеянно поинтересовался дядя Вова, которого убегающие гадалки чуть было не сшибли с ног при входе в зал ожидания.

– Да так, «адресом ошиблись», – непонятно что, ляпнул в ответ Пётр Трофимыч.

– Так «под ноги нужно смотреть», а то вечно они, лезут куда их не просят, – так же непонятно ответил дядя Вова, с облегчением разгружая руки от покупок.

– Курочка само то, – с аппетитом чавкал дядя Вова, вгрызаясь в жилистое мясо как проголодавшийся дворовый пёс.

– Да какое там! – протестующе махнул рукой Трофимыч, – не угрызёшь...

– Нормально, нормально, – не дослушав перебил его дядя Вова.

– Привет, Трофимыч, – ввернулся в разговор откуда-то сбоку уже крепко поддатый Васька, – с приездом. Как там Закарпатье, как западенцы поживают?

– Хорошо поживают, пока живые...

– А мёртвые? – то ли хихикнул, то ли икнул Васька.

– А мёртвые – ещё лучше, – насмешливо отпарировал Пётр Трофимович, – ты чего хотел?

– Да так..., узнать чего тебя туда понесло...

– Однополчанин у меня там...

– С какой войны? С Великой отечественной или с Первой мировой?

– С Куликовской битвы! – влез в разговор дядя Вова, – давай иди уже, не «путайся под ногами».

– Да ладно, ладно, чё уже и спросить нельзя? – обиженно загнусавил Васька «отчаливая» к другой группке односельчан.

– Петро! – шлёпнулась, через час, на сиденье автобуса рядом с Трофимычем припоздавшая древняя, но крепкая бабка, предварительно согнав присоседившегося было Ваську, «постоишь!, ни хрена с тобой не случится!, опять где-то зенки залил!, и не говори мне ничё!, уйди!, уйди от греха подальше(замахиваясь клюкой)– пока я тебе!», – ты говорят в

Закарпатье ездил...

– Мало ли чего говорят, – усмехаясь игриво приобнял Пётр Трофимыч давнюю соседку, – говорят, что в Москве кур доят, я проездом там был и ничего такого не видал! Надо у Андрюшки спросить – есть такое, али нет, – подмигнул, сидящему напротив, хихикающему мальчишке.

– Да ну тебя! – также игриво, как молодуха, отбрыкнулась от него локтями старая женщина, – как был кобелина..., ты мне лучше вот что скажи, я по телевизору слыхала что..., а ты как думаешь?

И не дожидаясь ответа, не дав рта раскрыть, затараторила:

– А я вот думаю так...

Уже приехав в засыпающее село и почти подойдя к своему дому, Андрей подёргав сжимающую его ладонь дядину руку, спросил:

– Дядя Вова, а кто такие западенцы, которые в Закарпатье живут?

– Ну это..., – устало замычал в ответ дядя Вова, – ну это вроде как тоже хохлы, но... А тебе зачем это, Андрюша?

– Просто когда мы первый раз сюда приехали, и эта бабка, Семёниха, к нам проходила, она маме сказала, что ей какая-то западенка войну объявила, но она, Семёниха, тоже умеет шашкой махать. А чего это, о чём она тогда? – снова потряс за руку остановившегося в глубокой задумчивости дядю.

– Ага..., вот оно значит как..., это значит через эту, Тро-

фимыч, ту, «вычислил», и за её «шкурой» поехал...

– Дядя Вова! – испуганно вскричал Андрюша почуввав как окружающая их ночная мгла загустилась непонятно откуда потянувшим холодом.

– А! Да! – «очнулся» от запредельных дум дядя Вова, – чего то я того..., не вовремя. Забудь об этом, Андрюша, – потянул племянника к светящимся невдалеке окошкам родного дома, – забудь и никогда не вспоминай, не надо это тебе..., рано ещё пока.

Пётр Трофимович погиб в новогоднюю ночь, когда всё село дико и пьяно шумело. Его одинокая хатка полыхнула под утро и несомненно должна была сгореть дотла, потому что пожарники ближе к утру тоже «расслабились», но неожиданно начавшийся шквальный проливной дождь очень поспособствовал «бравой команде» и сбежавшимся хмельным односельчанам в деле ликвидации «красного петуха». Когда первого января, после обеда, приехали из райцентра дознаватели, то и выяснилось, что голова Трофимыча была на чисто отделена от тела. Топором. Который был обнаружен в сарае алкаша Васьки, и которого, (не топор, а Ваську, конечно же), осудили и закатали на зону на максимально возможный срок. Не помогли ни клятвенные заверения родной сестры непутёвого алкаша, ни свидетельские показания соседей, ни категорическое отрицание своей вины самим подозреваемым. Дело решили: во-первых, факт того, что Вась-

ка с похмелья согласился что это его топор, хотя отпечатков пальцев Васькиных следователи не нѐм так и не нашли; а вот вторых; признание Василия Семёновича Голованёва в том, что он якобы перед новогодними праздниками нашѐл кем-то утерянный кошелѐк, в котором находились пятьсот рублей, совершенно новенькими червонцами с профилем «вождя мирового пролетариата». Остатки коих, а именно, триста шестьдесят, были и изъяты милицией из-под грязного матраса в Васькиной каморке. Прокурор на суде, «громил» скукожившегося на скамье подсудимых Ваську, что называется «в хвост, и в гриву». И всё по делу. Пил? Пил! Тунеядец? Тунеядец! Ну и всё понятно: ограбил бедного старика и убил его. А чтобы следы замести – поджѐг дом.

– А откуда вдруг у бедного старика такая сумма новенькими наличными вдруг оказалась? – попытался было вякнуть «защитник» и тут же смолк под грозным судейским: «а это к делу не относится!»

В-общем, дело было раскрыто и закончено лихо, как по писанному. А через месяц после суда, куда-то исчезла, (уволлилась и уехала), и года не отработавшая на новом месте, главбухша – толстенная, противно-чернявая бабища. Она появилась в колхозе осенью, прислали из района, на вакантную должность, заняв которую она отодвинула на пенсию временно исполняющую обязанности старушку, которая уже давно была не в силах «тащить этот воз», и которой снова пришлось в него впрячься, когда вечно недовольная, ни с

кем не общавшаяся «тётя», потихоньку «слиняла». Много, много чего говорили и наговаривали про неё сельские ку-мушки: и что для должности этой она чересчур образованная, и живёт не по окладу, и гости какие-то подозрительные к ней, особенно на новых год. Четверо мужиков приехало и ни одной женщины с ними.

– Братья это мои, братья, родные и двоюродные, – недовольно прошипела она, тридцатого декабря, одной особо настырной, ничего уже не боящейся бабушке. Эти «братья» и укатили из села первого января перед обедом, на вызванном из района такси, как раз перед приездом оперативной группы.

Ну, на селе посудачили, посудачили и успокоились. Приближалась весна, а с нею другие, более насущные заботы. Андрей понемногу начал привыкать к своему новому положению, подружился, после нескольких стычек, с мальчишками-сверстниками, и даже, (по дядиному совету), немного «подзапустил» учёбу. Жизнь, казалось бы, уже практически наладилась, когда на майские праздники приехал отец...

СЕПСИС

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца! Йо-хо-хо! И бутылка рома!»

(Народная пиратская песня)

– Ты зачем её в дом запустил? – голос дяди Вовы был переполнен и обидой за ушедшую к Богу сестру, и жалостью к

своему непутёвому двоюродному брату и лучшему другу.

– Да не хотел я! – отец, отвечая, даже дышал тяжело, как придавленный непосильной ношей. Сбегавший в туалет по малой нужде Андрюша, возвращаясь услышав разговор стоящих у забора отделяющего двор от огорода, мужчин, затаился и прислушался, понимая, что сейчас решается его дальнейшая судьба.

– Как нарочно всё получилось, – продолжил тяжело вдохнув и выдохнув Юрий Венедиктович, – Вовка, дай закуришь..., чего ты мне кукиш под нос суёшь?

– А то! – раздался «волчий рык» дяди Вовы, – не курил, значит нечего и начинать! Давай, рассказывай, как ты так обосраться умудрился.

– Да как, как..., говорю же, всё как всё равно кем-то построено было. Зима вроде тёплая стояла и вдруг морозы как ударили. Мы с водителем на дачу, деревья укрыть, провозились, по темноте, чуть не до полуночи. В город когда вернулись, так я его сразу же и отпустил, и выходной ему, потому что и сам на следующий день попросил, чтобы «зам» за меня..., вот..., поднимаюсь, а она у дверей сидит, на сумке своей, спрашиваю, ты чего мол, Глафира?, как здесь оказалась?, зачем? А она мне, вся от холода трясётся, зубами ажно стучит, видишь как я замёрзла? И куда мне её было? Ну, говорю, заходи согреешься пока, а я такси тебе вызову и на счёт гостиницы..., только за порог перешагнули, как она ко мне на шею..., ну и всё короче...

– Я Андрейку тебе не отдам!

– Вовка, как это?

– А так это!

– А мне? Мне как быть? – Юрий Венедиктович заскулил как пинаемый тяжёлым сапогом привязанный на цепь пёс, – я же пропаду без него, она меня вот-вот «сожрёт» окончательно, я и сюда то, еле-еле вырвался, собрался вроде как на работу, а уже с вокзала позвонил перед самым поездом и сказал... Как же я, а Володь? Если Андрюшка рядом будет, так может всё «это», хоть немного потише, послабее пройдёт?

– «Закрыться» им от Граньки хочешь?!

– А как мне ещё?!

– Выгони её!

– Не могу! – чуть не плача возразил отец, – пробовал, не могу, «ломает» она меня прям «на раз»! А Андрюша, он же Надюхин, может он меня хоть как-то «защитит»? Ведь пропаду я, Вовка, видит Бог, пропаду.

– Ладно..., как Андрюха решит, так и будет...

– А я уже решил, дядь Вов, – сипло, еле сдерживая слёзы, пробормотал Андрей выходя «из засады».

– Здравсьте, здравсьте, – с лимонно-кислой ухмылкой приветствовала вернувшихся домой Юрия Венедиктовича и его сына Андрея, стоящая на пороге чужой для неё квартиры, чернявая, кругломордая женщина, – с приездом! Хи-хи, яви-

лися, не запылилися, хи-хи-хи. Ну проходите, проходите, чёж, вы, прям как не родные, – отступая назад по узкому коридору прихожей и запуская приезжих внутрь, а затем протискиваясь мимо растерянно топчущегося Андрюши в нерешительные объятия его отца, – долго что-то вы там, соскучилась не могу.

Неуклюже раздевающийся мальчик покосился на обнимающуюся парочку и слегка содрогнулся от какого-то рвотного чувства. Припавшая к груди Юрия Венедиктовича женщина, как будто составленная из двух разных по природе туловищ, (жирная угреватая голова с сальными, иссиня-чёрными волосами до пояса; скелетно-худое туловище с бессильно тонкими ручками переходило в толстенный зад продолжавшийся тумбообразными, целлюлитно-оттёчными ножницами), показалась ему змеюкой, вгрызающейся в грудь, сомнанбулически лупающего глазами, отца.

– Ладно, ладно, хватит уже, – недовольно проворчал Юрий Венедиктович, почти с раздражением отталкивая от себя ненасытную женщину, – поесть есть дома что-нибудь? А то мы с Андрюхой...

– Конечно, конечно! – сорочьей скороговоркой затараторила «тетя Граня», – я ж ждала, готовилась, наварила-напарила кучу всего. Щас, щас, прям ещё немного и обедать. Пир горой у нас прям будет!

«Пир'горой» состоял из переварено-подгоревшей картошки, магазинных рыбных котлет и салата из морской ка-

пусты даже не выложенного из консервной банки на тарелку. Но всего этого, не особо привередливый к еде, Юрий Венедиктович как будто и не замечал, покорно кивая головой под потоком сыплющихся на его голову слов и терпеливо пережёвывая невкусную еду. В чём дело, и что происходит, Андрей не понял своим ещё детским умом, а догадался каким-то сыновним, уже просыпающимся мужским чувством, когда его вечером пораньше отослали в свою комнату. Спать. Провалившийся в сон, как в глубокую, тёмную яму, Андрей проснулся почти сразу же, от дико-волчьих стонов «теть Грани» и сдавленных хрипов отца: «тише ты!, что ты так?, ненормальная!, не одни же мы!»

Несмотря на «титанические» усилия всех троих, невольно проживающих под одной крышей людей, сохранять видимость мира и благополучия, всё становилось хуже и хуже с каждым днём. Прошло, пролетело то жаркое, то резко прохладное лето, которое Андрей полностью прожил на даче, куда мачеха, ненавидящая это место всеми фибрами души, даже не казала своего нахально вздёрнутого, вечно к чему-то приноживающегося носа. Наступила тоскливая московская осень, а за ней беспросветно унылая зима. Андрей голодал. Школьных завтраков категорически не хватало быстро растущему организму подростка, а «тетя Граня», ближе к весне, уже наотрез, в открытую, отказывалась «кормить этого ублюдка».

– Да как ты смеешь?! – в голос орал на неё, редко появ-

ляющийся дома, придавленный непомерно возросшими служебными обязанностями Юрий Венедиктович, отдавая Андриюше приготовленное для него или пытаясь приготовить еду сам и накормить себя и сына.

– А вот так! – не менее истошно, дерзко, так, что в уголках рта вскипала пена, орала в ответ, так и не зарегистрированная в загсе сожительница, – я тебя не просила его сюда привозить! – резко, двумя руками отбрасывая назад свои вечно распущенные длинные патлы, отчего её короткий домашний халатик распахивался чуть не до пупа, обнажая рельефно обтянутые кожей грудные рёбра и почти вываливающиеся, низко висящие, похожие на наполненные водой воздушные шарики, грудные железы, – пусть бы там жил! Нахрена ты его сюда «приволок»?! Вот и корми его сам, а мне он на хер не нужен!

– Он здесь хозяин, это его дом, – угрожающе затихающим голосом начинал отец.

– Вот, именно! Вот именно! – тут же почуввав «опасность» начинала лить «крокодильи слёзы» хитрющая баба, – вы то оба здесь, и хозяева с пропиской, и вообще..., а я так и не понять кто! Ни на работу не устроиться, ни вообще..., хоть из дому не выходи, чтобы менты за просроченную регистрацию не выслали...

– Чего ты несёшь! – из раза в раз, недоуменно возмущался отец, – я ж тебе недавно продлил...

– Так это же всё так и временная! – тут же перебивала его

Глафира, – ты уж сколько разив мне обесцаешь на постоянно? А про загс, сколько раз уже говорил? Сколько мени ще трэба чикаты?

– Ну раз обещал, значит сделаю, – виновато опускал голову, вновь обескураженный и «обезоруженный» блудный мужик, – вот как время будет..., а то на работе и то, и это...

– Да! Конечно, Юрочка, я понимаю! – тут же, с готовностью вытирая слёзы, начинала «крутить хвостом» мачеха, – ты ж у нас большой начальник, столько работы, столько хлопот! Ах, боже мой, как подумаешь только, так уже и голова кругом! А тебе всё это на своих плечах, на своём горбу! – и снова непрерывно по сорочьи тараторя, предлагала, – а давайте я вам, хорошие мои, картошки пожарю или макароны сварю? Пельмени ещё есть..., магазинные правда, но ничего, есть можно!

Беда случилась на майские. Буквально перед самым открытием «дачного сезона», с крайним нетерпением ожидающий этого Андрей, огорчённо поникнув слушал успокаивающего его отца:

– Андрей! Ну чего ты? Да я ж всего на три дня в командировку! Надо мне, сильно надо, никак не могу отказаться! Сам бы, уже хоть прямо сейчас всё бросил и туда..., – мечтательно закатывал взор Юрий Венедиктович, вспоминая излюбленный клочок земли, – короче так, сынок, сегодня двадцать седьмое, завтра я вылетаю, а тридцать первого, уже утром я здесь! И прямо с аэропорта поеду туда, а ты, как со

школы придёшь, сразу на электричку и тоже. Справишься ведь? Большой уже... – опять мечтательно посмотрев в потолок, новой, хорошо обставленной, престижной, но так же, как и старая, не любимой, квартиры на Котельнической набережной, – мы с тобой, на нашей дачке, за майские, столько дел переделаем...

Слушавшая их разговор, как проглотившая горькую микстуру, «мамашка», после отъезда отца, как будто поставила цель, за эти три дня, уморить Андрея голодом. Постоянно толкущаяся на кухне, непрерывно что-то жующая уставившись в постоянно работающий телевизор, Глафира, с неожиданной для её рученок силой, без слов, стиснув зубы, выталкивала пытающегося проникнуть на кухню «врага».

– Ты не имеешь права! – со слезами протестовал изнемогающий от недоедания подросток, – я всё папе расскажу! – кричал он, прямо в злорадно ухмыляющееся, зачем то обильно намазанное тональным кремом и раскрашенное лицо.

– Расскажешь, расскажешь, – ядовито шипела в ответ мачеха, в очередной раз, победоносно выталкивая его в коридор и закрывая кухонную дверь с многократно потрескавшимся, заклеенным лейкопластырем, стеклом.

Так и не уснувший всю ночь, Андрей прокрался на кухню уже почти перед рассветом последнего дня перед первомайскими праздниками. Потихоньку открыв холодильник вытащил из него тарелку с толсто нарезанными ломтями бужени-

ны и варёной «останкинской», достал из деревянной хлебницы подзачерствевшую краюху, и стал судорожно запихивать в себя попеременно откусываемое, давясь, чавкая и хлюпая носом.

– Ага..., вот значит как, – раздался за спиной спокойно равнодушный голос Глафиры, – ты значит, Андрюшечка, на самом деле сильно оголодал? И вправду очень кушать хочешь? – притворно-ласково спросила наивно захлопавшего глазами, переставшего жевать подростка, бессовестная тварь, – ну уж если так, раз такое дело, – подходя и небрежно вытаскивая из детских рук недоеденные куски, – я тебя покормлю утром, досыта накормлю.

– Правда?! – не веря своим ушам вылупился на неё покрасневшими от бессонницы глазёнками наивный ребёнок.

– Конечно, конечно, – таким же спокойным тоном уверила его «тётя Граня», – зачем мне тебя обманывать? Вот прямо сейчас и займусь приготовлением пищи для тебя..., достойной..., а ты иди, поспи пока ещё, а то ночь ещё совсем.

Согласно кивнувший в ответ Андрюша, еле удерживаясь на заплетающихся от неожиданно навалившегося сна ногах, доплёлся до своей комнаты и не помня себя упал на кровать. Проснулся он уже довольно поздно, отчётливо понимая что в школу непоправимо опоздал. Еле пересиливая дикую головную боль поднялся с кровати, и, по приобретённой под дяди Вовиным руководством привычке, заправил постель. Потом сходя в туалет и в ванную, вернувшись в свою комна-

ту, посмотрев на часы и окончательно решив, минуя школьные уроки сразу же ехать на вокзал, вспомнил ночное обещание мачехи. Еле переборов в себе разумное желание не заходя на кухню, сразу же покинуть квартиру с находящейся в ней ненавистной женщиной, подстрекаемый каким-то полувзрослым, лукавым любопытством всунулся в кухню.

– Ааа, пришёл таки, – ухмыльнулась сидящая строго выпрямившись перед бормочущим телевизором, на что-то решившаяся внутри себя женщина, – кушать? А я приготовила. Очень старалась. Присаживайся. Думаю будешь очень доволен, – толчком, обеими руками придавив плечи нерешительно присаживающегося на стул подростка, подошла к холодильнику и достала из него никелированную, закрытую крышкой тарелку, – подогреть? – спросила сама себя, – а нет, и так сойдёт, – решительно, со стуком бухнув посуду прямо под нос Андрею и открывая её.

– Что это?! – с неземным ужасом шарахнулся Андрюша от ударившего в лицо смрада, не по-детски отчётливо представив как «старательно» тужилась над этой тарелкой Глафира, выдавливая из себя зловонную «кашицу», приготавливая, по её мнению, «достойное» блюдо для ненавидимого пасынка.

– Жри!!! – дьявольски взвизгнула мачеха и схватив цепкими ручонками ребёнка за волосы несколько раз ткнула лицом в тарелку, и, тут же, придя в себя, испуганно охнув, схватившись за грудь шарахнулась в сторону.

Нежданно-негаданно ошущающий себя вдвое-втрое вы-

росшим, увеличившимся в размерах великаном, Андрей с бычьим рёвом вздыбился из-за стола. Мимоходом стерев с лица коричневую жижу, подвернувшемуся под руку кухонным полотенцем, безошибочно пошарив в кухонном столе, вытащил оттуда топорик для рубки мяса.

– Хых! – отточенное как бритва лезвие пролетело в нескольких сантиметрах от отчаянно визжащей «тёти Грани».

– Я щас, – уверенно взрослым, хриплым басом пообещал Андрей держа топорик за рукоять обеими руками и раскачивая его, чтобы выдернуть из деревянной столешницы, – сейчас вытащу его и закончим ДЕЛО. Ты меня УГОСТИЛА и я тебя УГОЩУ.

Решившая «не дожидаться обещанного», женщина с тем же диким визгом выскочила из кухни и закрылась за «пуленепробиваемой», специально установленной для интимности «ночных утех», дверью спальни комнаты.

Андрей пришёл в себя сразу же, как затих визг за плотно закупоренной дверью. Недоумённо посмотрев на так и торчащий в столе топорик, бросился в ванную выблёвывая из себя слюну, желудочный сок и желчь. Проблевавшись, умывшись, и почистив одежду, чувствуя немного приходящим в себя от случившегося с ним кошмара, вышел из квартиры и аккуратно закрыв за собой дверь поехал на дачу.

– Да нет же, – метался Юрий Венедиктович, перед безутешно глядящим в дачное окно Андреем, – этого не мо-

жет быть! Неужели Гранька и на такое способна?! – пытался разуверить сам себя «униженный и оскорблённый», – способна... – согласно кивнул, пересиливая себя, после того, как присев на корточки, пристально посмотрел прямо в глаза сына.

– Ну что ж тогда... , поехали в город, раз такое дело, – продолжил Юрий Венедиктович после двухчасового молчания, поглаживая по плечу, прижавшегося к нему Андрюшу, – или может тебе лучше здесь? – спросил сам себя, как и не обращаясь к мальчику, – хотя нет, поехали вместе, от греха подальше. Только я сейчас, – высвободившись из объятий встал и, пройдя на дачную кухню, зарылся в кухонном столе. Достав запрятанную в глубине, ещё прошлогоднюю, на всякий случай, бутылку водки, обречённо вздохнул, – вот и пригодилась... , кто бы мог подумать...

Открыв поллитру, жадно, как простую воду в жаркий день, в три приёма, влил в себя содержимое. Отломив свежую хлебную корочку, от приготовленных для праздника припасов, сначала занюхал, а потом неспешно зажевал, закусывая горячительное. Ещё раз огорчённо вздохнув, сказал:

– Ну, собираемся, Андрюша, и поехали.

Домой, по переполненным первомайским гуляниям улицам, добрались уже затемно. Войдя в тёмную, как бы пустую, квартиру, отец сразу же, не разуваясь, прошагал на кухню.

– Так, так, – задумчиво погладил пальцами Юрий Венедиктович глубокий след на столе, – так, так, – повторил при-

стально оглядывая тщательно прибранную и проветренную кухню.

– Глафира! – зычно крикнул хозяин дома в коридор, – ты дома?

– Да, – раздался из-за двери спальни неуверенный голос мачехи.

– Выйдешь?

– Нет.

– Понятно, – убедившись в своих предположениях, кивнул сам себе отец, – ну что же, «если гора не идёт к Магомету...», – бормоча под нос направился в сторону спальни.

– Открой, – негромко потребовал подёргав крепко запертую дверь.

– Хорошо, но только ты заходи один, без него, – просипела за дверью «тётя Граня».

– Ладно, – с ходу, как бы пошёл на уступку отец.

Щёлкнул открываясь замок, Юрий Венедиктович протиснулся внутрь и сразу же попал в цепкие объятия скулящей, как побитая собака, Глафиры:

– Юра, Юрочка, прости, прости, не хотела! Не знаю как это получилось! – завопила «обгадившаяся» женщина, не забыв тут же захлопнуть и закрыть на замок дверь спальни.

– Ты дверь зачем закрываешь?

– А как же?! Ты что, хочешь чтоб он меня убил?! – ещё громче заголосила Глафира.

– Чего ты выдумываешь? Он же ребёнок ещё совсем...

– Какой ребёнок? Какой ребёнок? Ему уже сколько? А ты? Сколько тебе было когда ты ко мне начал захаживать и по-ябывать? Забыл? А этот сучонок твой, от суки этой вечно пьяной, думаешь не дрочит уже? – голос орущей женщины поднялся до предела, напоминая визг разрезаемой вживую свиньи.

– Перестань! – попытался перекричать бьющуюся в истерике бабу Юрий Венедиктович.

– Не перестану! Потому что ты мой! Я у тебя первая была! И всё тебе дала! И всё позволила, сразу и во все дырки! А эта! Тварь! Украла тебя у меня! Сука, сучара! Как хорошо что она сдох...

За дверью раздался явственный удар кулака по сырому мясу. Гранька захлебнулась криком и хрипло заохала под градом побоев:

– По животу не бей..., по животу не бей, дурак..., ребёнок там..., твой...

– Как это?! – ошеломлённо остановил «экзекуцию», опьянённый водкой и яростью, отец.

– А так это! Что ж ты думал, если я от тебя три раза абортыв делала, как ты требовал, так больше уже и никогда?

– Больше уже не будет. Никогда, – «вынес приговор» после тягостно длительного молчания разом протрезвевший Юрий Венедиктович.

– Чего не будет? – охваченная замогильным ужасом пропищала Глафира.

– Абортов. Рожать будешь. И распишемся и в квартире тебя на постоянно...

– Юра, Юрочка! – смеясь и плача зачмокала мачеха лицо долгожданного, наконец то «завоёванного» мужика, – спасибо! Спасибо, родной, я тебя так люблю! Так люблю!

– Ладно, ладно, успокойся, – вновь послышалось за дверью недовольное порывивание Юрия Венедиктовича, – всё будет тебе, всё что обещаю, но ты мне тоже! Как на духу! Правда это всё, что у нас в селе говорят, о том, что ты в «хохляндию»...

– Правда, правда, Юрочка, – не дав ему договорить вопрос, с готовностью начала признаваться Глафира, – и про отворот, и про причастие! И не хмурься ты так, не надо! Потому что, это не я тебя, а она тогда приворожила, чтобы от меня утащить, а я тебя в первый раз не привораживала, ей-богу!

– Чего ты крестишься? Не веришь же...

– А ну и что? Веришь, не веришь, а оно на самом деле..., я же тогда, когда дом продала, и со всеми деньжищами в Закарпатье приехала, этой бабуле и говорю, а бабка такая страшная-страшная, так вот, спрашиваю, на самом, мол, деле? А она и отвечает, а пошли, мол, со мной, сама, с попом и рассчитаешься. Приходим, попик такой важный, холёный, живёт так богато, протягивает мне стопочку стеклянную, в газетку завернутую. Развернула я, а там, маленький кусочек хлебца с капелькой вина. Чего мол это, спрашиваю, а тот,

Святые Дары, самые, что ни на есть. Точно? Спрашиваю, а этот козёл, на образа оглянулся, перекрестился и отвечает, куда как точнее, мол. Тут я как расхохоталась, что ж ты, по-пяра, божишься, говорю, а бога не боишься? А он так, обиженно губы надул и отвечает, до бога высоко, до царя далеко, от него, Всещедрого, мол, не убудет, а мне как-то жить надо. Ты, я ему в ответ, так то, вроде как не бедствуешь. Тут он, совсем обиделся и ручонку свою ко мне потянул, не хотите, мол, не берите. А я ему, в эту его ручонку, денежки. Тут он сразу и заулыбался. Быстренько, быстренько так их пересчитал, провожая нас с бабкой, так и кланялся вслед, так и кланялся, заходите, мол, ещё, обращайтесь, всегда Вам рады...

– Ты думаешь, реально он вам тогда Причастие продал? Им же этого делать ни в коем случае нельзя...

– Не знаю лъзя или нельзя, – хлопнула разбитым носом мачеха, – а только, когда пришли мы к бабке, и в полночь она всё и начала..., ох, Юра! Что я за эту ночь пережила! И страшно было, думала вот-вот умру, и так сладко-сладко, как никогда в жизни. Бабка эта, то что мы от попа принесли, в своё зелье бухнула, потом велела мне догола раздеться и деревянный хуй мне дала. Это ещё зачем, спрашиваю, а она, узнаешь. Хер такой, прям как настоящий, даже с яйцами. Вот. Сначала она, золотой, как она сказала, ложкой, мне своё зелье ТУДА залила или запихала, а потом велела этим деревянным хуем саму себя ебать, представляя, что это ты меня, Юрочка, ебёшь, а сама, в подвешенной на цепоч-

ках чеплашке подожгла, что-то жутко вонючее, и начала вокруг меня ходить, и бормотать абракадабру какую-то, этой чеплашкой размахивая и этим вонючим дымом меня окуривая. И мне, ты знаешь, всё и страшнее, и сладостнее, и сладостнее становилось. Мне казалось, что я не только баба, но и мужик, который меня ебёт. И не один, а как будто несколько. И я и как баба кончаю, и как мужик. И так раз за разом, раз за разом. Трясло меня, как в лихоманке, думала с ума сойду, увезут в дурдом прямо оттуда. Или сдохну, а потом эта бабка, меня прям в своём огороде и закопает... Теперь ты видишь, Юрочка, понимаешь, как сильно я тебя люблю? На всё, на всё ради тебя готова! И деньги все, что у меня были, ради тебя не пожалела. И даже душу свою дьяволу...

– Ага, вот именно, и меня туда же, за собой...

– Да ладно тебе! Чего ты переживаешь, Юрочка? Ты же ни во что это не веришь. И тем более, что раз у нас ребёнок будет, значит всё хорошо..., и с Андреем твоим, я постараюсь примириться...

Недослушавший начинающееся «примирение», Андрей, не помня себя, полуобезумев от услышанного, придерживаясь руками за стенки, доплёлся до своей кровати и рухнул.

Андрей проснулся от ощущения, что ещё чуть-чуть и он описается. Подскочив с кровати и чуть не упав спросонья, схватился рукой за спинку стоящего в изголовье кровати стула.

«Это ещё что такое, зачем?» – подумал посмотрев на зазвеневшие на стуле склянки с микстурами, стаканы, тарелку с мокнувшей в ней марлей. Потом, подстёгнутый новым позывом, заплетаясь на подкашивающихся от слабости ногах, придерживаясь за стенки быстро-быстро засеменил в туалет. Ворвавшись внутрь тесного помещения, закрывшись, обессиленно шлёпнулся задом на унитаз и, долго, медленно, с перерывами, освобождал переполненный, готовый казалось лопнуть, мочевой пузырь. Облегчившись и смыв за собой, выходя из туалета, чуть ли не ткнулся головой в живот стоящего за дверью отца.

– О, пап, привет! А ты когда приехал? – прижался к Юрию Венедиктовичу, подхватившего его на руки как маленького, и несущего на кухню.

– Доброе утро, тётъ Граня, – машинально глянул на подхватившуюся с табуретки женщину и испуганно вскричал, – ой! Что это такое?! Что с Вами?!

Глафира вскинув в недоумении руки, чтобы, казалось, закрыть отёкшее багрово-фиолетовое лицо, тут же, опомнившись, остановила готового что-то сказать отца:

– Андрюша, а ты что, не помнишь?!

– А что я должен помнить? – пожал плечами мальчишка, ёрзая на коленях присевшего на табуретку отца.

– Так ведь..., – начал было Юрий Венедиктович.

– Юрочка, подожди, – тут же прервала его мачеха, – Андрей, какое сегодня число?

– Как какое? – искренне удивился подросток, – тридцать первое апреля, утро видимо раннее совсем, – посмотрел на сереющие за окном сумерки, – пап, а раз ты сразу домой вернулся из командировки, то, что, мы на дачу сегодня не поедем? Может тогда завтра после демонстрации?

– Андрей, – вновь остановила жестом, собирающегося что-то ответить Юрия Венедиктовича, Глафира, – расскажи пожалуйста, что ты помнишь из последнего?

– Да, ну что, что..., – пожал плечами Андрей, – помню, что мы с Вами ругались из-за еды..., простите, я больше не буду, постараюсь поменьше...

– Нет, нет! Андрей, это ты меня прости, я так..., – прервала его «тётъ Граня».

– А вспомнил! – потёр ладонью лоб Андрюша, не обратив внимания на встревоженно, испуганно вытянувшееся лицо Глафиры, – помню, что я сегодня ночью пришёл сюда и потихоньку начал есть колбасу с хлебом, а потом Вы зашли на кухню и сказали, что так делать нехорошо и сегодня утром вы меня хорошо покормите..., ну и всё..., я пошёл спать.

– Андрей..., – судорожно сглотнула от непонятной радости мачеха, – не вчера это было, а три дня назад.

– Как это?! – испуганно вздрогнул всем тельцем Андрей и посмотрел на пожимающего плечами отца.

– Ну так, – с облегчённым вздохом подтвердил Юрий Венедиктович, – сегодня второе мая, Андрюша, вечер.

– Так, а ты хочешь знать, что случилось? – тут же, соро-

чьей скороговоркой начала «плести новую реальность» Глафира, – тридцать первого, утром, мы с тобой вместе вышли из дома, ты в школу, а я в магазин, («с чего бы это вдруг?», подумалось Андрею, сквозь навалившуюся дикую головную боль), а прямо у подъезда хулиганы, уголовники какие-то на нас напали, видимо хотели деньги отобрать, («откуда здесь, в этом районе, гопстопники?», опять всплыла в голове непонятная, не совсем осознаваемая мысль), тебя они толкнули и ты, видимо головой ударился, и от этого память, наверное, отшибло..., а мне вот видишь...

– Ужас, – тихо заплакал обманутый мальчик, – пап, я прилягу ещё, а то у меня голова сильно болит.

– Да, да! Конечно, – «заквохтали» оба, странно переглядывающиеся между собой, взрослые, – а кушать? Кушать, Андрюша? Не хочешь? Потом? Ну, потом, так потом.

НЕПОЛНАЯ РЕМИССИЯ

«Ах, обмануть меня не трудно!..

Я сам обманываться рад!»

Александр Сергеевич Пушкин

– Так значит всё хорошо у вас? – недоверчиво прищурилась крепкая немолодая женщина оглядывая сидящую перед ней «семью», – а зачем все вместе, оба взрослых пришли?

– Так ведь, – вскинул взгляд Юрий Венедиктович, – Глафира Ивановна Андрею неродная, приёмная мать, вот и мы решили познакомить Вас, а то у меня на работе..., ну мало

ли что..., вдруг в следующий раз не смогу...

– Так в следующий раз, скорее всего, понадобится не ранее, чем через полгода, – с ироничной улыбкой на полном, круглом, покрытом веснушками лице, перебила Андрюшиного отца женщина, – а к этому сроку, как я понимаю, у Глафиры Ивановны самой срок подойдёт и совсем не до того ей будет, чтобы куда-то ходить. Как у Вас беременность протекает? – пристально посмотрела на сильно располневшую, встревоженно заёрзавшую на стуле, мачеху.

– Спасибо, вроде всё хорошо. А что?

– Да ну нет, ничего, – пожалала в ответ плечами психиатр, – мне просто непонятно зачем Вы сейчас здесь.

– Так ведь я же мать...

– Официально? Документы об усыновлении оформлены? – требовательно спросила женщина.

– Пока ещё нет...

– Ну, на нет, и суда нет, можно было и не тревожиться, а остаться дома, – сделав паузу и многозначительно помолчав, снова требовательно спросила, – так зачем Вы здесь?

– Понимаете..., – немного задыхаясь от волнения начала «тётъ Граня», – я сейчас тоже жду ребёнка..., от Юрия Венедиктовича...

– Аааа! Так вот в чём дело! – негромко рассмеялась врачиха, – ну это Вы зря волнуетесь, потому что проблемы у Андрея из-за которых он у нас учёте, проистекают по материнской линии. Так, по крайней мере, мне Борис Абрамович

сообщил...

– А Вы с ним знакомы? С «Айболитом»? – неведомо почему, дёрнуло влезть в разговор Андрея, – то есть..., я хотел сказать...

– Стой! Стой! Подожди, подожди! – вскинулась женщина-врач схватив Андрюшу за руку чуть ниже локтя, как будто он собирается куда-то убежать, – ага, нет, – вздохнула разочаровано, бросив быстрый и пристальный взгляд прямо в самые зрачки подростка, – опять «спрятался».

– Кто спрятался? – удивлённо вытаращились на неё супруги.

– Неважно, – с доброй улыбкой ответила психиатр, не отрывая взгляда от Андрюши, – да, малыш, мы знакомы с Борисом Абрамовичем. Училась я у него, по профильной дисциплине, а потом он, почему то, профессию бросил и в вашу глухомань уехал. Ты знаешь, Андрей, мы ведь студентами тоже его «айболитом»..., – прервавшись и посмотрев на раскрывших рты новоиспечённых супругов, попросила, – не могли бы вы, оба, оставить нас одних на пол часика. А потом я вас позову, – успокаивающе кивнула вслед, с готовностью подскочившим, отцу и мачехе.

– Ну вот, – бубнила себе под нос докторша, что-то заполняя в истории болезни, – как я и говорила, придёте через полгода..., ну это, если не произойдёт ничего экстраординарного...

– Альбина Петровна, – угодливо заёрзала на стуле маче-

ха, – а о чём Вы всё-таки? Кто спрятался?

– Кто надо, тот и спрятался, – строго посмотрела на виляющую взглядом Глафиру психиатр, – а Вы почему так заинтересовались? Знаете же поговорку «меньше знаешь, крепче спишь»? Вас же ЭТО пока не «коснулось»? Или «коснулось» и вы что-то от меня скрываете?

– Нет, нет, нет! – хором запротестовали Юрий Венедиктович и Глафира Петровна.

– Ну вот и отлично, – опять негромко рассмеялась пожилая женщина, – значит у вас дома тишь, да гладь, да божья благодать!

У сильно растолстевшей за время беременности Глафиры, уже после родов диагностировали сахарный диабет. Теперь она, постоянно что-то жевала, панически боясь инсультного приступа. К Андрею мачеха стала относиться с каким-то затаённым страхом, всё время пряча взгляд, и как-то угодливо тараторя в разговоре. Но постоянно готовила и кормила обоих мужчин как «на убой».

Родив пухленькую, голубоглазую и удивительно спокойную девочку, «тряслась» над ней, до умопомрачения. Не подпуская к ней ни Андрея, ни даже Юрия Венедиктовича, и бледнея от страха, чуть-чуть позволяя притрагиваться к рано начавшей игриво смеяться Сонечке, патронажную сестру. Потом, как будто убедившись, что «её сокровищу» ничего не угрожает, начала понемногу позволять играть с ней

сначала отцу, а потом и брату. Весело гугукающая, толстенная, румянощёкая девочка, как пролившийся на души бальзам, скрепила и исцелила замешавшееся на грехе семейное сообщество. Постоянно и много занимающийся школьными предметами Андрей, изо всех сил пытающийся «удержать планку», тем не менее, всё безнадежнее и безнадежнее «глупел». Рыхло располневший, близоруко шурящийся от постоянного чтения подросток, часто недоумевающе задумывался о том куда, вдруг, подевались его «сверхспособности» и не находя ответа, «удерживался на плаву» благодаря интересу к учёбе и самодисциплине. Потому что, обоим «родителям», было совершенно не до него. Отец всё свободное, от много-часовой работы время, проводил на дачу, а постоянно хворающая, ставшая болезненно-мнительной «тётя Граня», всё более и более доверяла заботы о своём, совсем беспроблемном, здоровеньком и весёлом ребёнке мужу и пасынку.

Мир и благодать продолжались более трёх лет и закончились сразу же, в один день.

– Андрей, ты только пожалуйста, – охаяще попросила Глафира Петровна, ставя перед торопливо жующим, ставшим уже выше её, юношей, большую кружку с чаем, – запивай, а то подавишься..., в-общем, не забудь, сразу после школы тебе надо в поликлинику, и к «этой», а то уже три раза звонили, а потом сразу домой. Отец с Сонечкой из детского сада придут и нам с ним надо к профессору, месяц назад записывались, а ты с Сонечкой побудешь.

– Да помню я, помню! – чавкая кивал головой быстро жу-
ющий, опаздывающий в школу Андрей, – всё хорошо будет,
тётя Грань, я ж ещё вчера папе обещал! Значит не подведу!

РЕЦИДИВ

"Всё, от рожденья до могилы,
Вражду и зависть, похоть, лесть,
Что Провидение – сокрыло,
То сердце жаждет – пересечь!"

(Автор)

– Андрей, – докторша подняла взгляд от бумаг, из ко-
торых она делала какие-то выписки, – я всё забывала тебя
спросить, вот здесь, – как барабанной палочкой постучала
она шариковой ручкой по пухлой и потрёпанной истории бо-
лезней, – сказано, что в семилетнем возрасте у тебя было
сильное сотрясение мозга. Что ты об этом помнишь?

– Нууу, – задумчиво промычал переводимый из детской
во взрослую поликлинику возмужавший подросток, – мне
тогда семь было..., а, ну да, об этом там и так написано, –
откашлявшись и, то и дело срываясь с юношеского баска на
детский фальцет, продолжил, – я на краю крыши сидел, на
даче, ещё на старом домике. Мама конечно всегда ругалась
из-за этого..., но я всё равно..., потому что, оттуда, с верх-
них веток достать можно было, ранетки, яблочки такие ма-
ленькие, – прищурившись посмотрел на, с улыбкой, пони-
мающе кивающее веснушчатое пожилое лицо, – там самые

крупные и сладкие росли. Если ветку к себе притянуть...

– Андрюша, – осторожно прервала повествование уже "почти родная" женщина, – ты это всё сам помнишь или по маминым рассказам?

– А причём тут мама? – удивлённо вытаращился Андрей в угольно-чёрные глазищи, внимательно наблюдающей за ним, врачихи, – её же тогда рядом со мной не было.

– Ну, хорошо, хорошо, продолжай.

– Ну и вот, самое странное, что произошло это, не тогда когда я ветку обрывал или тянулся за ней..., я оторвал несколько штук и только присел спокойно на корточках, примерно в полуметре от края..., не знаю, может ближе, может дальше, но не на самом краю. Только откусил от первого яблочка, как меня, как будто, кто-то в спину толкнул..., ну и полетел я вниз головой. Сразу внизу там ящик деревянный стоял, так я об него головой ударился. И, с диким таким рёвом, домой, к маме. Не так страшно было, что упал, и не так больно от удара, как от ощущения чьего-то прикосновения к моей спине. Когда до мамы добежал, она на кухне что-то готовила, так сразу и сознание потерял, дальше ничего не помню. Мама рассказывала, что в полу беспомощно тошнило меня сильно, всю кухню и платье ей заблевал. Ну потом, отец или соседи скорую вызвали, в больницу..., ну там дальше всё написано наверное?

– Да, да, конечно, – согласно закивала в ответ психиатр, – Андрей, а ты почему очки, то и дело, снимаешь?

– Да вот. Всё привыкнуть к ним не могу, – увильнул от прямого ответа, стесняющийся своего физического уродства юноша, – мне, так-то, их ещё совсем недавно прописали...

– Ну где ж недавно, – веско возразила врач, – минус три уже, что ж ты, раньше то, как без них? Стесняешься? – не дождавшись ответа, потянувшись через стол и забрав из руки близоруко щурящегося парня уродливо коричневые, массивные "окуляры", – дай я тебе хоть их протру, а то заляпанные они, у тебя, руками грязными, – аккуратно протерев, какими-то медицинскими салфетками, небольшие стёкла упрятанные в толстенную "черепаховую" оправу, оценив свою работу, посмотрев через них на свет, протянула обратно Андрею, – вот так хорошо. Носи и не снимай, а то не дай бог, споткнёшься и упадёшь где-нибудь, или под машину попадёшь, да и мало ли что.

– Альбина Петровна, – вопросительно посмотрел Андрей, "новым взглядом", на сидящую напротив него женщину, – а почему, меня вроде как, к взрослым врачам сейчас, а Вы остаётесь?

– А потому, – никак не ответила на вопрос, иронично усмехнувшаяся докторша, – иди подожди в коридоре, я сейчас кое-что, спокойно, допишу, и тебе отдам твою историю, а ты отнесёшь её в регистратуру, уже во взрослую поликлинику. Знаешь ведь куда? Ну и хорошо. Если там кто-то есть, скажи что я пока занята, позову как освобожусь.

– Хорошо, – кивнул головой Андрюша и вышел в абсо-

лютно пустой коридор.

Присев на кушетку рядом с дверями кабинета, без интереса поизучал висящий на противоположной стене плакат призывающий всеми силами соблюдать гигиену, чтобы не допустить кишечной заразы.

"Причём здесь "дурдом" и "грязные руки"? – невольно пожал плечами парень и не найдя внутри себя ответа на вопрос, уставился взглядом в пошарпанный линолеум.

– Всё ж таки, ТЫ ПРОЯВИЛСЯ, не смотря ни на что, как МЫ не старались, – раздался над головой, то ли скрипучий, то ли шепелявящий старческий голосок.

Увидав появившиеся из ниоткуда ярко-жёлтые ботинки из крокодильей кожи, Андрей медленно поднял взгляд. Стоящий перед ним субъект был одет в тёмно-фиолетовый с каким-то багряным отливом, переливающимся затухающими искрами, костюм. Гранатовые, поблескивающие запекшейся кровью, крупные запонки хищно подчёркивали белоснежную ткань рукавов рубашки и мертвецки-бледную синеву костистых рук. Наглухо застёгнутый ворот и огромный, как бутафорский, галстук-бабочка, подпирали острый, гладко выбритый подбородок. Венчала всё это "сооружение" плешивая голова "кашея бессмертного".

– А мы с Вами что, разве знакомы? – удивлённо вскинулся Андрей попытавшись вскочить и остановленный упёршимся ему в грудь серебристым набалдашником обсидианово-чёрной трости.

– Сиди, сиди! – повелительно позволил старик, – не стоит ради меня, такого ничтожного..., и я, рядышком присяду..., ненадолго.

Опустившись медленно, с каким-то странным скрипом, уставился белесыми глазницами на "гигиенический плакат".

– Действительно, и причём здесь "дурдом" и "гигиена"? У кого в голове "ку-ку", ему совсем не до того, чтобы руки вовремя мыть...

– Вы сюда? – мотнул головой Андрей в сторону кабинета, из которого только что вышел, начиная догадываться кто этот "клоун" и с кем он имеет дело.

– Туда, туда, а куда же ещё, – равнодушно кивнул головой в ответ "кащей".

– Она просила подождать...,

– Ну да, конечно, ОНА всегда просит подождать, потерпеть, – похихикивая затряс головой старик, – ЕЙ никогда нет дела до других, а САМА всегда занята, так занята! Понятное дело, где ж ЕЙ на всех времени набраться? Кстати, сколько сейчас? – покосился на запястье левой руки Андрея, где красовались подаренные отцом на шестнадцатилетие "Командирские".

– Сейчас, – с невольной гордостью посмотрел на циферблат Андрюша, – сейчас..., ох! Ёлки-палки! Да как же так?! – как подброшенный пружиной подскочил с кушетки и побежал на выход, обещавший отцу и опоздавший, неведомым образом более чем на три часа, примерный сын.

– Беги, не беги, а всё уже... , Андрюша, – раздалось за спиной дребезжащее хихиканье.

Резко остановившийся, затормозивший Андрей, оглянулся и увидел закрывающуюся дверь кабинета из которого он недавно вышел.

"Она же просила никого не пускать пока сама не позовёт!" – метнулся назад по коридору молодой парнишка.

Подёргав за ручку закрытую дверь, сначала негромко, а потом сильнее и сильнее начал стучать вскрикивая:

– Альбина Петровна! Альбина Петровна!

– Чего ломишься? – выглянула из соседнего кабинета, то ли санитарка, то ли медсестра, – ушла Альбина Петровна, два часа назад уж как ушла...

– Да как ушла?! Ведь я же только что...

– Чего только что?! – в голос заорала на него, привычная к обращению с полудурками, бабища, – сказано же ушла, значит ушла! И ты давай уже, вали отсюда, псих ненормальный, пока я дежурную бригаду не вызвала!

– Ладно, ладно, – согласно закивал Андрей, всем своим существом ощущая реальность высказываемой угрозы и побрёл на выход, "окутанный" каким-то студёным мраком и отвратительной вонью.

Ну улице, несмотря на яркое весеннее солнце, навеваемый порывистым ветерком свежий прохладный воздух и чистое безоблачное небо, Андрею не полегчало. Он шёл, еле

волоча ноги, как обмотанный, как ему казалось, какой-то плотной рыболовной сетью, которую только что вытащили из канализации. Равнодушно глянув на автобусно-троллейбусную остановку, побрёл домой никуда уже не торопясь.

"Да как же они могли?!", раз за разом, как заевшая пластинка, крутился вопрос в голове Андрея, раздавленного ОЖИВШИМ ВОСПОМИНАНИЕМ, как обрушившимся на голову каменным валуном, – "как она могла, после того, как меня в тарелку со своим дерьмом ткнула, сюсюкаться со мной?! А папа?! Почему он мне ничего не сказал?", – вспомнив "убегающий" взгляд Юрия Венедиктовича в то утро, и его робкие попытки решительно пресечённые мачехой, ответил сам себе, – "он испугался. Он её тогда конкретно "разукрасил", и если бы она на него заявление написала, то не посмотрели бы, что он и сам начальник в ментовке."

Кое как проковыляв одну остановку и понимая что сил, одолеть, пройти ещё три оставшиеся до дома, нет никаких, Андрей притулился у столба ожидая нужный ему автобус.

Дождавшись и втиснувшись в "приготовляющийся" к часу пик транспорт, пошарил в кармане осенней куртки отыскивая проездной.

– Бабушка! Это несправедливо! Это гадко! – раздалось прямо за спиной Наташкино всхлипывание.

– Наташа, перестань! – раздался в ответ астматически хриплый, прокуренный голос "бронепойной" поэтессы, – ревьешь и ревьешь всю дорогу, ну сколько уже можно?

"Поздороваться?", – мелькнуло в голове у Андрея, – "подойти к ним? А нет. Ну его нафиг. Чтобы Наташка разревелась, так это не знаю чего произойти должно", – подумалось при воспоминании о жёстком нраве дальней родственницы, "хрен знает сколькоиуродной" сестры, – "да и Нонна Васильевна сейчас как "заговорит", как пристанет со своими расспросами, что да как, так и свою остановку проедешь, а я и так опоздал... как-то безвозвратно опоздал..."

– Ну что? Ну что ты, моя милая, никак не успокоишься? – низким, тихим басом заурчал голос Наташкиной бабушки.

– Бабушка, но я ведь лучше, намного лучше Ленки сыграла! – опять захлюпала носом насмерть обиженная девушка.

– Лучше, намного лучше, – почти шёпотом согласилась Нонна Васильевна.

– Так я почему же...

– Ох, родненькая моя... – вздохнула бабушка тяжело, через силу, – тебе же Альберт Львович всё объяснил, при мне, ну сколько можно? Ты же понимаешь, что кроме виртуозной игры, поверх инструмента, должно красоваться симпатичное личико. А у нас что? Что мы имеем? А то, что досталось по наследству от пап, мам, дедушек и бабушек, то и имеем. Поэтому, мы с твоей мамой, тебе "всю дорогу", с самого первого класса "музыкалки" талдычили, не напрягайся, всё равно тебе никогда Первой Скрипкой не быть, как бы ты не старалась. Хоть бы ты, как Паганини научилась играть, а всё равно, зрители, и "ответственные лица" конечно же, желают ви-

деть пиликающую на скрипке КРАСОТУ! Что разве не так? И не мычи как корова надоенная, не протестуй, не хочешь в последних рядах сидеть в оркестре, пойдёшь к маме работать, в бухгалтерию. Там внешность никакого значения не имеет, с деньгами мы все красивые.

– Но ведь Альберт Львович...

– Что Альберт Львович? – грозно оборвала слабое попискивание прошедшая "крым и рым" женщина, – твой Альберт Львович, педераст, поэтому ему "до фонаря" твоя внешность, вот если б ты была мальчиком, то он бы тебе тоже самое сказал...

Невольно подслушивающий разговор Андрей потихоньку выскользнул в открывшиеся двери автобуса.

Еле передвигая ноги, придавленный грузом прежде начисто забытого, разрушающего душу воспоминания, Андрей добрёл до своего дома.

"Уехали", – подумал подходя к подъезду и не находя взглядом служебной отцовской "волги".

Поднявшись пешком на свой этаж, из-за почему-то неработающего лифта, зашёл в незнакомо пустую, и как ему показалось давно опустевшую, квартиру, еле переставляя ноги, как больной придерживаясь за стены, добрёл до своей комнаты и рухнул на кровать, не раздеваясь.

ОНА пришла к нему во сне совершенно явственно, не так как ранее приходившие до неё "партнёрши", появлявшиеся

в сонных видениях смутно и неосязаемо, оставляя после себя как напоминание о "сладком визите" мокрое пятно поллюции на просторных семейных трусах.

[Андрей лежал на спине абсолютно голый в крошечной темноте время от времени разрываемой какими-то то розовыми, то синими вспышками. Обездвиженные ноги его казались были запечатаны в тёплое тесто, укутаны им. И спина, спина тоже "прилипла" к чему-то тёплому и послушно мягкому. Свободно двигались только голова и руки.

"Всё-таки у меня это получилось!" – раздался в голове нежный голосок прерываемый торжествующим смехом, – "всё-таки, я смогла, заполучила тебя, хоть и ненадолго, но заколдовала тебя в мою полную и нераздельную собственность!"

"Кто ты?" – помотал головой Андрей, чтобы уловить взглядом серебристо смеющийся объект, игриво мелькающий, проявляющийся в сиреневых сполохах.

"А что? Ты меня не узнал?" – на мгновение осветилось прямо перед глазами подростка юное девичье, неправдоподобно красивое личико, – "ты же меня уже видел, и я тебе очень и очень понравилась!"

С тягостно сладким напряжением внизу живота, Андрей вспомнил увиденную накануне, в укромном уголке школьного двора, в тесном кругу одноклассников, неведомо как попавшую к ним японскую порнографическую картинку, которую он еле дождался своей очереди, чтобы взять её в ру-

ки внимательно, без очков, рассмотреть, пожирал взглядом как сказочный деликатес.

"Вспомнил! Вспомнил! Ах, как я рада! Как рада! Теперь ты мой и только мой! Пусть только здесь и сейчас, но всё равно МОЙ!" – вновь вспыхнувший мгновенный свет осветил обнажённую тоненькую полудетскую фигурку и смеющееся личико с коротко стриженными чёрными волосами. "Девушка" пробежала взглядом по "приобретённому" на недолгое время в собственность мужскому телу и ахнув уткнулась раскосыми глазищами в возбуждённый до одеревенения член Андрея, нежные пальчики прикоснулись к нему и мимоходом поласкав судорожно задрожавший орган, исчезли:

"Ах! Ах! Что же я наделала! – раздался в голове Андрея, идущий из крошечной темноты, игривый смешок, – "разве такой огромный хуище поместится в мою маленькую писечку?... Как же быть? Отказаться?... Нет! Ни в коем случае! Ведь он такой красивый!"

Во вновь разодравшей темноту вспышке, приподнявший голову Андрей и увидел, и почувствовал приникшую к низу его живота прекрасную женскую головку, покрывающую бесчисленными поцелуями его пульсирующий, казалось чуть-чуть не разрывающийся от напряжения член. Не в силах больше сдерживаться, ощущая себя вдруг каким-то сильным, взрослым и могучим, половозрелый юноша схватил, стиснув мёртвой хваткой девичью руку чуть выше локтя, и потянул охнувшую и заплакавшую от боли "япон-

скую принцессу" к себе. Удерживая её правой рукой, свободной левой ладонью обхватил в горсть полудетскую грудь. Девушка не переставая плакать истомно застонала. Не понимая, не осознавая, что он делает и зачем, Андрей нащупал пальцами маленький отвердевший сосок и начал сильно тискать его, мять как кусочек розового пластилина.

"О, да!!!" – взорвался в голове до крайности возбужденного мужчины голос ЕГО женщины, – и вторую, вторую грудь, также!"

Податливо отдав себя в руки "истязателя", Принцесса лихо, по-ковбойски, запрыгнув на живот Андрея, приподняв обеими руками, как будто он тяжёлый, направила неведомо почему ещё не извергнувшийся сперму член в "место назначения". Погрузившись в женское лоно до половины, мужской орган упёрся было во что-то упруго растягивающееся, выталкивающее его назад, но под давлением стремящегося к "своему", изгибающегося, как качаемая подводным течение трава, девичьего тела, под одновременно болезненный и радостно торжествующий вскрик, прорвал "оборону", погрузился в НЕЁ полностью и "ВЗОРВАЛСЯ". Упавшая на грудь Андрея, в унисон содрогающаяся с ним в оргазме девушка, жадно, как изнывая от жажды, захлёбываясь, приникла к его рту своими нежными розовыми губками.

"Ну вот и всё", – раздался в голове всхлипывающий, плачущий голосок, – "теперь мне придётся тебя отпустить, хочу я этого или нет, иначе мы оба погибнем!"

"Так давай останемся ЗДЕСЬ насовсем!" – попытался возразить Андрей.

"Нет! Нет мой ненаглядный!" – нежно гладила лицо юноши Прекрасная Принцесса, – "это невозможно! Ты великий и могучий царь, правитель неведомой северной страны! А я? Кто я? Всего лишь одна из твоих многочисленных наложниц, которую ты призвал на одну ночь и завтра уже может быть позабудешь!"

"Нет! Нет, ни в коем случае!" – обхватил Андрей ладонями прекрасное личико, ясно различимое в, ставших непрерывными, разноцветных бликах, – "ты можешь позвать меня, ведь ты знаешь как меня зовут?"

Отдавшая ему свою девственность девушка согласно и печально покачала головой.

"Ну вот!" – торжествующе вскинулся Андрей, – "и я знаю твоё имя! Тебя, моя сладкая, зовут Ми..."

"Нет!!! – вздрогнула от вселенского ужаса "королева Азии", закрывая пальчиками рот Андрея, – "нельзя!!! Ни в коем случае нельзя произносить здесь никаких имён!"

Андрей дёрнулся вперёд, чтобы удержать исчезающее, растворяющееся в небытии нежно сладкое тельце и проснулся.

"Вроде же как, я одетый вчера на кровать завалился? – спросил сам себя глянув на аккуратно сложенную на стуле одежду, – "или это было сегодня?", – посмотрел на сереющие за окном сумерки. Обследовав себя мысленно и руками, и

убедившись в абсолютной наготе, подумал:

"Надо пойти сперму смыть, а то после такого «секса», который только что был, там наверное «пол-литра» или цельный «литр»..., ой! А что это?" – в ужасе уставился на низ своего живота не обнаружив там взглядом никаких следов мужского семени. Вместе этого на его «приборе» и около него алыми лужицами подсыхала свежая кровь.

"Это был не сон!" – мелькнула в голове сумасшедшая мысль, – "но ведь это невозможно! А откуда ты знаешь, что возможно в этом мире, а что невозможно?" – неожиданно по взрослому возразил сам себе, с кряхтением поднимаясь с кровати и направляясь в ванную, – "про то, как Глафира Петровна с тобой поступила ведь начисто забыл, как и не было этого, а это на самом деле было..."

Звонок в дверь звучал настырно и неотвратимо. Немного посвежевший после душа Андрей нерешительно ткнулся ко входной двери:

– Кто там? – сиплым от испуга голосом спросил юноша.

"Если это ОНИ, то как же я сейчас?..., как мне быть?..., я же не смогу придуриваться, что так ничего и не помню!" – пыльным вихрем взметнулись мысли в голове Андрея.

– Андрюша, это я, дядя Валера, – послышался за дверью глухой, печальный голос соседа по площадке, – ты как? – уныло глянул на онемевшего от тягостного предчувствия подростка, – не знаешь? Ну да, конечно, кто бы тебе об этом

рассказал? – обречённо покивал головой майор КГБ, только что узнавший страшную новость.

"Ну вот. Началось!" – взорвалось в голове Андрея и слезами хлынуло наружу следующее действие Предначертанного Пути.

Они очень торопились боясь опоздать к назначенному времени, потому что профессор, светило медицинской науки, был очень строг и пунктуален. Лихо несущаяся по асфальту "волга", на полном ходу влетела под прицеп грузовика, выезжающего задним ходом со строительной площадки. Водитель, тётя Граня и Сонечка погибли сразу. Отец прожил в реанимации ещё почти двенадцать часов и успел на мгновение прийти в сознание, чтобы сказать своему сыну, которого «всесильный» дядя Валера провёл в палату ткнув в разгневанное лицо медсестры развёрнутые «корочки»:

– Андрюша..., прости...

Приехавшие на похороны неутешные бабушки и дядя Вова долго и безуспешно уговаривали Андрея бросить всё и уехать. Пока слоняющийся туда-сюда, из квартиры в квартиру, сосед-бобыль дядя Валера, время от времени переглядывающийся дядь Вовой понимающими взглядами и разговаривающий с ним какими-то, только им двоим понятными междометиями, не подошёл и не сказал:

– Едьте домой матушки и будьте спокойны, я присмотрю за Андреем. Если нужно будет его усыновить, то так и сделаю. Если всё и так будет нормально, то и ладно. В любом

случае, можете не переживать, он у меня не пропадёт. СЛОВО ОФИЦЕРА.

РЕИНФЕКЦИЯ

О, эта сладость

И восхищенье!

Щенячья радость —

В блюде сплетенье.

В итоге малость —

Принять решенье.

В остатке гадость?

Прощай спасенье.

(Автор)

– Ну, вот так вот, "голубки", добаловались вы оба с игрульками в "папу-маму", – подытожила Нонна Васильевна озвученную Наташкой весть, – что делать будем?

– А причём здесь я? – вдруг, ни того ни с сего ляпнул Андрей не в силах удержать вскипевшее внутри озлобление на всё и на вся.

– Ка-ка-как это? – длинное лицо "невесты" вытянулось ещё сильнее от приоткрывшегося в удивлении рта.

– Ну, я же у тебя не первый, – пробормотал пряча взгляд под стол "жених", – я же, Натаха, всё-таки почти что врач уже...

– Ну и пошёл на хуй!!! – вскочила "неудавшаяся возлюбленная" и заколотила кулачками по виновато склонившейся

голове, – скотина! Чтоб ты сдох! О, боже, какая же ты скотина! Врач он – сука, доктор! Пошёл в жопу отсюда, доктор! Чтобы я тебя больше не видела!

– Наталья! Наталья! Успокойся, успокойся я тебе говорю, – обнимая обхватила её плечи и руки Нонна Васильевна, – тебе сейчас нервничать ни в коем случае нельзя.

– Бабушка, пусть он уйдёт! – рыдая припала к необъятной груди "пламенной поэтессы" несправедливо обиженная девушка, – я сама, без него рожу и выращу! Что за проклятие над всеми нами? Почему и тебе, и маме, и тётъ Маше одни козлы проклятые попадаются?!

Взвыв вырвалась из убаюкивающих объятий и убежала хлопнув кухонной дверью.

– Я тебе вот что скажу, Андрюша, – неожиданно мягко заговорила с непонимающе озирающимся вокруг себя парнем старая женщина, – дело конечно твоё, не хочешь, никто тебя насильно заставлять не будет. Тем более и встречаться вы совсем недавно с ней начали. И на алименты никто, как раньше мы делали, подавать никто не будет, хватит уже, нажрались мы этого "дерьма" выше крыши... Но только, если ты решил что не хочешь, то прямо сейчас уходи, "отрубай" раз и навсегда, не мучай её понапрасну...

– Нет, я сейчас пойду прощения у неё попрошу, – упрямо замотал в ответ головой Андрей, – я же знаю про себя какой я, на меня никто кроме неё и внимания никогда не обращал, – вздохнул рыхлый, полный, непривлекательный моло-

дой мужчина, приглаживая растрёпанные, торчащие во все стороны волосы и поправляя сползающие с носа уродливые очки с толстенными стёклами в массивной коричневой оправе, – просто мне обидно стало, когда я понял, что она у меня первая, а я у неё нет... , а сейчас думаю, что зря я всё это.

Вздыхнув и как обречённый на смертную казнь побрёл в ту комнату, где не так давно расстался со всей девственностью не во сне, а наяву.

Как омертвевшая, уставившаяся немигающим взглядом на надёжно упрятанную в футляр, навсегда покинутую, позабытую скрипку Наташка даже не покосилась на робко присевшего рядом с ней будущего супруга.

– Хочешь верь мне, хочешь не верь, но у меня до тебя никого не было, – сипло процедила сквозь стиснутые зубы, – я сама себе "целку" порвала. Увлеклась мастурбируя "самотыком", деревянная игрушка у меня была, ещё с детства, пупсик такой головастый, ну ты не помнишь конечно...

– Помню, – кивнул головой Андрей, – я ещё когда маленький был, увидев его подумал, что он на папин член похож, один в один...

– А я тогда так испугалась, так испугалась..., с "ален'делоном" я тогда "была" ..., а тут и боль, и кровь! Никому ничего не сказала. Простынь и ту игрушку, потихоньку, на костре, вместе с мусором сожгла...

– Когда это было? – что-то подозревая спросил Андрей.

– Давно..., я ещё совсем сопливая была, в ... году, летом.

– Наташа, прости меня, – тяжело вздохнул Андрей невольно сопоставляя даты.

– Ты можешь идти, – снова задрожала, как озноба, Наташка, – иди, Андрюша, иди, я тебя не держу, я сама справлюсь, правда.

– ПРОСТИ, – откуда то из глубины своего естества выдохнул Андрей и предначертанная, рыдая, сникнув, как падающий в обморок человек, повалилась в его объятия.

Приготовления к свадебному торжеству и сама церемония пронеслись как скорый поезд, в котором и отправились молодожёны в свадебное путешествие "за границу".

– Боже мой, какая красота! – зачаровано шептала Наташка почти неотрывно смотрящая в окно купейного вагона, то сидя на своей нижней полке, то стоя в коридоре. А за окном изнемогающие от жары золотисто-зелёные поля ненадолго сменялись кружащими хороводом лесами или невысокими курганами, играя солнечными бликами плавилась под июльским солнцем реки, речки и протоки, радостно суетились летние перроны городов.

– Наташ, – недоумевающе пожал плечами к вечеру первого дня Андрей, только что сменивший промокшую от пота рубашку, – что красивого то? – посмотрел на белесое от летнего зноя небо, – просто поля да поля.

– Вот именно! – обернувшись к нему и мимоходом чмокнув в щёку согласилась Наташка, – такой простор! Ни конца,

ни края! И я только сейчас поняла как я люблю всё это, то есть почувствовала как мне это всё нравится! Чего ты смеёшься? – легонько ткнула локтем в живот охнувшего супруга, – я ведь в первый раз куда-то вообще из Москвы еду. А так всё время, всю жизнь: дом, метро, школа, музыкалка, метро, дом. Все времена года по бабкам у метро: новый год – сосновые ветки, потом семечки, семечки, семечки, верба, подснежники, первая зелень, укроп, лук, петрушка, помидоры, огурцы, квашеная капуста, ёлки-палки, новый год! И так по кругу. Только и радости, что дача наша, летняя радость, да и то там постоянно носом в землю...

– А зачем? – встревожился возбуждённо огорчённым состоянием молодой жены Андрей, – я никогда не понимал зачем вы так, и огород, и коза...

– А-а, – обречённо махнула рукой Наташка, – денег постоянно нет и нет, постоянно не хватает, потому что, бабушка с мамой и тётъ Машей, вечно в какие-то неприятности попадают. Или сами их себе устраивают. То бабушка аван возьмёт в издательстве под свои новые стихи, а потом выясняется что у неё ничего нового нет и приходится возвращать деньги, которые они втроём "на радостях" в ресторане прогуляли. То у тётъ Маши на работе нехватка, то у мамы "дядя Эрик" случается.

– А чего она с ним? – поморщился Андрей вспомнив пропитого алкаша, позаброшено живущего в однокомнатной запущенной квартире, которого его постоянно ошивающиеся

у пивной собутыльничи прозвали "робинзоном" за длинную неухоженную бороду и привычку зимой и летом ходить в сандалиях, шортах, футболке и широкополой шляпе на полу облысевшей голове.

– Не знаю, – отчаянно пожала плечами в ответ новоиспечённая жена, – сколько её и бабушка, и тётъ Маша, и я, уже когда постарше стала, ругали, а она всё одно – "он гений! Непризнанный гений! Восемь иностранных языков знает в совершенстве, "Евгения Онегина" всего наизусть, а какие стихи пишет!" И каждый раз, одно и то же, Эрнест Борисович заявляется к нам, трезвый, в чистой футболке с расчёсанной бородой, и к маме: "я Вам, кыхм, сударыня, своё новое стихотворение, кыхм, посвятил, не соблаговолите ли, кыхм". Ну и мама, естественно, "соблаговоляет". Потом все деньги какие есть собрав, к нему. И через неделю, как мартовская кошка, потихоньку, домой... ужас, и ругать её, жалко сил нет, так она горько-горько лежит и плачет...

– Он же, насколько я знаю, нормальным был, когда то, мне папа говорил...

– Да, – согласно кивнула Наташа, – семья у него была, профессор он, филолог, в МГУ завкафедрой. А потом, он чего-то в церковь начал ходить, чего-то его туда потянуло. Естественно неприятности на работе начались, но запил он, как мама говорит, не из-за этого, а потому что, произошла у него встреча с настоящим дьяволом, материализовавшейся сатаной. Этот бес, типа потребовал, чтобы он прекратил в

церковь ходить, а иначе ему "плохо будет" и, после этого, он со страху и запил. Бред конечно, – пожалала плечами молодая женщина не обращая внимания на напряжённо слушающего Андрея, – я думаю это просто самооправдание.

– Ну надо же! "Заграница"! – возбуждённо ёрзала вдоль вагона Наташка, зыряка вокруг выпученными чёрными глазами и хватко прижимая к животу сумочку с деньгами и документами, – мне тут детский анекдот припомнился, – хихикнула глянув на замусоренный и заплёванный перрон, – помнишь наверное? "Кто нахарькив? – я на Харьков! – ну так иди подтирай!"

– Помню, помню, – согласно рассмеялся Андрей и тут же притих поймав злобный взгляд о чём-то, "балакающих" между собой явных "западнцев", – ты это, Наташ, потише пока до Крыма не доедем, тётъ Маша же предупреждала.

– Ну да, ну да, – послушно закивала жена, с испугом оглядываясь вокруг себя, – на самом деле, Андрюша, пойдём в вагон, а то мало ли. Кто знает что у них на уме? Ещё зарестуют ни за что, ни про что, – поёжилась как от озноба вспомнив хамское поведение украинских пограничников, только недавно покинувших поезд.

И весь оставшийся путь по "вражеской территории", до самого Джанкоя, они не выходили из своего вагона. Напрасно тыкались в окно их купе, в котором они остались вдвоём до самого конца поездки, предлагающие аппетитную еду

колоритные южнороссийские бабки, напрасно успокаивали проводники:

– Да не бойтесь вы так! Что вам хохлы – прям звери?

Нет, напуганная рассказами тёти Маши, по рекомендации которой и было предпринято это свадебное путешествие, Наташа не выходила погулять сама и не выпускала Андрея:

– До тебя сейчас доебётся какой-нибудь придурок-полицейский, которому лишь бы "на карман сорвать". А поезд ждать не будет. А мне? Мне одной потом как?

– Да перестань ты, Наташ, – пытался робко возражать молодой муж, – что им, по твоему, абсолютно всем, "тильки гроши трэба"?

– А что же ещё? – выпучивала свои, и так навывате, глазищи Наташка, – им всем, западенцам этим проклятым только деньги и надо! У них же ни стыда, ни совести, и нас москвичей они извечно ненавидят. Тётя Маша пока с первым мужем в Хмельницком жила, так всякого и насмотрелась, и наслушалась! Они же так и говорят: "москаляку на гиляку", то есть если ты москвич, то тебя нужно повесить, просто за то, что ты в Москве живёшь!

– Ага, ага, – кивал "соглашаясь" в ответ Андрей, – а в Симферополе, как об этом Нонна Васильевна говорит, крымские татары прям средь бела дня по улицам на конях скачут и саблями, всем русским, головы рубят, даже паспорта не проверяя!

– Да ладно тебе, бабушка просто расстроена, что мы, из-

за нашей "нищеты" не можем "нормальное" свадебное путешествие себе позволить, – начинала чуть обиженно выкручиваться из объятий мужа Наташка и тут же снова "прилипла" к нему, – как думаешь, больше никого к нам в купе не будет? Ночью одни останемся?

– А чего?

– Хочу тебя..., уже опять хочу.

– Ты же перед отъездом мне всю ночь спать не давала, говорила, что хочешь "насытиться" чтоб на всю дорогу хватило.

– Ну вот, не хватило, – "виноватой девочкой" кокетничала Наташка, полночи потом, когда поезд нёсся по раскалённой малоросской степи, обливаясь потом, судорожно прижимаясь к молодому мужу и истомно постанывая.

– Ялта, Ялта! Севастополь! Судак! Алушта! Евпатория! Ехать недорого! Жильё! Жильё! Недорого! – как голодные собаки накинулись на выходящее из поезда "стадо баранов" крымские таксисты-"разводяги".

[– Вы там, ни в коем случае, с ними не связываетесь, эти самостийные таксисты – все одно жульё! – строго настрого предупреждала многоопытная, неоднократно побывавшая в Крыму тётя Маша, приезжавшая туда со своими многочисленными "мужьями-однолетками", – как приедете, сразу на троллейбус и к Елене Михайловне! Я её предупредила, она вас ждать будет. Гривны – вот вам, на дорогу и первое время,

а там, уже в Алуште, посмотрите где более выгодный курс, поменять чтобы...]

– А я вас раньше ждала, – недовольно прошипела расфуфыренная, аляписто покрашенная старуха в каком-то молодёжно-светском "неглиже" и в соломенной шляпе с дурацкими цветочками на голове, – Мария Васильевна сказала мне по телефону, что утром приедете, а сейчас уже почти обед.

– Поезд опоздал почти на два часа и троллейбус что-то совсем долго, – попытался "защититься" Андрей и тут же умолк под змеинозлым взглядом бывшей второстепенной актрисы национального театра оперы и балета имени Тараса Шевченко, не радостно встречающих гостей, а подметающей мусор прямо им под ноги.

– А что не так, Елена Михайловна? – оживлённо "бросилась в бой", обожающая поскандалить Наташка, успевшая по дороге от остановки до дома, познакомиться и переговорить, (на всякий случай), с соседской бабушкой, тоже сдающей однотипное, дешёвое жильё.

– Да нет! Всё хорошо, всё хорошо! – тут же "почувывая опасность" приторно заулыбалась неаккуратно покрашенными, ярко-красными морщинистыми губами уродливо старая "красавица".

[– У неё после смерти мужа, – напутствовала тётя Маша, – немного "крыша поехала". Он какой-то серьёзный офицер был и в строгости её держал, а как умер, уже там, на пенсии, в Крыму, так она немного "расслабилась". Раньше на самом

деле очень эффективная женщина была, но пока замужем была погулять-поблядовать не получилось, а когда муж умер, так уже и поздно. Но вы особого внимания на неё не обращайтесь, живите там сами по себе, как можно меньше с ней общайтесь, а побольше наслаждайтесь морем, природой.]

А наслаждаться – было чем!

– Это рай! Это просто рай какой-то! – постоянно тихонько поскуливала вся истомно разомлевшая, покорно умиротворённая Наташка, – посмотри Андрюшенька, какая красота! А нет, сюда посмотри! – постоянно дёргала ненасытно любвеобильная женщина своего, полусонного от жары и духоты, мужа за рукав и тыкая указательным пальцем, то в одну, то в другую сторону.

– А как вкусно всё! – причмокивала в недорогой столовке.

– А как всё дёшево! – повизгивала бродя по продуктово-вещевому рынку и лихо растрачивая подаренные на свадьбу деньги.

– А какие ночи сказочные, – хрипло шептала на ухо неведомо как держащемуся ещё на ногах Андрею, когда после двух-трёхчасового "сексуального марафона", они вместе посетив в летний душ, стояли у своего, единственно занятого "номера" задрав головы в густо усеянное крупными звёздами небо.

– Знаешь, – нерешительно посмотрел на жену Андрей на седьмой день пребывания "в раю", – может мне это кажется, но по-моему эта старушенция заигрывает со мной.

– Ничего тебе не кажется! – возразила Наталья решительно отхлебнув из бокала наполненного темно-красным вином, – а ты что, только сейчас заметил?

– Да мне и в голову такая глупость не могла прийти! Ей же, уже давно, в «анатомичку» пора!

– Андрюша! Как тебе не стыдно? – поморщилась Наташа.

– А вот мне не стыдно! – горячо возразил молодой мужчина и тут же стих, оглядываясь на ничего не замечающих шумных соседей летнего кафе, – это ей должно быть стыдно. Чего она вечно полуголая ходит? Ну я понимаю что жарко, но всё-таки, надо же думать о том, что на её дряблые прелести смотреть противно!

– Андрюша, успокойся, – ласково потрепала по руке возмущенного мужа Наташка, – во-первых, она о чём может думать, если она немного ку-ку? – повертела указательным пальцем у виска, – и потом, тётя Маша же предупреждала нас..., Андрей, а ты что это, всё наливаешь себе коньячок и наливаешь? Ты что всю бутылку здесь и сейчас собрался выпить?

– А я, моя любимая, – полупьяно улыбнулся, чуть не замурлыкавшей от радости Наташке, Андрей, – хочу проверить пословицу о том, что некрасивых женщин не бывает, а бывает мало водки.

– Ладно! Перестань! – расхохоталась в ответ жена, игриво шлёпнув его по руке, – враки это всё!

"Почему враки? Вот ты, например, у меня уже прям кра-

савица-раскрасавица!" – только-только успел удержать готовые сорваться с губ слова Андрей разглядывая какое-то незнакомое, изменившееся лицо сидящей напротив него женщины, матери его будущего ребёнка.

– А впрочем, чего я тебя удерживаю? – пожала плечами Наташка, – если хочешь, то можешь выпить, Андрюшенька. Ведь такое один раз в жизни бывает. Но только всё равно, аккуратнее, чтобы мне тебя на себе потом тащить не пришлось. Мне же, сейчас, тяжести ни в коем случае поднимать нельзя. Ты же – Доктор, ты же знаешь!

Андрей спал и осознавал, что спит, и что происходящее с ним происходит во сне, и что происходящее с ним во сне практически соответствует реальности.

Они вместе с Наташей сидели в первом ряду в Большом театре, то есть Андрей не был уверен, что это именно Большой, но во сне, почему то, думалось именно так. В оркестровой яме потихоньку возились музыканты ёрзая туда-сюда и настраивая инструменты, а публика, вся, поголовно, тихо и смирно сидела на своих местах. Не было абсолютно никакого движения, не слышно было разговоров, никто из опоздавших, с извинениями, не пробирался на свои места. Андрей, украдкой, чтобы не выглядеть "некультурным" покосился на соседей. Вздвогнув от изумления, прошипел на ухо досадливо отмахнувшейся от его слов Наташке:

– Ох! Ни хрена себе! У них, ни у кого, лиц нет! Просто

какие-то размытые пятна... Чего ты? Аа, начинается...

Оркестр заиграл вступление и волнообразно колыхавшийся пурпурный занавес не поднялся, не отъехал в сторону, а растворился, растаял, как брошенный в весеннюю лужу снег. На сцену, мелко семена, на цыпочках выбежала... Елена Михайловна!!!

– Да! Она говорила, что она балерина, но не до такой же степени! – возмущённо, вслух, охнул Андрей.

– Тише ты! – зашипела в ответ Наташка, – просто она совсем уже старая и поэтому пиццикато у неё уже получается так себе.

Да уж. Танец восьмидесятилетней балерины, на которой кроме балетной пачки, пуантов и какой-то, явно драгоценной диадемы ничего не было, был не просто «не очень» или «так себе», а ужасающе отвратителен. Полугнилое, землесто-рыхлое тело тряслось как одежда бомжа, груди болтались где-то в районе живота, ослабленные болезненной старостью балетные движения были вымучены и неуклюжи, по внутренней стороне бёдер, видимо от непомерного напряжения, потихоньку стекали жидкий кал и мутнозаразная моча. Когда "балерина" прыгала и трясла тумбообразными ногами, брызги экскрементов веером разлетались в разные стороны заставляя Андрея испуганно вжиматься в спинку кресла. Со сцены веяло жуткой вонью и холодом.

– Холодно, – поёжился чуть не блюющий от отвращения мужчина.

– Ну так, "Снегурочка" же, – возмущённо цыкнула в ответ Наталья.

– А воняет почему?

– Потому! Сиди спокойно и не рыпайся, сейчас па-де-де начнётся!

Засмердело ещё сильнее и на сцену, топоча копытцами выбежала, вся вытянувшаяся вверх, передвигающаяся на задних ногах, только-только освежёванная свинья. Мёртвые, пуговично белесые зенки животного следили, с задротой в потолок морды, за выламывающейся перед ним "балериной" усиленно стремясь приноровиться к её движениям. Наконец, удачно приблизившись к самозабвенно выплясывающей Елене Михайловне огромный, освобождённый от внутренностей хряк распахнул объятия, как бы собираясь заключить полудохлую танцовщицу внутрь кровяной и одновременно горячей, как раскалённый мангал, брюшины. "Балерина" кокетливо-несогласно затрясла сморщенными, скрученными артритом ручками и увернулась. Так повторялось, под восхищённые возгласы Наташки, несколько раз. Наконец, "расвирепевший" хряк, когда любующаяся сама собой Елена Михайловна, в очередной раз, припрыгивая и брызгая вокруг себя дерьмом приблизилась к нему, сделал подсечку... "Актриса погорелого театра" с грохотом повалилась на пол и свинья с восторженным визгом упала на неё сверху, как бы пожирая, запихивая бьющееся в агонии тело внутрь себя.

– Сколько верёвочке не виться, а конец всё равно один, – торжествующе проговорил Андрей глядя на торчащие из свиной задницы, стучащие пятками по полу пуанты, и проснулся.

– Чего ты не спишь? – приподнявшись на локте спросил Андрей вытянувшуюся в трупной позе, пристально разглядывающую потолок Наталью.

– Уснёшь тут с тобой, – обиженно пробубнила та, покосившись на молодого мужа чёрно-лошадиным взглядом, – вроде выпил то вчера не так уж много, а ведёшь себя...

– А что я такого сделал? – так же, с обидой, забубнил в ответ Андрей.

– Ну, во-первых, с вечера ты не сделал того, что должен был сделать как нормальный мужик..., я только-только "разогреться" начала, а ты мне в рот кончил и сразу же захрапел...

– Ну чего ты? Ты же сама захотела..

– Сама, сама, – чуть всхлипнула Наташка, – ну это ещё полбеды, потому что я тоже немного кончила, поэтому и решила, что поспим, а потом я тебя разбужу. А ты мне среди ночи как давай на ухо орать: "ведьма-ведьма, ведьма-ведьма"!

– Когда это?! – ошалело вскинулся Андрей, растерянно моргая близорукими глазами.

– Только что! – откровенно разревевшаяся молодуха скукожилась, свернулась калачиком и отвернулась к стене.

– Наташ, – умоляюще засопел Андрей, – ну не виноват же я в том, что мне сон такой приснился, – начал рассказывать только что "произошедшие события" молодожён своей скороспелой супруге. Притихшая, отрывисто вздыхающая Наташа, поглаживаемая по обнажённому телу ласковыми руками, дослушав краткий пересказ, юрко развернувшись прикинула к быстро возбуждающемуся мужу, сливаясь с ним, в теперь уже разрешённом законом, коитусе.

– Придурок ты, Андрюха! – горячо выдохнула куда-то в шею за ухом, дрожащая как в лихорадке, в предчувствии приближающегося оргазма, Наташка, – но я тебя, всё равно люблю!

– Оба на! – в унисон, дуэтом воскликнули молодожёны подходя к своей "гостинице", распарено-утомлённо возвращаясь с утреннего купания в море.

Вся узкая улочка перед их временным жилищем была запружена полицейскими и "эсбэушными" машинами.

– А я вас жду! – кинулась навстречу к ним соседская бабулька, с которой Наташка познакомилась тогда, ещё до заселения к Елене Михайловне и время от времени разговаривала, просто ни о чём, по дороге на пляж или возвращаясь с него, – арестовали вашу Елену Михайловну! – "пулемётной очередью" начала выдавать полученную информацию соседка, – она оказывается не Елена Русакова, а Хелен "гаушляйтер" или "баумайстер", я так и не поняла. У неё муж

был ээсовец и она сама в гестапо. В сорок пятом мужа-немца расстреляли, а она под офицера-чекиста легла и "шкуру" свою спасла. Её муж, с которым она здесь жила, Сидор Петрович, он ей оказывается новые документы сделал, и тем самым от расстрела спас. А сейчас, как-то, израильские спецслужбы всё это дело "раскопали" и потребовали от Киева её выдачи, вот и ..., короче они только вас сейчас ждут, чтобы допросить и вещи свои чтобы вы забрали, а то же всё печатывать будут. Но вы ничего, не переживайте! Переезжайте ко мне, вам у меня хорошо будет! Всё равно у меня, так же как и у неё, пусто совсем!

Приехавшая из столицы Украины опергруппа, как оказалось, ожидала совсем не их. Лениво и небрежно снявший с них показания, (по приказу ненадолго выскочившего из основного жилья хозяйки домовладения то ли полковника, то ли подполковника в штатском), местный капитан полиции, на вопрос Андрея надо ли им еще ждать или они могут переселиться, равнодушно махнул рукой.

– По ходу, если бы мы опоздали, – обречённо вздыхала Наташка, суетливо собирая вещи, – они бы всё наше просто-напросто на улицу бы повыбрасывали! И хорошо ещё, что этой..., Хелен-Елене, за следующую неделю не заплатили, а то кто бы нам деньги вернул?

И как оказалось потом, судя по кривым ухмылкам наблюдающих за ними полицейских, её догадки не были лишены оснований.

Елену Михайловну, с наручниками на удивлённо оттопыренных вперёд руках, вывели когда Андрей и Наташа уже стояли с вещами за воротами "негостеприимного" дома. Одетую в строгий серый брючный костюм и белоснежную рубашку, строго вышагивающую "мадам'офицершу" было не узнать, строго и хищно поглядывали щелочки серо-голубых глаз, зубы стиснуты до перекатывания желваков на дряблых щеках, вся фигура напряженно-стреножено вышагивающей "гауляйтерши", выдавала внутреннюю её суть.

– Ей действительно, только погонов сейчас не хватает, – тихонько проговорил на ухо Наташке Андрей и тут же осёкся увидав КТО идет следом за гестаповской Хелен. Как будто услышав что про неё говорят её бывшие квартиранты, "елена'михайловна" посмотрев на них и презрительно скривившись повернулась к идущему сзади неё, одетому в дорогой летний костюм "КЛОУНУ":

– Jüdische Ratte! Ich habe Kurt gesagt, er soll dich erschießen! Nein, er hat nicht auf mich gehört, er hat gesagt, dass du noch nützlich sein würdest!

– Nun, wie Sie sehen können, hatte er Recht, – пожав плечами возразил "израильский агент", – und die Tatsache, dass ich in all den Jahren überhaupt nicht gealtert bin, überrascht Sie nicht?

– Nichts überrascht mich mehr, – передёрнула плечами "отплясавшая своё" старуха и решительно шагнула внутрь бронированного мерседеса.

"Клоун" перекинув пухлую кожаную папку из правой руки в левую, посмотрел в сторону Андрея и приподняв освободившейся рукой широкополую шляпу над абсолютно лысой головой, кивнул ему то ли приветствуя, то ли прощаясь.

– Он, что, тебя знает?! – в ужасе вцепилась в руку мужа Наташка.

– Да ну нет конечно, – смущённо соврал Андрей отрицательно замотав головой, наблюдая как Вечный Жид залазит вслед за своей очередной жертвой в "гробовой" мерседес.

РЕЦИДИВНЫЙ СЕПСИС

«Мой дядя самых честных правил,

Когда не в шутку занемог,

Он уважать себя заставил

И лучше выдумать не мог.

Его пример другим наука;

Но, боже мой, какая скука

С больным сидеть и день и ночь,

Не отходя ни шагу прочь!

Какое низкое коварство

Полуживого забавлять,

Ему подушки поправлять,

Печально подносить лекарство,

Вздыхать и думать про себя:

Когда же чёрт возьмёт тебя!»

(Александр Сергеевич Пушкин; "Евгений Онегин")

– Давай, Андрюха, поговорим спокойно пока наши бабы в бане "языками сцепились" и наши "косточки перемывают", – невесело усмехнулся дядя Вова поглядывая на сгущающиеся за окном свинцовые сумерки, – так то, вообще-то зря мы их вперёд себя пустили...

– Лариса Николаевна настояла, да и в самом деле, Наташка уже на пятом месяце, а мы уж как напаримся, так там потом не продохнёшь..., – попытался робко возразить, ненадолго приехавший на "историческую родину" племянник, поддавшийся на уговоры молодой жены ("надо, Андрюша, съездить, обязательно надо, познакомиться с твоими, а то сейчас рожу и всё, куда ехать?").

– Да понятно дело, мы с тобой, – покровительственно хлопнул по плечу старый мужик молодого, – сейчас оба стали конкретные подкаблучники, по типу – шаг влево, шаг вправо, стреляю без предупреждения!

– Да, ну нет, – обиженно засопел краснея и пряча взгляд Андрей, – чего уж так, совсем то?

– Да уж как есть, так и есть. Ладно, давай "колись", как ты умудрился так "проколоться"? Мне Валерка звонил после того, как у вас всё там "завертелось". Каялся, прощения просил, что не досмотрел за тобой..., да и я, тоже хорош..., мог бы приехать заранее, ещё до ТОГО, и всё "разрулить", ведь чуял же, чуял! И потом ещё и самооправдывался тем, что мамки здесь одна за одной. Можно было их на Ларку оста-

вить тогда, потому что она здесь и днём, и ночью, а самому к тебе махнуть, всё равно от меня тут толку никакого не было.

– Дядь Вов, – сиплым от испуга голосом спросил Андрей, – а это всё правда о чём ты сейчас?

– А то! – вскинулся "проштрафившийся наставник", – мне же прямо перед ЭТИМ, Валерка позвонил и говорит: "давай Вовка, приезжай сюда на пару месяцев, а то мне в командировку срочно, позарез надо, а Андрюху сейчас одного нельзя ни в коем случае", а я, нет бы прислушаться, начал своё: "мамки болеют, обе слегли, да и вообще мол, ты раньше его оставлял одного и ничего, а теперь он уж парень совсем взрослый", а он как давай на меня орать: "ты "мозгами", мол, "раскинь", почему всё так – некстати? У тебя обе мамки вдруг заболели, а меня начальство давит вовсю! Три рапорта отклонили!" Ну и я в ответ на него заорал. Короче погавкались, послали друг друга куда подальше и всё..., потом он, уже перед твоей свадьбой, извини-прости, что не приехал, хоть и мог конечно, но отбрехался своей болезнью, не так уж сильно и болел..., да и вообще, не болел считай, то есть не тем чтобы..., так вот, звонит мне Валерка, передаёт суть дела вкратце, и говорит: "обосрались мы с тобой, Вовка, не доглядели за парнем", а что ему возразишь?

– Да что вы оба прям так то, – совсем уже не обиженно, а раздражённо повысил голос Андрей, – тот меня как пацана сопливого отчитывал, ты тут начинаешь! Я уже считай совершеннолетний уже давно, диплом в этом году, весной,

а там практика и считай всё! А дядя Валера, как приехал, хватя Натаху за руку и к себе домой. Она визжит как резаная, а я как дурень совсем, рот раскрыл и ничего не соображаю. Не знаю сколько в дверь к нему ломился, ногами стучал, соседи переполошились, но милицию никто не вызвал, знают все прекрасно, что он кагэбешник. Не знаю, через час или два, или раньше, у меня в мозгах прям туман тогда, дядя Валера выводит её, а она как кукла тряпочная, на ногах не стоит, лицо красное всё и опухшее от слёз. Так мне её тогда прям жалко стало. А на дядю Валеру и взглянуть страшно! Весь как каменный, как статуя свинцовая, еле-еле, сквозь зубы процедил: "никогда", говорит, "себе этого не прощу!", "забирай", говорит, "Андрюша, своё ПРИОБРЕТЕНИЕ и береги ЕЁ, раз уж я тебя НЕ УБЕРЁГ" ..., о чём это он тогда, а дядь Вов?

– Да всё о том же, – сокрушённо покачал головой дядя, – дело ведь не в том, что самостоятельный ты по жизни или нет, а в том, что до того как ВСЁ СЛУЧИЛОСЬ, у тебя у мыслей не было чтобы на ней жениться, верно я говорю? Вот видишь! В этом то и беда..., ну да ладно, чего уж теперь, "после драки кулаками не машут", случилось и случилось, живите, авось всё и обойдётся.

– Кстати о драке, – непонятно почему и зачем заговорил об этом Андрей, – у нас недавно, в "меде", одна студентка с тремя своими сокурсницами сцепилась, страшно так, яростно, причём когда мы растаскивать их начали, так по-моему,

не они на неё нападали, а она на них..., и надавала она им, всем троим, по "первое число".

– Это ты к чему сейчас?

– У Ларисы, такое же выражение лица, как у той девчонки, сразу после драки.

– Да уж, – скорбно вздохнул несостоявшийся муж и отец, – победительница, та ещё победительница..., с лёгким паром! – поприветствовал ничего ему не отвечающих, умиротворённо молчащих женщин, – все "кости нам там обглодали, дочиста"? Молчите? Ну молчите, молчите..., пойдём, Андрюха, и мы попаримся.

– Иди, Андрюха, а я докурю и приду, – пыхнул папиросным дымом в звёздное небо дядя Вова пропуская племянника вперёд.

– Ага, – согласно кивнул Андрей и торопливо нырнул из стылой, сырой стужи в благостно тёплый, пахнувший горячим деревом предбанник. Торопливо поскидав с себя одежду на потемневшую от старости лавку прошлёпал босыми ногами по приятно поскрипывающим половицам в парилку.

– Бабы как будто совсем не мылись: и вода вся целая, нарасходованная, и каменка раскалённая докрасна, как была так и есть, – проговорил Андрей услышав как за спиной скрипнула открываясь дверь, не оборачиваясь наливая кипяток в стоящий на полу таз, запаривая лежащие в нём веники, – ну и ладно, не захотели они как следует, зато нам весь

пар достанется, – весело оглянулся через плечо на вошедшего в парилку родного дядю соскучившийся по родному дому "ребёнок", – сейчас как напа...

Пустой алюминиевый ковшик выпал из рук раззявившего, судорожно глотающего горячий воздух Андрея.

– Это что?! Это что ещё такое?! – обессиленно шлёпнувшись задом на нижнюю ступеньку парильной полки, еле выдавил из себя Андрей выпученными глазами разглядывая уверенно-увесисто висящий между бёдрами дяди Вовы массивный половой член.

– Чего, чего..., – угрюмо пробормотал в ответ присаживаясь рядом с ним пожилой мужик, – то же самое, что и у тебя, – мотнул взглядом на низ живота Андрея, – тебе вон, тоже, по наследству от Юрки, немаленький "агрегат" достался...

– Так не обо мне сейчас разговор! – подскочил и заметался по жаркой бане будущий врач, – я же знаю! Точно знаю, что ЭТО не восстанавливается! Регенерация ЭТОГО – невозможна!

– Я тоже раньше так думал, – тяжело-тяжело вздохнул чудом не сошедший с ума от произошедшего с ним, восстановленный от увечья мужчина.

– Ты главное не психуй, – родственно похлопал по плечу дядя Вова макнувшего голову в бочку с холодной водой, отряхнувшегося как собака и присевшего рядом с ним Андрея, – сначала надо сразу же принять это как данность, как

нормальное дело, спокойно, тогда легче будет. Другой бы мог и умом повредиться, но ты, Андрюша, не из того числа, ты выдержишь. Ты ведь и с кое чем и пострашнее, и чудеснее сталкивался? Верно я говорю? Ну вот! – удовлетворённо усмехнулся на поникшее согласное кивание головы мучительно свыкающегося с невероятным, переваривающего небывальщину сидящего рядом "визави", – а тут то! Всего лишь, "двадцать первый палец" заново вырос!

– Как это случилось? – пристально рассматривая пол весь обратился в слух "без пяти минут доктор".

– Когда мамок похоронили, – неторопливо, обстоятельно начал повествование дядя Вова, – Ларка, категорично так, заявила, хватит мол, сил моих нет одной без тебя жить, и ко мне переехала. Сначала в соседнюю комнату. Потом где-то, через неделю, я ей говорю, пойдём в сельсовет, распишемся что ли, раз уж вроде как муж и жена живём. Сходили, распи-сались, а над нами все подхихикивают, чуть ли не в лицо..., ну да ладно. Тут она мне и заявляет, хочу мол, повенчаться с тобой, мы же оба крещённые, ещё с раннего детства. Ну я то, в церкви до этого ни разу и не был, а она постоянно, потихоньку, в райцентр поедет и шмыг туда. Я всё время над ней посмеивался, "заедал" её, как так можно и комсорг, и парт-орг после, и к попам в белом платочке. А она всегда только улыбалась в ответ и всё. В-общем, уговорила, сходил я с ней на ЭТУ ЦЕРЕМОНИЮ, пришли, вечером так хорошо посидели вдвоем..., ночью я просыпаюсь, чувствую, что как буд-

то, вот-вот обоссусь..., сел на кровати и обомлел! У меня ЭТОТ стоит, как оглобля, из трусов прям вылез. Вскрикнул тут я от страха, себя не помня, а она, Ларка, тут как тут, что мол случилось? В комнату заскочила, свет включила и как в лихоманке её заколотило. Ночнушку на себе разорвала когда её через голову стягивала и прыгнула прям на меня, как собака на долгожданного хозяина. Мне прям показалось, что она этого ждала, уверена была что ЭТО произойдёт. Трое суток мы из постели почти не вылазили, никак "насытиться" друг другом не могли. Теперь она ребёнка ждёт...,

– Что уже?! – ошарашенно вскинулся Андрей.

– Да нет, не беременная пока, но уверена, что так и будет, раз член у меня самовосстановился, чудом, то и дети тоже, чудесным образом..., – вставая и набирая в ковшик кипятка, чтобы поддать на каменку, рассмеялся, – хорошо, что когда я зашёл у тебя ковш пустой был, а то бы ты себе ноги точно ошпарил!

– Только, Андрюха, об этом прошу тебя, никому не говори! Нельзя! – опять пыхтел папиросой сидя в предбаннике красный, распаренный дядя Вова, – и так в деревне всё косо на нас смотрят, что-то подозревают. Раньше посмеивались, а сейчас побаиваться стали, а это гораздо хуже...

– Да ну и хрен на них, – попытался пошутить Андрей.

– Ну-ну, конечно, – иронично усмехнулся в ответ дядя Вова, выдув дым в приоткрытую дверь, – я ведь ОДНО при-

обрёл, а ДРУГОЕ потерял. Ну ты понимаешь о чем я? Чувствуешь это, верно ведь? Вот именно.

– Ну, зато Лариса наверное очень довольна, – попытался успокоить дяду Вову Андрей.

– Ну! Та довольна! Ещё как довольна! Она же, перед отъездом в институт, "проверила" меня, видимо не могла свыкнуться с мыслью что у меня там – ничего нет. Пошёл я её проводить до дома, вечером, после кино, мы до калитки её дошли, уже попрощались, вдруг она резко так развернулась, отчаянно так меня в дереву притиснула, штаны обеими руками, аж пуговицы поотрывались! О обеими руками ТУДА! А я не жив, ни мёртв, все тело как ватное, как парализовало меня всего! А Ларка прижалась ко мне и трясёт её, как будто током бьёт. Потом отшатнулась, постояла раскачиваясь как трава под водой и взвыла. Так страшно, как волчица голодная. И домой побрела, вся поникшая, еле ноги волоча, будто пьяная вдрызг. Думал не вернётся она уже из города, а она нет, приехала и ждала. Говорит, что верила, что так и будет, что вымолит она СВОЁ... Андрей! Наталье, хоть она и жена твоя, про ЭТО тоже не надо бы...

– Само собой! – кивнул головой племянник, – да и зачем ей? Она ведь и про то, что у тебя там ранее ничего не было – не знает, я никогда ей об этом и не рассказывал, так что и про то, что неожиданно появилось тоже ей знать незачем.

– Может всё-таки к нам переедете? – снова переспросил

Андрей дядю Вову покосившись на стоящих в нескольких шагах от них, обнявшихся, и о чем-то неугомонно тараторящих, то хохочущих, то плачущих женщин.

– Нет, Андрюха, – в который раз пожал плечами, как поёжившись от холода дядя Вова, – раз решили в Ленинград, значит туда и поедем, – посмотрев на опять из-за чего-то разревевшихся Наташу и Ларису Николаевну, недовольно крикнул, – ну хватит вам уже! И так сырость как на болоте и вы ещё добавляете..., кикиморы..., две...

Недоумённо посмотревшие на него женщины, выглянув из под ржавого навеса деревенской остановки и поглядев вокруг на сырую, холодную тьму, неизбежно, дуэтом пропели:

– Вовка! Да ну тебя! Нет же никого!

И тут же опять затараторили о чём то, перебивая друг друга и похихикивая.

– Ну надо же как они, снюхались прям, как будто родные всю жизнь, – удивлённо помотал головой дядя Вова, вытряхивая из пачки и закуривая новую папиросину, – накурюсь хоть, пока вы с нами, а то Ларка уже и в этом "зажимает", прям как мамки наши...

– Так почему, а дядь Вов?

– Уезжаем? – понимающе предупредил вопрос Андрея дядя Вова, – нельзя нам здесь оставаться. Всё наперекосьяк пошло. Ларису из партии попёрли и с работы, чувят неладное, деревня же, всё на виду. Со мной тоже все здоровать-

ся практически перестали, шарахаются, стараются держаться подальше..., а в "Питер" надумали, потому что Лариска решила, что именно оттуда ПОМОЩЬ нам пришла, от Иоанна Кронштадтского, святой такой есть, не слышал? – покопился на пожимающего плечами Андрея, – ну, не слышал, так услышишь ещё.

В сыром, холодном воздухе послышалось чахоточное зазывание рейсового "пазика". Подъехавший к остановке, ярко освещённый изнутри автобус битком набитый радостно галдящими бывшими односельчанами, резво развернулся и встал как вкопанный. Как горох посыпавшиеся из распахнувшего двери автобуса люди, увидав кто стоит на остановке, сразу же замолкали и торопливо разбежались в разные стороны.

Еле-еле расставшиеся с родными людьми Андрей и Наталья тряслись в пустом полутёмном автобусе, устало "пожирающем" оставшиеся до райцентра километры.

– Лара такая красавица, – горестно вздохнула прижавшаяся к Андрею, угревшаяся в его объятиях жена, – и такая несчастная. И все из-за твоих бабок противных, которые не разрешали Володе на ней жениться.

– А откуда? – обалдело заморгал глазами Андрей, – с чего это ты?

– А с того! – категорически заявила Наташка, – Вовка тоже хорош, столько времени от неё нос воротил, думал раз сам красавец мужчина, то что-то получше ему! А какого хе-

ра ему ещё надо было?! Лариса и красивая, и работающая, и верная такая, как собака! Какая бы ещё его столько ждать смогла?!

– Действительно, – покрепче притиснул к себе подрагивающую от возмущения женщину Андрей, – и какого ХЕРА ему надо было..., а что? Дядь Вова на самом деле красавец?

– А то! – удивлённо вскинулась Наташка, – не то что ты! И я тоже..., не то что Лариса...

– Так два сапога пара, – робко заговорил Андрей, опасаясь, чувствуя назревающую ссору.

– Вот именно..., ОЙ! – вскрикнула подпрыгнув вместе с автобусом и в испуге обхватив себя руками за живот, – ПОАККУРАТНЕЕ! НЕ ДРОВА ВЕЗЁШЬ!

Притормозивший было и собиравшийся ОТВЕТИТЬ водела, был в пух и прах "разбит" кинувшейся в атаку ЖЕНЩИНОЙ:

– Я так то, между прочим беременная! Сейчас приедем и я сразу позвоню куда следует! Что думаешь, тебе это просто так?! С рук сойдёт?! Ага! Щас! Если надо будет, то и в Москву когда приеду в министерство транспорта напишу! А если и это на тебя не подействует, то у нас сосед по дому кагэбешник, уж он тебя так "раком поставит", что ты пожалеешь, что на свет родился! Понял, КОЗЁЛ?!

– Ну, Натаха, ну и боевая ты у меня! Подруга! – тихонько рассмеялся Андрей, обнимая вновь прижавшуюся к нему жену и посмотрев на втянувшего голову в плечи, робко и ак-

куратно ведущего автобус шофёра.

– Самовозгорание от неисправной электропроводки, или от печки... – мямлил, пряча бегающий взгляд, немолодой прокурор, мотаясь туда-сюда перед своим рабочим столом, – они видимо угорели и поэтому, пока соседи тревогу подняли, да пока пожарные приехали...

– Тушить пожар то, ни те, ни эти особо то на старались, – угрюмо перебил неторопливо и внимательно разглядывающий листы перелистываемого им дела дядя Валера.

– Ну почему же, – робко попытался возразить насмерть перепуганный тыкнутыми ему в лицо "красными корочками" районный прокурор.

– Присядь, не мельтеши, – повелительно махнул рукой не отрывающийся от чтения Сильный Мира Сего.

– Значит так, – почесал недельную щетину на подбородке полковник спецотдела КГБ СССР, – дело это у вас Комитет изымает, – достав из портфеля бланк, заполнив его и приложив печать, положил его поверх серой канцелярской папки, – там указано, – постучал ногтем по бланку, – звание, имя-фамилия и номер служебного удостоверения курьера, который за ним прибудет. А пока храните у себя в строгой секретности. На этом пока всё. Пошли, Андрей, – вставая потянул за рукав понуро-равнодушно сидящего сзади, за спиной, понёсшего невосполнимую утрату "воспитанника".

– Пиздит он конечно, – устало смотрел дядя Валера на то, как за окнами зала ожидания сыплет мелкий, холодный ещё, весенний дождик, – ничего они толком не расследовали. По быстрому, за неделю дело закрыли, "по-тихому слить" всё хотели. Не получится. Кое-кому ответить за это придётся.

– Ты думаешь, дядь Валера – что это именно то?!

– Это! Это! Это самое, Андрюша, – уверенно покивал головой "полкан".

– И что теперь? Эксгумацию будешь делать? – неуверенно пробормотал начинающий врач.

– Зачем? – пожал плечами "спец по нечисти", – мне и так всё понятно. Да и сведения есть, из проверенных источников: кто, когда и зачем... эх, Вовка, Вовка! Как же мне тебя не хватать будет! Ну ничего. Они мне за ЭТО ответят. По полной программе ответят.

– Ты думаешь?! – охнул от ужаса осознаваемого Андрей.

– А то! – яростно выдохнул "выходящий на тропу войны", – они же пытали их. Обоих. Мучали, прежде чем. Хотели на "свою сторону" перетянуть.

– Зачем? Ведь это бесполезно.

– Да не они им нужны были, это ясно как дважды два. Им те двое, мальчик и девочка, близнецы, которые уже в Ларисе тогда, они им нужны были.

– Ох, – не выдержав очередного удара упал лицом в ладони и зарыдал Андрей.

– Ну, ну! Ты это! Давай держись, Андрюха, – обнял и прижал к себе плачущего молодого отца Вечный Бобыль, – смотри, чуть очки свои не разбил, – поднимая с пола страшненькие "окуляры" и протирая их носовым платком, – запасные то есть? – спросил сунув платок в руку успокаивающемуся, перестающему всхлипывать Андрею.

– Да! Конечно! – закивал головой "усыновлённый", – я ж без запасных из дома не выхожу, как ещё ты приучил когда то.

– Ну и правильно, давай, Андрюха, прощаться, скоро твой поезд.

– А ты сейчас куда?

– Здесь ещё на сутки задержусь. Местную "наводчицу" прибью и завтра во Владикавказ. Там возьму то, что мне для ДЕЛА нужно и помощников человека три..., хотя если Славка там будет, то и не надо, вдвоём справимся..., хотя вряд ли он успеет, я когда из Венесуэлы сюда улетал, ему еще дел там было "разгрести и разгрести". Ну да ладно, если что, то сам.

– А сам куда?

– Куда, куда..., в западную Польшу..., там и исполнители, и заказчики..., ладно, короче, всё, Андрюха, много будешь знать – скоро состаришься.

– А это ещё, – обнявшись и задержав собирающегося уходить дядю Валеру спросил Андрей, – ты же наверное знаешь, раз именно этими "аномалиями" в Комитете занимаешься.

– Что именно?

– Лариса и дядь Вова были уверены, что у дядь Вовы ЭТО произошло, оттого, что им какой то Иоанн Кронштадтский помог. О чём это? А? Почему?

– Понимаешь, Андрей, есть такой святой Иоанн...

– Что значит есть? – оторопел Андрей, – он же давно умер!

– Во-первых, никогда не перебивай старших! Сколько уже можно тебе повторять? Во-вторых, насчёт того кто умер, а кто нет, мы с тобой потом, в другой раз поговорим. Так вот, он со своей женой жил взяв на себя обет девственности. Но она этот обет понести не смогла, не выдержала, умом повредила и начала подозревать его, ревновала страшно. А он, перед революцией очень известен в России стал, вся страна на него молилась. И в то же время, даже находясь, так сказать "на пике" своей популярности, этот батюшка никем не гнушался, даже самому распоследнему мерзавцу готов был помочь. На этом она и "сыграла". Якобы по её просьбе, его на одну квартиру заманили и там все гениталии..., в ключья короче. А он их всех простил, никак никому не отомстил, ничего полиции не рассказал, не заявил на них. Так что, "беда" Вовкина, ему, то есть Иоанну, не понаслышке известна была. Поэтому, всё возможно. Хочешь верь – хочешь не верь.

АГОНИЯ

"Бегайте блудодеяния: всяк (бо) грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть: а блудяй во свое тело согрешает.

Или не весте, яко телеса ваша храм живущаго в вас свя-
таго духа суть, егоже имате от Бога, и несте свои?

куплени бо есте ценою. Прославите убо Бога в телесех ва-
ших и в душах ваших, яже суть Божия"

(Апостола Павла; 1-е коринфянам; гл.6; ст.18-20)

– Непонимаю, – отрицательно покачал головой главврач.

– Что Вы не понимаете? – иронично хихикнул "товарищ
из министерства", – это я не понимаю, как вы могли принять
на работу и допустить в операционную такого субъекта.

– Он пришёл к нам по распределению из института, кото-
рый окончил с отличием! – горячо заторопился главврач, –
на работе показал себя с самой лучшей стороны. Да он, если
хотите знать – хирург от Бога!

– Да-да, ага, ну-ну, – снова захихикал одетый в дорогой
английский костюм "высокий начальник", – а вот это лич-
ное дело, говорит о обратном, о том, что способности его
– это склонности неадекватного человека. Или Вы не дове-
ряете этим сведениям? – ткнул незванный гость костлявым
пальцем в лежащую перед главврачом папку.

– Что значит не доверяю? – испуганно попёр на попят-
ную главврач, понимающий что значит иметь дело с психи-
атрией ТАКОГО УРОВНЯ, – я только одного не могу взять в
толк, как же Андрей Юрьевич тогда при поступлении в ме-
дицинский институт медкомиссию прошёл, если он на ТА-
КОМ учёте состоял?

– А вот этим вопросом МЫ сейчас и занимаемся, – решительно притянул к себе папку с оригиналами документов посетитель, – а ваше дело сейчас, исправить свою ошибку. И всё. Остальное мы сами сделаем. Вот Вам копии всех документов по его делу.

– Уволить его? – вскинулся главврач, – а как? По какой статье?

– Лучше всего, – повелел вставая и прощаясь с подбострастного кланяющимся главврачом "товарищ из министерства", – дать ему понять, что он должен уволиться по собственному желанию, что так будет правильнее всего и для него тоже.

– Ты?! – недоумённо-ошарашенно выпялился Андрей на шагнувшего назад в приёмную шикарно разодетого "клоуна", которого он чуть нё сшиб несясь со всех ног, раздражённый тем, что его оторвали от подготовки к сложнейшей операции.

– Собственной персоной-с, – хихикнул в ответ "товарищ из министерства" посторонясь и приглашающим жестом, как антрепренёр указывая Андрею на дверь кабинета главврача, – прошу, Андрей Юрьевич, Вас там ждут.

– Волосы у тебя что? Выросли или это парик? – близоручко прищурился Андрей делая шаг к попятившемуся от него "клоуну".

– А какая тебе разница? Проверить хочешь? – испуганно зашепелявил Вечный Жид, – э-ей! РУКИ НЕ РАСПУСКАЙ!

– Что значит – "не распускай"?! – подрагивая от праведного гнева переспросил Андрей, – я ведь тебе не только ЭТО, но и В ГЛАЗ МОГУ ДАТЬ!

– Андрей Юрьевич!!! – отчаянно взвизгнула, с раскрытым ртом наблюдающая за ними, бабулька секретарша.

– В самом деле, что это с Вами? – тут как тут высунулся в дверь главврач, – Андрей Юрьевич, что Вы себе позволяете? Идите-идите, не бойтесь, не тронет он Вас, – уверил бочком притискивающегося на выход "высокого гостя", – не сможет...

– Сможет-сможет, – перебивая удивлённо захлопавшего глазами главврача захихикал "клоун", – ещё как сможет, потому и держусь от него подальше, потому что, только он и сможет, – донеслось из-за закрывающейся двери.

– Куда?! – цепко ухватил за рукав, рванувшегося было к только что захлопнувшейся двери Андрея, Главврач, – да что с Вами такое?! Учтите – я ведь могу и охрану вызвать!

– Эх..., – уныло вздохнул покорившийся неизбежному Андрей, – ничего Вы не понимаете, Егор Викентьевич..., ладно, пойдёмте поговорим, чего уж теперь...

– Так как это все-таки получилось? А, Андрей Юрьевич? – жалостливо пропищал, незлой в-общем то, пожилой и опытный администратор, наблюдая как сидящий напротив него, подающий блестящие надежды хирург пишет заявление об увольнении.

– Да как, как..., да как всегда и всё у нас – "каком квер-

ху", – пожав плечами ответил Андрей, внимательно прочитавший перед этим СВОЁ ДЕЛО, и без лишних слов попросивший бумагу и ручку, – я уж даже и забыл почти про ВСЁ ЭТО, как будто и не было совсем. Пришёл тогда на очередной приём, в регистратуру, а они не могут мою историю болезни найти. Говорю, спросите у Альбины Петровны, заявляют, что нет такой. Начали выяснять, оказывается в Израиль уехала. Ну, с потерей истории болезни – дело обычное, их у нас то и дело теряют, завели новую. Пошел на приём. "Псих" со мной битый час и так, и сяк. Потом осерчал, кричит, кто тебя на учёт ставил, что за ..., в-общем, признали нормальным и потом всё как у всех. Обычная жизнь.

– А я вот, хоть и не "спец по мозгам", – отрешенно проговорил глядя в окно главврач, – но только что, наблюдал, что ты, Андрюша, не – обычный человек..., поэтому, держись как ты от медицины подальше. Хотя! – огорченно стукнув обоими кулаками по столу и круча набыченной головой, – такой ТАЛАНТ!!! такой талант пропадёт!

Бесцельно посидев в ординаторской, из которой от него как от зачумленного разбежались все коллеги, Андрей переделся и побрёл домой. Пешком. Через "пришибленный", какой-то омертвевший от происходящей с государством Перестройки Город. Завернув на заплетающихся от почти четырёхчасовой "прогулки" уставших до изнеможения ногам в свой двор и увидав стоящие у своего подъезда машины, ка-

ким-то звериным чутьём почуял неладное. Стоящие спереди и сзади чёрной-чёрной иностранной машины и приткнувшегося сзади армейского "уазика-буханки", одетые в новенький камуфляж автоматчики непрерывно, пристально осматривали не только двор, но и крыши близстоящих домов и поглядывали на хмурое, готовое разразиться снегом небо.

"Наверх то, чего они пялятся?", – спросил сам себя Андрей, обессиленно шлёпнувшись задом на скамейку детской площадки, – кого они оттуда ждут? Кто на них оттуда? "Волшебник на голубом вертолёте" прилетит? Ой!!!" – вскинулся и напрягся весь, не вставая с мокрого деревянного сидалища, – да как же это так-то?!"

Вслед за выскользнувшим в открывшуюся дверь подъезда, какого-то, здоровенного как шкаф, дядьки с разбойничьим взглядом, по армейски одетые парни, под локотки, вывели иронично улыбающегося дядю Валеру. Быстро окинув взглядом двор, "приёмный отец" чуть заметно кивнул сидящему раскрыв рот Андрею. Неудивлённо. Как будто он и ожидал его увидеть здесь и сейчас. Проследивший за его действиями "шкаф" пристально уставился в ту сторону где сидел Андрей.

"Он меня не видит!!!" – весь похолодевший и как закаменевший подумал Андрей, – да как?! Как такое возможно?!"

"Разбойник" побегав взглядом по детской площадке толкнул локтем стоящего рядом с ним автоматчика и ткнув пальцем прямо в Андрея, что-то ему сказал. Парень, пошарив

ничего не видящими глазами, пожал плечами и отрицательно помотал головой.

Раздражённо порывкивающий "шкаф" повернулся к дяде Валере и мотнул башкой в сторону "в хлам" тонированного мерседеса. Переставший улыбаться, строго выправившийся "полкан", ответил так ВЕСКО, что "шкаф" как-то "сдулся" и стал как будто ниже ростом, вновь иронично заулыбавшегося дяди Валеры, который пошёл в сторону "гостеприимно" распахнувшего задние двери "уазика".

– Андрей! Это ты? Чего так рано? – послышался из бывшего "кабинета" Юрия Венедиктовича раздражённый голос Натальи. Выскочившая на звук открывшейся и захлопнувшейся двери жена, с ходу заорала в спину разубаивающегося мужа:

– Продукты купил? Андрей! Ну ты пиздец какой-то! Я же тебя утром просила! Ну когда мне сейчас в магазин переться?! У меня отчёт квартальный ещё "конь не валялся"! Специально с работы домой отпросилась чтобы никто не мешал, и чтобы спокойно, а тут ты ещё... – мгновенно осеклась увидав лицо повернувшегося к ней супруга.

– Наплюй! Наплюй, я тебе говорю! – как пчела жужжала Наталья метаясь вокруг понуро сидящего на кухонной табуретке Андрея, – ну её нахер эту медицину! Не платят же ничего! Чего убиваться за три копейки? И вообще, какая хирургия с твоим зрением? Совсем ослепнуть хочешь? А мы?

Мы как? О нас с Надюшей ты подумал? – прильнув к его спине и чмокая в затылок, – неприятно это всё конечно, но не смертельно. Мы это переживём. Вот только дядю Валеру жалко. Ты точно уверен, что его арестовали, а не сопровождали? В наручниках был? Ну тогда конечно..., ну да ничего, может всё и обойдётся. Сейчас везде с этой "американизацией" бардак такой, – подумав и подышав в затылок мужа, решительно "приговорила", – я сейчас сама за продуктами метнусь, но только ужин потом, сначала отчёт доделаю. А потом мы с тобой посидим вдвоём, у меня бутылочка есть, давно припрятанная.

– А как же?

– А Надя у бабушки побудет, – решительно заявила Наталья, выходя в прихожую с телефону.

– Привет, – как всегда хамовито поздоровалась с постоянно "промывающей мозги" тещей, "непутёвая дочь", не сумевшая найти себе "нормального, хорошо зарабатывающего мужика, а не придурка, который только и делает, что в вонючих кишках ковыряется", – Надюшу заberi сегодня с садика и завтра не отводи, пусть поспит у тебя подольше, а я где-нибудь в обед её заберу. Всё! Не ори на меня! У меня отчёт! Завтра утром сдам и никто тебя ни о чём больше просить не будет! – завершила с грохотом бросая трубку на аппарат.

– Уффф! – тяжело вздохнула заходя на кухню и приглаживая жирные всклокоченные волосы, – ну дал же Бог мамулю..., иди, Андрюша, не майся, душ прими и приляг, а я,

когда всё закончу, тебя разбуду.

– Андрюша, а Андрюша, – как сквозь какой-то полубред услышал не чувствующий своего тела, какой-то невесомо-пустой мужчины охрипший от безумной ночи женский голос.

"Опять! Опять она сейчас об этом начнёт!" – испуганно, в предчувствии сжалось сердце Андрея, – "ну как всегда, начинается все вроде бы хорошо, а потом вот ЭТО!"

Наталья разбудила его почти в полночь. Как то застенчиво, как невинная невеста улыбаясь, растормошила его и потащила на аппетитно пахнущую кухню:

– Всё! Слава Богу отчёт добила, завтра со спокойной совестью, – тормоша влажные, чистые волосы, похвалилась, – как прям с бою я его, как стреляла этими цифрами. Потом картошечку вот пожарила и грибочки. И даже помыться успела. Эх, салца солёенького нет, – притворно сожалея вздохнула вытаскивая из морозилки бутылку водки, – но зато есть огурчики! Бабушкины!

– На новый год вроде хотели? – неуверенно похлопал заспанными глазами Андрей.

– А! До нового года я ещё банку у бабушки "выцыганю"! Наливай!

Потом было, как всегда в таких случаях, горячечно лихорадочное сплетение потных тел, "агонизирующие" стоны и обессиленное успокоение. Ненадолго. А потом всё по новой, но уже с "затишающей амплитудой". И вот опять.

– Ну да что же ты, Наташенька, ну?! – обхватив ладонями лицо жены Андрей пристально всмотрелся в умоляющие его чёрные, невидимые в предрассветных сумерках глаза, – зачем ты меня опять об этом просишь, я же сказал тебе нет. Нет и всё! Всё что угодно, но только не ЭТО! Ведь запросто можно потерять контроль и что тогда? Ты в морг, а я в тюрьму? И зачем я тебе тогда об этом рассказал? – в стотысячный раз проклял сам себя врач, услышавший среди своих, и пересказавший жене, историю о двух незадачливых любовных экспериментаторах, – что ж ты у меня такая ненасытная? Мне иногда даже кажется, ты не меня, а мой хуй только любишь.

Сразу расплакавшаяся Наташка, свернувшись калачиком и отвернувшись зашипела как кошка, отбрасывая покаянно ласкающие ее руки Андрея:

– Пошёл нахер, дурак, ненавижу тебя, зачем я только за тебя замуж вышла, дура проклятая...

Потом, как всегда успокоившись от Нежности ласкающих её мужских рук, судорожно, в первый раз за их недолгую супружескую жизнь, схватив и поцеловав ладони Андрея, со вздохом призналась совсем ошалевшему от происходящего мужу:

– Я люблю тебя, Андрюша, правда люблю, всего люблю, а не только твой "огурчик". Руки твои люблю, они у тебя прям волшебные. И ненасытная я, в этом ты прав, ненасытная, бешенная на это дело. Сама себя временами пугаюсь –

какие мысли в голову приходят. Гоню их, гоню, а они лезут и лезут. Прости меня! Как подумаю, что если б не ты, а другой, не умеющий меня удовлетворить, был моим мужем, так совсем страшно становится, потому что блядовала бы я от него, точно блядовала, не удержалась бы. А с тобой мне само нормально. Твой "агрегат" он прям по мне. Да и я тоже, хоть и рожей не вышла, но тело у меня самый сок, самый смак! Верно ведь? Я же это и сама и вижу, и чувствую! Вот то-то же, – ласково приникая к вновь возбуждающемуся мужчине.

«Бабы любят чубчик кучерявый,
Всюду бабы падки до кудрей,
Как увидят чубчик кучерявый,
Замурлычат ласковой, добрей.
Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
А ты не вейся на ветру.
А карман, карман ты мой дырявый,
А ты не нра-, не нравишься вору.
Где достать мне пару миллионов,
Я бы все их бабам раздарил,
Эх, ты чубчик, чубчик кучерявый,
Ах, зачем меня ты разорил.
Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
А ты не вейся на ветру.
А карман, карман ты мой дырявый,
А ты не нра-, не нравишься вору.

Но однажды женские кудряшки
Так вскружили голову мою,
Что ночами снились мне барашки,
И с тех пор пою я, и пою.
Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
А ты не вейся на ветру.
А карман, карман ты мой дырявый,
А ты не нра-, не нравишься вору.
Но недолго чубчик и кудряшки
Миловались с ночи до утра,
Подвела дыра моя в кармане,
Подвела карманная дыра.
Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
А ты не вейся на ветру.
А карман, карман ты мой дырявый,
А ты не нра-, не нравишься вору.
Мне кудряшки подлю изменили,
Соблазнились лысой головой,
Там карманы золотом звонили,
А мои по-прежнему с дырой.
Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
А ты не вейся на ветру.
А карман, карман ты мой дырявый,
А ты не нра-, не нравишься вору.
Дай-дай-дай
Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,

А ты не вейся на ветру.

А карман, карман ты мой дырявый,

А ты не нра-, не нравишься вору»

(Вилли Токарев)

– Андрей, бабушка узнала через знакомых, что новая фирма по торговле медицинским оборудованием открывается, – торопливо тараторила Наташка, собираясь на работу, – но они там, только по рекомендациям, проверенных берут. Короче, только для своих. Я сама туда хотела, но бухгалтера они уже взяли. А вот им ещё консультант с медицинским образованием нужен. Там, как бабушка говорит, конечно "горе-врачи" толпами, но всё никак, никто собеседование не проходит. Так что ты, когда Надюшу отведёшь, попробуй сходи..., ну чего ты плечами пожимаешь?! Что всё на моём горбу что-ли?! Или как?!

– Да схожу, схожу. Чего ты орёшь так? Сразу...

– Ладно. Всё. Не обижайся, – чмокая стоящих на выходе Мужа и Дочь примирительно прочастила Наталья, – сходи, там адрес, – сунула в руку скомканную бумажку, – чем чёрт не шутит, может и повезёт тебе? Всё лучше, чем к таджикам на стройку...

"Совместная российско-израильская компания", – прочитал Андрей на висящей перед входом на второй этаж, приличной дорогой табличке, и, попятился было на выход, – "че-

го мне там делать? Всё рано же не возьмут..., а Натахе? Натахе я чего скажу? Она же меня сразу "расколет"! Поймёт, что я никуда не заходил и ни с кем не говорил..., эх, была, не была!"

Отсидев почти двухчасовую очередь Андрей робко всунулся в Грозный Кабинет:

– Можно? Альбина Петровна?! – обессиленно шлёпнулся полный молодой Пациент на новенький офисный стул, – Вы, по ходу, именно меня здесь ждали?

– Здравствуй, Андрюша, – спокойно пожала плечами пожилая рыжеватая женщина, Известный Мозгоправ, – ну, кто знает? Может и тебя. Давай свои документы.

Отработавший первые два месяца, прошедший "обучение" и "сгонявший" в пару командировок Андрей Юрьевич, получив прямо из прелестных ручек Марины Николаевны, главного бухгалтера, "круто" разворачивающей свою деятельность, фирмы, три пачки крупнейших купюр, рванул прямо среди рабочего дня домой.

"Наташка на седьмом небе сейчас будет от счастья!" – сладко холодело где-то внутри, между грудью и животом, сосало под ложечкой у счастливого Отца Семейства.

Резко рванув входную дверь и влетев в квартиру, Андрей споткнувшись о небрежно брошенные посреди прихожки Наташкины сапоги встал как вкопанный.

"А почему она дома? Аааа!", – почесал в затылке "дурац-

кий дурак", – "она же почти всю ночь с отчётом сидела, вроде бы говорила, что утром сдаст его у себя на фирме и придет отдохнуть."

Потихонечку затворив за собой дверь, разувшись, аккуратно поставил свои и Наташкины сапоги, снял верхнюю одежду и на цыпочках прошёл в отцовский "кабинет". Положив деньги поверх Наташкиных бухгалтерских бумаг, "вот она обрадуется, когда проснётся!", также на цыпочках вышел в коридор и ОБМЕР. Из-за плотно закрытой двери супружеской спальни, еле слышно доносились ХОРОШО-НЕХОРОШО знакомые звуки. Подкравшись к "святая-святых", Андрей тихо-тихо приотворил дверь. Происходившее за ней воспринималось как сон, как фильм в кино-театре, или точнее, как порнуха по видео. Сначала Рогатый Муж увидел с детства знакомую татуировку на плече крепкого невысокого мужчины. Сидевший на краю кровати, абсолютно голый дядя Валера, то слегка придушивая, то отпуская держал за шею бьющуюся в нескончаемом оргазме Наташку, хлюпающую соплями, слюной и "спермой" извергающейся из "детородного органа". Чуть не упавший в обморок Обманутый Мужчина, также тихо-тихо затворил сначала спальную дверь, а затем входную и вышел. Выйдя во двор и посидев неизвестно сколько времени на той же самой, детской скамейке, достал из портфеля увесистый "кирпич" сотового телефона и позвонил.

– Да! Конечно, Андрей Юрьевич! – совершенно не удиви-

лась его просьбе Генеральный Директор, – я и сама хотела сказать, что Вам необходимо немного отдохнуть. Уж больно много Вы сразу на себя взвалили.

– Андрей! Ты где? Что происходит? – послышался дрожащий от ПРЕДЧУВСТВИЯ голос Натальи, когда Андрей, уже поздно вечером, всё-таки пришёл на жд-остановку и набрал домашний номер на полуразбитом таксофоне.

– Я на даче.

– А что? Зачем? – всхлипнула начинающая всё понимать Женщина.

– Ты деньги видела?

– Да! Конечно! Но это! Подожди! Андрей! Я тебе всё объясню!

– Угомонись, – хрипло "осадил" пытающуюся "взять разгон" Блудливую Кобылу Андрей Юрьевич, – ты в прихожей стоишь? Ну-ну..., повернись к зеркалу и посмотри на свою шею..., видишь?..., сможешь мне объяснить ЭТО?

– Андрей! Андрей! Андрей! – отчаянно разрыдалась Наталья, – это не ТО, это совсем не то о чём ты думаешь! Я так устала, так устала! В обед пришла, еле-еле, кусок в горло не лезет, полстакана виски выпила и "вырубил" меня! Проснулась от того, что ОН в дверь "ломится", вышла открыла! Я и подумать не могла!

– Зачем?

– "В дверь ломится" – зачем?!

– Ключи, ключи от своей квартиры хотел забрать...

– Не верю я тебе. Он никогда, слышишь – НИКОГДА!, ключи от своей квартиры, никому не оставлял! Потому что, у него там не квартира, а оружейный склад! И самое главное, ответь мне, сколько раз ты именно об ЭТОМ ты меня просила?

– Нет!!! Андрей!!! Нет!!! Это не я!!! Прости меня! Прости! НЕ БРОСАЙ меня! Я без тебя ПРОПАДУ!

– Не пропадёшь, – холодно-высокомерно "отрезал" Андрей Юрьевич, – с твоими ТАЛАНТАМИ, не пропадёшь..., да и мама и тебя есть, и бабушка...

– А ТЫ?!

– За меня-с, не извольте-с, беспокоиться-с.

– Что ты хочешь?..., Надю? Надюшу не заберёшь?

– Нет конечно! Какой из меня воспитатель для девочки?

– Хорошо, Андрюша, дня через два или три мы к маме переедем. Ключи от квартиры я бабушке передам, ты же там рядом, заберёшь у неё...

– Не надо! – раздражённо перебил Хозяин, – себе оставь, а у меня свои есть.

– Как скажешь, ЛЮБИМЫЙ...

– Да хватит уже! – вешая на рычаг таксофона, Падающий в Бездну яростно дернул вниз "рожки" держащие телефонную трубку вешая ее НА МЕСТО так – как сливают воду в допотопном, "древнем" унитазе.

– Вивальди "Времена года", – со знанием причмокнул Андрей Юрьевич, отняв от губ наполненный красным вином бокал.

– Ааа? – пленительно изогнулись к нему сидящие по правую и левую руку Коммерческий Директор и Главный Бухгалтер, "прекрасная полячка" – Ольга Леонидовна и "восточная красавица" – Марина Николаевна.

– Музыка! – ткнул оттопыренным мизинцем в сторону тихонько пиликающего струнного квартета Новый Генеральный Директор, полгода уж как сменивший вернувшуюся в Израиль Альбину Петровну.

– Андрей! – как "более решительная" снова заговорила, вернулась к ТЕМЕ, Ольга Леонидовна, – ну сколько уже ты будешь нас "мурыжить". Ну ты уже определись в конце то концов!

"Дошли девки "до кипения", довёл я их бесплодными ухаживаниями, а что делать? Как из этих двух "конфеток" выбрать ту которая "слаще"? А? А может совсем? Может совсем никак? Точно!"

– В-общем, "девочки мои", поскольку не могу, ну не могу я выбрать одну из вас, потому что – обидно, обидно будет – потерять другую, то наверное лучше, правильнее будет оставить всё как есть – ТОЛЬКО БИЗНЕС И НИЧЕГО ЛИЧНОГО и сегодня, так скажем, наш "прощальный вечер".

Прелестные девицы испуганно переглянулись и схватившись за руки прыгнули из-за стола:

– Мы ненадолго..., "носик попудрить", ну и ещё "кое-чего", – прошептали страстным "спевшимся дуэтом" и то ли "уплыли", то ли "уползли" в сторону женского туалета.

"Сейчас переругаются там", – иронично усмехнулся внутри себя Андрей, вспомнив офисные "баталии" между постоянно "тянущими одеяло на себя" бизнес-вуменами, – "разсрутся вдрызг, как всегда, и отсюда убегут, прямо из толчка, сумочки то с собой забрали..., да ну и ХЕР НА НИХ, обоих".

Они вернулись где-то через полчаса, обе еле-еле сдерживая бурлящее внутри волнение, раздражение и гнев. Повесив сумочки на спинки стульев взяли одна за правую, а вторая за левую, руки Избираемого:

– Андрюша! – сердце мужчины сладко-сладко затрепыхалось от слитного воедино звука голосов "сирен", – мы решили так! Чтобы никому не было ОБИДНО, мы согласны быть с тобой ОБЕ, ОДНОВРЕМЕННО...

Жизнь Андрея превратилась в "восточную сказку". Обе "жены" уезжали на работу когда он ещё спал. Проснувшись около полудня, Андрей Юрьевич "завтракал-обедал", тем что приготовили ему и оставили "заботливые хозяйюшки". Потом неспешно ехал в офис, "проверить" всё ли там в порядке, как будто что-то могло пойти НЕ ТАК, укрыться от неусыпного внимания Боевых Подруг. Потом был ресторан, музей, концерт, опера, балет или "тихий ужин дома" и опять Сладкая Восточная Ночь.

– Я как то читал, что где-то, в Индии вроде как, есть храмы в которых поклоняются фаллосу, – в полудрёме рассказывал как-то Андрей, приткнувшись у него подмышками, липким от пота, истомлённым любовницам, – он, то есть хер этот стоячий, у них на самом Главном Месте там, ну и они, жрицы то есть...

– Это ты к чему сейчас? – полусонно пробормотала куда-то в шею Марина.

– У меня такое чувство, что и вы также...

– Это точно, – звонко рассмеялась повернувшись на спину, откинувшись, Оля, – а что делать? Куда деваться? Если ОН у тебя такой?! НЕВОЗМОЖНО СЛАДКИЙ!

– Да что вы все? Что в НЁМ такого?

– Кто все?! – ревнивыми "кобрами" вскинулись, присели на постели обе Владелицы Несметных Капиталов.

– Да никто сейчас! Никто, успокойтесь! – сразу проснулся от испуга, – раньше было, ещё до вас, а сейчас никого, только вы двое!

– То-то же..., смотри у нас..., – опять сонно забормотали "хозяйюшки" уютно пристраиваясь с одного и другого бока.

"Чуть не прокололся!" – сквозь сон подумал Андрей Юрьевич, вспомнив недавнюю, коротенькую "интрижку на стороне", когда ему "чудом" удалось ускользнуть от Неусыпного Ока.

Беда пришла на третий год их "супружества". Андрею

Юрьевичу пресытившемуся безумным сексом не помогали уже ни возбуждающие, ни алкоголь, ни слабые наркотики. Девки становились всё раздражённее и раздражённее.

– Это ты виновата! – услышал сквозь полуобморочный сон чей-то яростный визг Андрей.

"Надо идти мирить, пока они друг друга не поубивали", – всплыла в голове дурацкая мысль. Еле-еле подняв себя с широченного "траходрома", на трясущихся от слабости ногах, придерживаясь за стены Самец побрёл на звук Неистойой Схватки двух Самок.

– Пошла ты на хуй!!!

– Да я бы пошла, с радостью пошла! Да идти некуда!

– Да хуёв кругом как дров!

– Ты смотри какая умная нашлась! Мне другие хуи и на хуй не нужны! Сама уходи и живи с нищепродом каким-нибудь!

– Ага щас! Нашла дуру! Одну то он конечно! Одну он "легко потянет"!

– Вот именно!

– Вот ты и уходи!

– Ага! Да! Ты значит будешь и при ХЕРЕ и при БАБЛЕ, а я "хуй соси"? Да я тебя!!!

Раскрывшаяся перед стоящим на пороге кухни Андреем картина происходила как в замедленной съёмке, в режиссёрской паузе:

Схватившая со стола пустую бутылку Марина грохнула ею

о стену и тут же полоснула отбитым горлышком, по шее, втыкающую ей в живот здоровенный кухонный нож Олю...

– Как же так, Андрюха? Как же так не усмотрел я опять за тобой? – обречённо рассматривал стол в комнате для свиданий дядя Валера, – давай, Дорогой Мой, рассказывай по порядку как всё было...

– Мало чего можно сделать, – говорил он же, и там же, на следующий день, – во-первых, чтобы ты об этом даже и думать забыл, когда ты "меня" с Наташкой в спальне "застукал" я в Закавказье был, мне тогда никак, даже и близко к Городу нельзя было подобраться..., тут тогда "америкосы" и "жидоносы" такое! Такую "разборку" устроили, похлеще чем нечисть в "муромских лесах". Сейчас то, я и то, еле-еле смог к тебе пробиться, по Старым Связям. В-общем так! Отсидеть тебе придётся лет десять или пятнадцать, это уж как повезёт...

– Дядь Валера, – весь омертвевший, одеревеневший внутри еле выдавил из себя Андрей, – а ты откуда это знаешь?

– ОТТУДА, Андрюша, оттуда, – помял-почесал измученную скорбными думами голову Охотник за Нечистой, – ты же знаешь и понимаешь кто я, и чем занимаюсь. Сейчас нам всем в "подполье" пришлось уйти, но мы ещё вернёмся. Всё это длится, происходит всю историю человечества. Кстати, раз и навсегда, на будущее тебе так сказать. Запомни, что никакого ни прошлого, ни настоящего, ни будущего – нет

и быть не может. Всё что могло произойти, уже произошло и происходит. Выдумка о "течении времени" Величайший Обман, при помощи которого дьявол манипулирует людьми, убеждая их в том, что они ЕСТЬ – только ЗДЕСЬ И СЕЙ-ЧАС. На самом деле всё земное творение живо от начала и до конца. Это мы, наше сегодняшнее самосознание движется в нём, как пробирающаяся через дремучий Муромский лес инвалидная мотоколяска со слепым и глухим водителем. И всё человечество является живым и живущим, на всём протяжении Человеческой Истории, в любой точке пространства и времени. Наше Величайшее Благо, Андрюша, состоит в том, что находясь в любой точке пространства и времени, мы не способны изменить своего прошлого, и способны видеть своё будущее лишь в виде интуитивных предположений...

Я надеюсь, очень надеюсь, что ты не погибнешь окончательно, не перейдёшь на сторону Врагов, которые испокон веков охотятся за такими как ты, за людьми имеющими **ОСОБЫЕ СПОСОБНОСТИ**, заманивая их различными земными дарами, в том числе и продлеваемой иногда и до многосотлетнего срока жизнью. Вот, это тебе, – достал из бокового кармана почтовый конверт и протянул его балансирующему на грани безумия Андрею.

– Что это? – вопросительно уставился на Идущего Терновым Путём наставника Новопризванный, раскрыв конверт и вытряхнув на ладонь деревянный крестик.

– С виду – ничего особенного, просто Распятие, хоть и кипарисовое из Иерусалима. А что делать, серебряное конечно лучше бы, но тебе ничего металлического нельзя сейчас... , Андрюша, ты же помнишь какой я всегда был, на поисках совершенного оружия помешанный? Ни семьи с самого детства не хотел, ни денег, ни... , да вообще ничего! Всё искал, всё изучал, всё исследовал, благо работа соответствовала. И наконец, я нашёл. ТО – что лежит у тебя сейчас на ладони и есть АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ, потому абсолютное, что любое другое может только разрушать, а ЭТО – способно РАЗРУШИТЬ И ВНОВЬ СОЗДАТЬ!

– Какой ещё, в пизду, дознаватель? – раздражённо рыкнул утомлённый навалившимся на него Горем Андрей, – всё же уже! Какие могут быть следователи на пересылке?

– Какие надо – такие и могут! – в тон ему пробурчал заводящий его в решётку конвойный, растёгивая застёгнутые сзади наручники и пристёгивая конвоируемого к столу.

В открывшуюся в противоположной стене дверь вошёл Старый Знакомец в сопровождении молодой стройной блондинки в прокурорской форме.

– Привет, Андрюша! – как шакал закашлял смешком одетый "по следственному" Клоун.

– Нахуй бы ты не пошёл со своим приветом! – огрызнулся в ответ Андрей, боковым зрением видя как впавший в ступор охранник, моргает невидящими ничего зенками, –

классно они у тебя "отдрессированы".

– Ну, дак! Это же "наш хлеб", так сказать...

– Ты это, – криво усмехнулся в ответ "допрашиваемый", – поаккуратнее, я так-то, сейчас При Оружии, – покосился Андрей на лежащий в нагрудном кармане, подаренный дядей Валерой деревянный крестик.

– Ооо! Об этом мы знаем! Знаем! – чуть попятился от него Личный Демон, – ты сейчас **ВООРУЖЁН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН**, потому и две решетки между нами, и в наручниках ты, и всё равно для нас представляешь **СМЕРТЕЛЬНУЮ УГРОЗУ**. Не узнаёте её, Андрей Юрьевич? – потянул за рукав, стоящую позади "помощницу" вытягивая её "из тени на свет".

– А чё ж не узнаю? – хмыкнул в ответ Андрей, – здрасьте Елена Михайловна! А смерть Вам к лицу! То есть, я хотел сказать, форма эта, Вам очень идёт. Хотя в эсэсовской Вы, по любому, ещё "хлеще" смотрелись!

– Schwein! – прошипела в ответ "хелен" и попятилась.

– Ну, точно, дохлятина, – негромко рассмеялся в ответ Разоблачивший.

– Ну, хватит тебе уже, – злобно зашипел Плешивый Змей, – значит, "по хорошему" не хочешь на нашу сторону переходить? А если я тебе всю твою "подноготную выложу"? Осилишь? "Не слетишь с катушек"? А? Ну, вот это мы сейчас и проверим...

ЛЕТАЛЬНЫЙ ИСХОД

– Я хочу уехать, товарищ Шура, уехать очень далеко, в Рио-де-Жанейро.

– У вас там родственники? – спросил Балаганов.

– А что, разве я похож на человека, у которого могут быть родственники?

– Нет, но мне...

– У меня нет родственников, товарищ Шура, – я один на всем свете. Был у меня папа, турецкий подданный, да и тот давно скончался в страшных судорогах. Не в этом дело. Я с детства хочу в Рио-де-Жанейро. Вы, конечно, не знаете о существовании этого города.

Балаганов скорбно покачал головой. Из мировых очагов культуры он, кроме Москвы, знал только Киев, Мелитополь и Жмеринку. И вообще он был убежден, что земля плоская.

Остап бросил на стол лист, вырванный из книги.

– Это вырезка из "Малой советской энциклопедии". Вот тут что написано про Рио-де-Жанейро: "1360 тысяч жителей..." так... "значительное число мулатов... у обширной бухты Атлантического океана..." Вот, вот! "Главные улицы города по богатству магазинов и великолепию зданий не уступают первым городам мира". Представляете себе, Шура? Не уступают! Мулаты, бухта, экспорт кофе, так сказать, кофейный демпинг, чарльстон под названием "У моей девочки есть одна маленькая штучка" и... о чем говорить! Вы сами видите, что происходит. Полтора миллиона человек, и все поголовно в белых штанах."

(Легендарный диалог Остапа Бендера и Шуры Балаганова. Илья Ильф и Евгений Петров "Золотой телёнок")

"Совершил посадку рейс номер ..., из Новосибирска..., к сведению встречающих..., выход пассажиров рейса..., через терминал номер..., заканчивается посадка на рейс..."

Андрей набычившись по приобретённой в неволе привычке неспешно вышел вместе с толпой суетливо семенящих пассажиров из зоны прибытия в гостеприимно распахнувшиеся матово-стеклянные двери. Бросившийся было к нему с нахальной ухмылкой пузатый "бомбило", как ударившись об взгляд только что "откинувшегося из зоны", трусливо завиллял глазёнками и сделав какой-то знак своим "подельникам" прыснул в сторону. Сделав еще с десяток шагов Андрей остановился в стороне от снующих человеческих потоков и исподлобья оглядел зал ожидания в поисках родного лица.

– Приветик, Батяня! – раздался вместе с хлопком по плечу хрипловатый девичий голос.

– Надя? – ошеломленно уставился постаревший и уставший мужик на стоящее рядом "чучело".

Фиолетовый ирокез, стальные железяки в ушах, бровях и носу, кожаные штаны и грязные тяжелые бутсы, из наглухо застёгнутой, чёрной, проклепанной кожаной куртки выглядывала набитая на шее, почти до самой скулы, татуировка.

– Удивлён? – неестественно рассмеялась погибающая дочь, – а чего ты ожидал? Всё течёт, всё изменяется. Я вот то-

же, тебя маленькая помню совсем не боялась, а теперь смотрю и страшно вато. Вот тот мудака, – кивнула на косо поглядывающего на них "бомбилу", – всех "через хуй" здесь кидает, самый главный у них, ни ментов, не братков не боится. А от тебя – как чёрт от ладана! Я смотрела и уссыкалась. Думала он обосрётся на месте..., что ты делаешь? – содрогнулась тельцем и голосом, когда ОТЕЦ обнял и поцеловал её в судорожно стиснувшуюся щёку под которой непрерывно дрожала пульсирующая кровью синяя жилка.

– Ладно тебе..., – выглянули на Андрея поверх круглых синих очков грустные мамины глаза, – что ещё на нежности? "Валим" отсюда, а то ещё эти..., решат что мы..., и "прессанут" ...

– Нет, не посмеют, – спокойно и уверенно ответил Андрей Юрьевич и взяв Родную Дочь за правую руку, повёл её на выход из здания, как выстрелами отбрасывая взглядами, "высовывающихся" то тут, то там бесов, – ты смотри-ка, Господи помилуй, целый "комитет по встрече" ОНИ мне тут подготовили, – пробормотал облегченно вздохнув уже на улице.

– А-а? О чём ты? – недоумённо переспросила Надюша, вся какая-то поникшая и умиротворённая. И тут же увидав махающую им из припаркованной вдалеке машины, такое же несуразное чучело, но только с розовым ирокезом, резко выдернула свою руку из Отцовской Руки:

– Чего ты меня как из детсадовскую?!

– А ты, не больно то и взрослая, – улыбнулся Рождённый

Свыше, смиренно шагая вслед за что-то сердито шипящей в ответ Заблудившейся Женщиной.

– Нет, ну ты не поверишь! – сидящий на заднем сиденье потрёпанной иномарки Андрей мимоходом вслушивался в сорочью трескотню галдящих впереди девушек, – этот мудака, который на нас "наехал", как папаню моего увидел, так чуть не обосрался! Ха-ха-ха! – ненатурально рассмеялась Надя вместе с ещё не верящей, чем-то до сих пор испуганной подругой, – точно тебе говорю! Так что не ссы, он сейчас и про нас, и про номер машины нашей, "точняк" забудет. А не забудет, так ему же и хуже. Батя то мой, там на зоне "крутой" был, всех там "раком ставил"! Верно я говорю? – диким взглядом покосилась на, одним ухом слушающего, Андрея.

– А? – очнулся Андрей Юрьевич от своих дум и воспоминаний, – а, нет, Надя, никого я там, как ты говоришь. Уважали немного – это верно, но не за то, что ты имеешь в виду. И в уважении этом никакой моей заслуги нет и быть не может.

– Ай! Да ладно! – возмущенно махнула унизанной стальными перстнями рукой Надюша, – скромничает, – уверила вопросительно глянувшую на нее подругу, – он тут, в начале девяностых, такие Дела Воротил! Чего думаешь, ему просто так "червонец и пятак впаяли"? Так то "вышка" ему "светила", да, по слухам, деда Валера его "отмазал". Он по ходу и сейчас может бизнес "раскрутить", если захочет. "Подвязки" то, по любому остались. А то как же?! Кто-то же нас с маманей "баблом подогревал", не слабо так, "по крутому"!

– Неа! – чавкнула в ответ непрерывно жующая жвачку подруга, – бандюг сейчас в Городе нема, их всех "в сортире утопили"! Га-га-га...

Огорчённо и обречённо отстранившийся, отключившийся от происходящего Андрей, как очнувшись ото сна пришёл в себя от звука смачного, взасос поцелуя.

– Что ж это вы делаете, а? – с непереносимой сердечной болью спросил, уже давно приготовившийся к уходу в Мир Иной, Православный, неразумных, психически больных "детюшек".

– А что нельзя?! – ядовито зашипела в ответ дочь, – ты сам то, сам, чего натворил? Нас с мамой бросил, когда дурные деньжищи попёрли и с сразу с двумя бабами, одновременно жил. Ёб их во все дырки! А потом убил, то ли с пьяного будуна, то ли с наркотической ломки. А щас праведника из себя корчишь! Всё приехали! С вещами на выход!

Выскочив из машины и лихо выдернув из багажника небольшую сумку Надя стараясь не смотреть на Андрея Юрьевича, то ли сунула, то ли бросила ему её.

– Доченька, – властно схватив за ворот, Отец повернул к себе упрямое, стиснутое молчанием девичье личико, – я хочу чтобы ты знала, – проговорил прямо в пустыми, черепными глазницами смотрящие на него синие стёкла дурацких очков, – что бы ты не сделала – Я ВСЁ РАВНО БУДУ ТЕБЯ ЛЮБИТЬ.

– Заходи, Андрюша, там открыто, – донеслось из-за ново поставленной металлической двери.

– Да уж вижу, – проговорил Андрей Юрьевич заходя в приотворённую дверь, – что ж вы так нараспашку живёте? – улыбнулся встречающей его в коридоре Наталье.

– Нет, конечно! – улыбнулась в ответ сидящая в инвалидной коляске бывшая жена, – времена то сейчас какие! Опасно, не так как раньше. Это просто мама только что ушла к себе, а я её попросила чтобы она не закрывала, потому что тебя она так и не хочет видеть, а мне самой эту новую дверь... – откатившись назад, в кухню, пригласила, – ну что же ты стоишь на пороге? Проходи, гостем будешь.

– Будьте как дома, но не забывайте что вы всё-таки в гостях, – неуклюже пошучивая и разуваясь проговорил Андрей.

– Ну зачем ты так ? – чуть обиженно дрогнул голос тяжело располневшей от болезни и неподвижности Натальи.

– Ладно, прости, прости, – укорил сам себя Андрей, тут же ещё сильнее смутившись от вида сразу тихо расплакавшейся женщины.

– Это ты меня прости, Андрюша.

– За что?

– Да, я ведь потому и попросила тебя сначала к нам захватить, чтобы всё тебе рассказать и про дачу твою, и про то что раньше...

– Не надо, Наташенька, – спокойно и мягко возразил Ан-

дрей присаживаясь напротив бывшей когда Родной ему женщины и ласково разглядывая её.

– Страшная я? Совсем старая страшная и старая стала? – всхлипнула Наталья пристально вглядываясь в глаза бывшего мужа, – а почему не надо? Откуда ты узнал? Кто тебе?

– ОН, то кто тебя тогда на даче покалечил, – уткнувшись взглядом в несвежую клеёнку покрывающую кухонный стол начал повествование Андрей Юрьевич, – когда меня по этапу отправляли, на одном из пересыльных пунктов он ко мне заявился, и всё подробно, "в красках расписал". И про то как ты с бабушкой твоей, покойной, в Могилёв, к ведьме ездила, чтобы кровь твою менструальную заговорить, а потом мне, на своём дне рождения в красное вино, которым вы меня потчевали, подмешать; и о том, как ты надумала сама, самостоятельный новый приворот на меня сделать, и храбрости набравшись на мою родительскую дачу забралась потихоньку и начала там, с зеркалами, чёрными свечами, картами, моими волосами и прочей дребеденью, куролесить; и как ОН тебе тогда явился, и якобы за меня "отомстил", когда ты с перепугу, прямо в окно со второго этажа сиганула, собою стёкла разбив, а потом, "без ног оставшись", землю ногтями скребла пытаясь хоть чуть-чуть от горящего дома отползти...

– Прости меня, Андрюша! Прости! – закрывшая лицо руками Наталья содрогалась от рыданий всем своим рыхлым телом.

– Наташа, да я тебя уже давно простил, – грустно пожалел исстрадавшуюся женщину покалеченный ею мужчина, – с тех пор как узнал обо всём этом, столько времени прошло, пятнадцать лет – приличный срок, чтобы всё хорошо обдумать и успокоиться.

– Ты знаешь, Андрюша, – немного приутихнув, но всё ещё хлюпая носом призналась Наталья, – я ведь в тебя с самого детства влюблена была. Потому и это всё натворила. Боялась я, видела всегда, что я страшненькая. А у тебя такие родители красивые были, и мама, и отец..., как хорошо, что Надюша наша, прям копия твоя мама! Меня, сначала радовало, что ты ни в отца, ни в мать, несуразный и как и я некрасивый растёшь. Думала всё равно мой будешь, никуда не денешься. А потом смотрю, когда мы уже повзрослели, что на тебя, хоть ты и невзрачненький, девки как мухи на мёд! Вот я и "прибздеда". И мама ещё тут, с бабушкой в оба уха "зудели", уведут его у тебя, уведут! У него и покровитель богатый и при власти, и квартира на Котельнической!, и в деревне родственники богатые и бездетные, всё ему одному оставят!..., ну ладно! Всё! – прервала сама себя, – вот ключи от твоей квартиры, поезжай отдохни: с дороги и от нас, всех.

Выехав вслед за ним в прихожую озабоченно-деловито поинтересовалась:

– Что дальше то думаешь?

– Назад, туда откуда приехал вернусь. Мне там сподручнее, а что мне здесь делать? – пожимая плечами ответил Ан-

дрей.

– Квартиру продавать будешь? – робко поинтересовалась Наталья.

– Зачем?хлопотно это. На Надюшу по дарственной перепишу, а дальше вы уже сами, что хотите, то и делаете.

– Андрей! – вновь разрыдалась Наталья, – да как же так? Как же так – мы не смогли – то?!

– Не надо, Наташенька, не надо! Уж как есть, так и есть, на всё Воля Божья.

– Андрей, ты за всё это время, ко мне даже не прикоснулся, брезгуешь?

– Нет! Что ты?! – негромко рассмеялся Андрей, – просто ещё не время, Наташа, ЕЩЁ НЕ ВРЕМЯ.

Повозившись некоторое время с новыми замками, несмотря на "приобретённый уже опыт" весь обмирая и холодея от Предстоящего, Андрей Юрьевич перешагнул через порог "в родное гнездо". Захлопнув за собой дверь и уронив сумку неспешно перекрестился и опустившись на колени забормотал глядя в пол:

– Да Воскреснет Бог...

Проплакав стоя в течении получаса на коленях в прихожей бывшей когда-то родным домом квартире, снял уличную обувь и нашарив в ящике прихожки, СВОИ!, старенькие тапочки, нашмыгнул их и пошаркал внутрь мало-мало отремонтированного, от устроенного им десять лет назад ПОВО-

ИЩА, жилья.

Побродив недолго по дому и осознав, что старенькая тёща, несмотря на "лютую" к нему ненависть, содержала всё в приличном порядке, завернул на кухню:

– Не может быть! – воскликнул не веря своим глазам заглянув в работающий холодильник, – ох, мама-мама, ну Вы прям как всегда, наготовили так, что целую роту накормить можно! А меня и в глаза видеть не желаете..., ну и ладно, сам виноват...

Разогрев и перекусив оставленными "бывшей" тёщей разносолами, помылся и обессиленно упал в свежевывстиранную и отглаженную постель.

"Там будет лето и зима,
Неразделимо и безбрежно,
И рядом с осенью – весна,
Всё оживит дыханьем нежным.
Там пруд речной, родник и море,
Неслитно, нераздельно ждут,
Когда испив земное горе,
Тела забвенью предадут.
Те души, что Отцу служили,
Страдая немощью своей
И перед Небом – ныли, ныли,
Не видя в райский сад дверей.
Не видя, но о нём мечтая,

Томясь греховностью плоти,
В которой, ангел причитает,
Прости нас, Господи, прости!
Здесь – в темноте и мерзкой жиже,
Страдает – тихий Ангел Мой,
Зовёт меня – быть к Богу ближе,
Авось, возьмёт Он – нас домой..."

(Автор)

Андрей, в который раз, стоял во сне у наглухо закрытой двухстворчатой металлической двери, ожидая того самого, что случалось неизменно каждый раз. Сейчас, как всегда, из клубящегося за спиной непроглядного мрака, выпрыгнут то ли, здоровенные как телята волки, то ли, некрупные драконы, и неважно, что будет делать он: останется ли стоять изо всех сил стучась руками и ногами в запертую дверь, или побежит направо, или налево, вдоль уходящей в бесконечность, неизмеримо высокой Белой Стены, они нагонят его и прыгнут на спину. И, в который раз, Андрей проснётся весь мокрый от ужаса, с бешено колотящимся, готовым выпрыгнуть из груди сердцем, и, в который уже раз, пожалеет о том, что проснулся.

– Никуда не побегу, – прошептал сам про себя, во сне, понимая что спит, Андрей, – пусть будет как будет. Не пускают, ну и ладно, что теперь...

Обречённый поднял взгляд, чтобы снова посмотреть на изученную им до малейших подробностей Сказочную Дверь

и...

– О, Господи!!!

Приподнятый, подхваченный Неведомой Силой Андрей вскочил и прыгнул в светящийся всеми цветами радуги, открытый дверной проём. Сзади, за спиной, пахло жаром как из доменной печи. Взыла отсекаемая начисто нечисть.

Андрюша стоял изумлённо разглядывая свои пухленькие ручки, ножки и всё тело одетое в его детскую одежду:

– Ну надо же! – иронично пискнул своим детским голоском и побрёл по дорожке из жёлтого песка.

– Что-то, какой-то он странный, – удивился загребая сандалиями непонятно тяжёлый песок. Нагнувшись и зачерпнув горсть, – ёлки-палки! Так это же золото! Настоящее золото! Ну дела, – высыпав песок обратно на тропинку и отряхнув ладошки, приоткрыв от изумления рот побрёл дальше разглядывая открывающиеся справа, слева и впереди картины.

Он шёл: то по морскому летнему берегу, то по шуршащему золотой листвой осеннему лесу, то по искрящемуся зимней сказкой неведомому городу, то по звенящей птичьими голосами весенней лужайке.

Андрей увидал ЕЁ издалека. Видение со всех ног несущейся к нему, одновременно бегущей и летящей девочки, с развевающимися за спиной, то золотыми, то, вдруг, белокурыми, то каштановыми кудрями; одетой в переливающуюся, радужную вуаль затмило всё вокруг.

– Андрюша!!! – запыхавшись остановилась в шаге от него
МЕЧТА ВСЕЙ ЕГО ЖИЗНИ, – ты всё-таки смог! У тебя получилось!

– Ты! Я знаю тебя! – задохнулся от неизъяснимой нежности Андрей, – ты мой Ангел Хранитель!

– Да.

– И при жизни? Кем ты была на земле? – спросил Андрей, тут же "читая" ответ в светящихся Неизмеримой Любовью глазах, – о нет! – задохнулся от стыда перед НЕЙ, – Ты Святая Е...

– Андрей! – тут же раздался над головой строгий женский голос, – это что ещё такое?! Опять ты хулиганишь? Даже здесь. Знаешь же, что пока сюда окончательно не перешёл, никакой информации вслух! Всё, Девочка Моя, прощайся пока что с ним. Ненадолго. И ты давай, иди уже, Неслух. Дела окончишь ТАМ и ДОМОЙ.

Мальчик и девочка прощаясь и встречаясь потянулись друг к другу, с неведомой сладостностью ощущая как сливаются в Одно Целое их Человеческие тела, клеточка с клеточкой, атом с атомом и, через мгновение, вновь ощутивший боль утраты, оторвавшийся от НЕЁ, Андрей проснулся.

"не льститесь: Бог поругаемь не бывает. Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет:

яко сеяи в плоть свою, от плоти пожнет истление: а сеяи в дух, от духа пожнет живот вечный"

(Апостола Павла к галатам; гл.6; ст.7-8)

– Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй, – проснувшийся Андрей Юрьевич вытер ладонями мокрое от слёз лицо и сев на кровати посмотрел вокруг по-немногу свыкаясь с новой обстановкой.

"Неужели я дома? Даже не верится", – подумалось потерянному было, много лет назад, всё и вся "неудачнику".

Сходя в туалет зашёл в ванную и умылся с удивлением разглядывая в знакомом ещё с детства зеркале, старую, бородатую физиономию.

– Надо же, ещё ходят, – заглянув на кухню посмотрел на тикающие на стене, старенькие китайские часы, – ещё Наташа, когда они только появились покупала. Половина первого..., рановато я вчера спать увалился.

Ощущая себя в полной, абсолютной безопасности в знакомой ещё с детства темноте, побрёл в отцовский "кабинет".

"А зачем я сюда зашёл?", – почесал затылок стоя посреди тёмной, пахнущей нежилой застарелостью комнаты, – "а это что ещё такое?!", – как почуявший добычу охотничий пёс, весь насторожился, подтянулся и взбодрился увидав светящееся зыбким, неровным светом окошко в доме напротив.

– Свечи..., а зачем? Свет что ли отключили? Да нет, фонари же горят, – проговорил подойдя к окну и глянув вниз, на бушующую снаружи непогоду, – что-то не так..., полнолуние ещё, как на грех..., – поднял взор на небо, где в разди-

раемых ветром тучах, то появлялась, то исчезала синяя как покойник луна, – так..., где-то тут у меня было..., – пошарив в стенном шкафу, ниже книжных полок, – надо же! На месте! – вытащил мощный морской бинокль.

"Чего ты? Опять? Ведь для охальничания когда-то его приобрёл, чтобы за соседями подглядывать!"

– Пшёл отсюда! Господи, помилуй! – осенил себя крестом Андрей и вернулся к "наблюдательному пункту".

Даже сквозь мокрые стёкла было понятно, что в слабо освещённой свечным светом комнате напротив, лежат на медицинских каталках две молодые женщины, вокруг которых суется укутанная во всё чёрное фигура.

– Не понятно, мужик или баба, – утишая неровно застывшее сердце выдохнул Андрей, – и они, не понятно, живые или нет..., живые, – уверенно подтвердил сам себе, заметив как суется вокруг тел "маг и звездочёт" манипулирует с телами...

– В-общем, дядь Вале..., ох, простите, отец Никодим! – опомнился Андрей сидящий на крашеной масляной краской лавке рядом с печально рассматривающим свои обшарпанные сапоги иеромонахом.

– Ничё, ничё, Андрюха! – вскинулся Сосед, Приёмный Отец и Наставник. Приобняв его рукой за плечи и слегка встряхнув, как некоторое время назад при долгожданной встрече, обвёл взглядом свою деревенскую келью, как бы

вновь удивляясь тому, что он здесь, и тихо рассмеявшись, – ничего, тебе можно, ты же СВОЙ, да и не ПРИ ИСПОЛНЕНИИ я!

– В-общем, всё действия её или его, были как у медсестры ухаживающей за коматозниками. Хотя, что они там могут делать? – пожал плечами Опытный Врач.

– Точно живые?

– Ну конечно! Трупное окоченение сразу же заметно! – слегка обиделся Андрей Юрьевич.

– Ну и Слава Богу! – повернулся и снова куда-то убежал юркий, толстенький мужичок с длинной седой бородой на румяно-розовой, абсолютно лысой голове.

– Дядь Валер, – озадаченно посмотрел на качающиеся в огороде кусты Андрей, – я помню в детстве градусник разбил и потом пытался ртуть пальцами..., так вот и этот Вячеслав...

– Да уж, – тихо рассмеялся упрятавшийся в подмосковной глуши монах, – Славка он такой!

– А чем я вам не такой? – раздался сзади хитрый голосок, – "спящие красавицы" значит говоришь?

– Я?! – обалдело переспросил Андрей Юрьевич.

– Ну, не я же! – хихикнул в ответ пузатенький старичок и вновь куда-то убежал.

– Андрей, не обращай на него внимания, он всегда такой, но зато, Дело Свое – он "туго знает".

– Дело мастера боится! – подтвердил вывернувшийся из-за угла хаты Вячеслав, несущий в руках чем-то наполненные, опасно гроыхающие рогожные мешки, – сам то с нами? – быстро зыркнул на со вздохом понурившегося, зарекшегося Охотника, – ну нельзя, так нельзя! На нет, как говорится и суда нет! – швырнув загрохотавшие железом мешки в распахнутые задние дверки "уазика" и сложив ладошки ковшиком смиренно подкатился к настоятелю состоящего из трёх насельников монастыря, – Благословите, Батюшка!

– Машина такая же, – задумчиво проговорил качаясь и ёрзая на неудобном переднем сиденье "уазика-буханки" Андрей Юрьевич.

– Что значит такая же? – с ходу, в лоб опроверг предположения Вячеслав, – она самая и есть!

– То есть что? Эта та самая на которой дядю Валеру тогда?! А "мэрс"?!

– А что "мэрс"? ОНИ "налево", а мы "направо"!

– А парни которые?...

– И парни тоже! "Козлы – налево", а "овцы – направо". Вон, парочка из тех, кто тогда Правильный Путь избрал, – ткнул большим пальцем за спину где сидели двое худых, тридцатилетних мужиков, незадолго до этого с плачем сбрившие бороды и переодевшиеся из заплатаанных до невозможности ряс в новенькую униформу дорожных рабочих.

– Васька, – поймал Вячеслав взгляд одного из вскинув-

шегося "по стойке смирно" подчинённых, – когда девок оттуда заберём, доставишь их к Антону Никифоровичу и проведешь там, пока они не адаптируются. Потом ДОМОЙ вернёшься.

– Хорошо, – еле слышно прохрипел в ответ здоровенный мужик у которого вдруг, как у несправедливо обижаемого ребёнка заблестели глаза и задрожал подбородок.

– Не слышу!!! – вдруг яростно рявкнул, весь какой-то ИЗМЕНИВШИЙСЯ Вячеслав.

– Так точно! – опять вскинулся "спецназовец", – слушаюсь, товарищ адмирал!

– Так, хорошо, хорошо! Отлично, – потирал розовенькие ручки перекатывающийся по комнатам Андрюшиной квартиры "живчик", – ну всё, мне всё понятно, можешь быть свободен.

– Аа...

– Никаких ни "А", ни "Б", – безапелляционно прервал тут же зачем то убежавший в другую комнату Адмирал, – тебе здесь делать нечего, – появился вновь как будто ниоткуда, держа в руках какую-то странную штуковину похожую на старый автомобильный домкрат, – давай двигай на вокзал, потом на поезд и к отцу Никодиму. Скажешь ему, что мы за сегодня управимся, послезавтра, если Бог даст, ДОМА будем.

– Слушай, как долго с документами то провозиться пришлось, – сокрушённо выдохнул в телефонную трубку Андрей Юрьевич, – считай больше полугода, всю зиму и весну.

– Ну, а что ты хотел, Андрюша? – послушался в ответ слабый болезненный голос, – это ещё быстро, через агентство. Всё же так запущено было, за все эти годы.

– Ну, зато Слава Богу, теперь всё в порядке и я могу быть свободен, – проговорил улыбаясь и думая о СВОЁМ Андрей.

– Андрюша, а может ты всё-таки останешься? – безнадёжно всхлипнула "на том конце провода" Наташа, – Надюша всё равно с нами, здесь живёт. Еле-еле же её уговорили с тобой к нотариусу сходить. И с мамой ты помирился, вроде как...

Андрей усмехнулся вспомнив, как приходившая ранее всегда только в его отсутствие Теща, начала понемногу приходить именно тогда когда он был дома, чтобы занимаясь домашними делами "с рычанием" гонять его из угла в угол.

– Нет, Наташенька, пора мне.

– Ну как скажешь. Только нас не забывай, мы тебе всегда будем рады.

Тяжёлые пули дальнобойных снайперских винтовок ударили в тело выходящего из подъезда Андрея Юрьевича на перекрёст, из двух противоположных точек.

– Обстрел происходил из двух оборудованных "гнезд", – подрагивающим от волнения голосом докладывал майор фэ-

эсбешник, сидящим напротив него суровому генералу и развалившемуся в сторонке в кресле, какому-то, одетому как экстравагантный эстрадный певец плешивому старику, – одно попадание из СВЛК – 14, и два из М – 200. Потом они, зачем то, затеяли перестрелку между собой, и, видимо поняв бесполезность этого, покинули...

– Охрану поставили? – строго зыркнул на непонятливо опешившего подчинённого генерал.

– Что?

– Труп! Труп в морге охраняется?! – совсем рассвирепел Начальник, – Вы что майор совсем без мозгов? По, не понять кому, ведётся стрельба, как по президенту серьёзного государства, а Вы!

– Ай, да я Вас умоляю! – "запетушился" сидящий в кресле Старый Пидор, – Иван Израилич, Вы же прекрасно понимаете, что тела там уже давно нет, хоть бы там даже батальон охраны стоял. Его надо было сразу же, "тёпленьким" брать, а теперь уже поздно, слишком поздно.

– Так ну это, – подобострастно засеменил виновато поникший Грозный Генерал вслед за идущим на выход Вечным Жидом, – ну кто мог предположить, Товарищ Комиссар, что во-первых, "конкуренты" именно в это же время его "отработать" попытаются; и во-вторых; работяги эти, дорожные рабочие, именно в это время дорогу там перекрыли, ну и соответственно "пробка" такая что через неё ни с "мигалками", никак!

– Вот именно! – донеслось уже из-за двери, – поэтому МЫ всегда "на конях" никуда не успеваем, а ОНИ всегда "пёхом", и всегда, когда ИМ надо, вперёд НАС.

ВЗЛЁТ И НЕСЕНИЕ БОЕВОГО ДЕЖУРСТВА

"Кавалерия всегда опаздывает, вовремя прибывает только пехота".

(Алексей Баженов "Устройство Земного Мироздания")

Нет, я не верю, время, не течёт,
Оно стоит, безжизненно, на месте,
И только люди, врозь, иль с Богом вместе,
Отмеривают, своей жизни, ход.
Что было, не исчезнет, никогда,
И снова, никогда, не повторится,
Родные и смеющиеся лица,
Не смоят, мёртвая, вода.
Что будет, то давно, уже прошло,
Грядущее, как прах, развеял ветер,
Всё то, что вновь, произойдёт на свете.
Давно, былём былинным, заросло.

(Автор)

– Мама, ну и вот что тебе приспичило именно сюда?! – раздражённо дёргала инвалидную коляску Надя.

– Так ведь, доченька, неусыпаемую псалтырь только в монастыре заказать можно, ты же знаешь, – с улыбкой огляну-

лась Наталья на начинающую увядать девушку с молодёжно-фиолетовым ирокезом на голове.

– Да знаю я, знаю, – раздражённо пробормотала в ответ приближающаяся к тридцатилетию, незамужняя и бездетная дочь, продолжая ворчать, – припарковаться негде, машину пришлось бросить чёрт знает где, – подкатила коляску к высокому старинному крыльцу, – ну конечно! Пандуса нет! И как, я тебя туда, скажи на милость?! – легко взбежав по узким и высоким каменным ступенькам, заглянула внутрь, за узкую неправдоподобно высокую дверь, – ох! Ёлки-палки! Ну, допустим, досюда я тебя дотащу, а дальше как?!

– А ты сама, Надюша, ты же всё знаешь гораздо лучше меня, – робко попросила Наталья.

– Знаешь, знаешь! – злобно процедила сквозь зубы ОТПАВШАЯ, разуверившаяся во всём и во вся девушка, – давай я тебя хоть сюда, в тенёк откачу, а то солнцепёк такой, – проговорила толкая коляску к растущим с правой стороны храма кустам сирени.

– Ой, Наденька, красота то какая! – радостно поприветствовала женщина-инвалид, "кипящие" белыми и фиолетовыми гроздьями дерева, – а запах! Запах то какой!

– Да уж, – чуть дрогнул, смягчившись, голос Надежды, – мам, а может ну его всё? Ну посидим сейчас здесь вместе и домой? Ну зачем? Зачем "праздновать" день его смерти?

– Доченька, – умилительно склонила голову набок Наталья, наблюдая за чуть-чуть "оттаявшей" дочерью, – это для

нас горе, это нам здесь плохо без него, а ему там...

– Где ТАМ?! – как взорвалась изнутри Надя, – мама! Что ты опять за своё?! Нету никакого ТАМ! Я, с самого детства, когда он нас бросил, – чуть всхлипнула "обиженная отцовским предательством" девочка, – сколько "боженьку" просила и просила? И в воскресную школу ходила, и на клиросе пела, на всех службах! На коленях!, молилась! Дура..., – содрогнулась как от озноба, – а ОН, так меня и не послушался! Поэтому! – решительно, как взмахнув саблей, "отрубила", – раз Он не сделал так я как хочу, не послушался меня, значит нет ЕГО! – раздражённо передёрнула плечами. Помолчав и недовольно хмыкнув от умоляющего взгляда матери, – ладно схожу. Не надо, – решительно оттолкнула дрожащую руку с зажатым в ней бумажным свёртком, – сама помню как и что надо. Надо хоть платок одеть, не пойду же я так, монастырь всё-таки. Дай свой, – протянула руки к, радостно поглаживающей её по бёдрам, матери и сняла белую с бледными цветочками ткань с её головы, – не хочу я ихние на себя, – привычно-знакомо накинув и завязав головной убор, вытянула из висящей на плече сумки зеркальце и влажные салфетки, – "чучело-мяучело", – презрительно рассмеялась сама над собой закончив "омовение", стерев всю косметику с лица, потом приникнув к матери, приобняв её, чмокнула в щёчку, – прости меня, мамочка, не скучай тут, я постараюсь быстро...

– Здравствуй, Наташа, – проговорил выходящий из двери правого придела Спасо-Вознесенского храма молодой, двадцатипятилетний мужчина.

– Здравствуй, Андрюша! – вся содрогнувшись, вскинулась ему навстречу разбитая неизлечимым увечьем старая женщина, – ты всё-таки пришёл! Такой молодой, красивый! – погладила она непослушно торчащие в разные стороны волосы, присевшего перед ней на корточки, по советски одетого, рыхло-полного, невзрачного парня в уродливо коричневых очках на лице.

– Ты тоже, – ответил ей, покинувший этот мир год тому назад, мужчина.

– Андрей! – горестно рассмеялась в ответ Наталья, – чего болтаешь то? Я и раньше то, когда молодой была..., ты же меня никогда, ни разу красивой не назвал, никогда не восхищался мной. А теперь? Теперь я годна тебе?

– И теперь, и всегда. Ты моя единственно возможная, только для меня предназначенная была, есть и будешь, – как-то стеснительно улыбнулся молодой мужчина, – ну да ладно, Наташенька, я к тебе ненадолго, ты не поверишь, ДЕЛ не-проворот. Так что давай, вставай, прогуляемся немножко с тобой, – проговорил взяв Наташу левой рукой за её правую руку и обнимая своей правой её за "талию".

– Ты уверен, Андрюша? Ведь я уже столько лет...

–Фрррр, – как конь, всхрапнул в ответ Андрей Юрьевич, – ведь я же Доктор! Или ты забыла?

Изящно вышагивающая в длинной, до пят, обёрнутой вокруг бёдер ткани, которую она забыла снять и оставить на выходе из храма, смотрящая в землю Надя подняла взгляд и остановилась как ударившись о невидимую стену.

– Мама! Мамочка! – в ужасе вскричала девочка и бросилась к стоящей у небольшого крыльца, ухватившись за прутья металлических перил Наталье, – как ты здесь оказалась?! – подбежав и заключив в объятия готовую, как ей показалось, упасть женщину.

– Сама дошла.

– Сама?! Как?! Зачем?! – Надюшу трясло как в лихорадке, – так значит, всё-таки, ТЫ ЕСТЬ! – хлынули слёзы из глаз, вновь уверовавшей под влиянием чуда, девушки, – ТЫ ЕСТЬ! – попыталась она перекреститься на наглухо закрытую дверь Правого Придела, одновременно боясь отпустить ровно и уверенно стоящую на ногах мать.

– Надюша, не хватайся ты так за меня, у меня всё хорошо, помолись и поблагодари папу спокойно.

– Папу?! Почему папу?!

– Это он приходил сейчас ко мне. Из этой двери вышел. С кресла меня поднял и говорит, давай пройдемся, мол, немного. Ну, я и пошла. А пока сюда шла, то прям чувствовала, что он, как будто правую руку свою, внутрь меня засунул и "копается" там, ну вроде как настройщик внутри пианино. Вот так вот, – погладила Наталья по голове, опустившуюся

перед ней на колени, плачущую дочь по разлохматившемуся ирокезу.

– А меня?! Почему он меня не подождал?! – взывала в голос будущая монахиня.

– А ты с ним ещё встретишься, доченька! Обязательно встретишься. И не только там, но и здесь.

"Чтобы не дать материи изникнуть,
В нее впился сплавляющий огонь.
Он тлеет в «я», и вещество не может
Его объять собой и задушить.

Огонь есть жизнь.

И в каждой точке мира
Дыхание, биенье и горенье.

Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье —

Творящий ритм мятежного огня"

(Максимилиан Волошин "Мятеж")

– Мужчина, куда вы толкаетесь? – попытался остановить сержант ДПС протиснувшегося сквозь толпу зевак, одетого в "совковскую" рубашку в коричневую клеточку и серые мешковатые брюки полного парня в старых роговых очках.

– Я Доктор, – властно отстранил, невольно попятившегося от непонятного страха дэпезника, Посланник, – давно? – спросил у сидящих внутри "скорой" молоденьких девушек.

– Полчаса уже, – испуганно выпорхнули наружу врач и

медсестра, – мы уже всё точно продиагностировали. Реанимация невозможна. Час... , больше уже прошло. Это мы, полчаса назад приехали. "Пробки" же кругом.

– Да, это верно, "ТЕСНО" здесь, очень тесно, – пробормотал Андрей Юрьевич себе под нос опускаясь на колени перед накрытым простынёй телом.

– Я не знаю! Я не знаю, как это получилось, – подскочил и влез в разговор водитель грузовика, сидевший до этого задом прямо на асфальте и терзавший свои волосы так, будто желая их выдрать, – я ехал с нормальной скоростью, а она откуда не возьмись на своём самокате!

– Да уж! Это всё родители виноваты! Напокупают им! – раздались и тут же затихли реплики из толпы.

– Мы уже в прокуратуру сообщили, – проговорил через плечо собирающего снять простыню "доктора" сержант, как будто останавливая его.

– Сообщили? Это хорошо, что сообщили, – угрюмо кивнул в ответ Андрей Юрьевич, – какая красавица! – вздохнул взглядываясь в невзрачненькое личико двенадцатилетней девочки из полубомжовской семьи, – как же тебя так угораздило, Родненькая Моя? Ну, ничего, ничего, мы это Дело сейчас поправим, – уверил поглаживая, проводя Сильными Руками по мокрым от крови волосам и худенькой шейке.

– У него руки внутри! Внутри неё! – в ужасе вскрикнула, тут же остановленная тычком в бок, медсестра.

ВОССТАНОВЛЕННАЯ девочка вздрогнула и закашляла

кровяными сгустками.

– Включите диктофон, – искоса, грозно глянул Андрей Юрьевич на мечущихся перед ним врачих, поднимая девочку на руки и занося внутрь "скорой", – значит так! Сейчас адреналин и глюкозу и больше ничего. По прибытию в стационар предписания дежурному хирургу...

– Ну вот, наверное и всё, – наклонившись и поцеловав в лоб судорожно вдыхающую и выдыхающую девочку с крепко зажмуренными глазами, – ага, а вот и "драгуны", – усмехнулся выглянув наружу и увидев прорывающийся сквозь автомобильный затор чёрный, наглухо тонированный мерседес с мигалкой, – только, как всегда, СЛАВА БОГУ, с опозданием, – завершил выпрыгивая из машины и заворачивая, протискиваясь в тёмную щель между бортом грузовика и фургоном "скорой помощи".